

**Российская
академия
наук**

**Министерство науки
и высшего образования
Российской Федерации**

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации по общественным наукам
(ИНИОН РАН)**

Потапова Р.К., Потапов В.В., Комалова Л.Р.

**ВОСПРИЯТИЕ МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ
МОНО- И ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Москва 2020

УДК 81
ББК 81

Рецензенты:

Л.В. Скворцов, доктор философских наук
В.З. Демьянков, доктор филологических наук

**Потапова Родмонга Кондратьевна, Потапов Всеволод
Викторович, Комалова Лилия Рашидовна**

П 64 Восприятие мультимодальной моно- и полиэтнической коммуникации: монография / отв. ред. Л.Р. Комалова. – Москва : ИНИОН РАН, 2020. – 210 с.
ISBN 978-5-248-00965-7

Содержательной доминантой исследования является воспринимаемый диапазон интерпретации мультимодальной моно- и полиэтнической коммуникации. Исследуются особенности восприятия информации, исходящей от источника коммуникации и получаемой реципиентом по слуховому и зрительному каналам. Подтверждается тезис об относительной конгруэнтности двух видов исходящей и входящей информации применительно к моно- и полиэтнической коммуникации. Тезис о воздействии мультимодальной коммуникации на эмоционально-модальное состояние и речевое поведение реципиентов аргументируется результатами исследований интернет-опосредованного общения в социальных сетях.

Для исследователей и специалистов в области теории коммуникации, социолингвистики, психолингвистики и pragmalingвистики, а также обучающихся по профилю «Георетическая и прикладная лингвистика», «Фундаментальная и прикладная лингвистика».

УДК 81
ББК 81

*Исследование выполнено при поддержке
Российского научного фонда (РНФ),
проект № 18-18-00477*

DOI: 10.31249/vmmpk/2020.00.00

ISBN 978-5-248-00965-7

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2020

**Russian
Academy of
Sciences**

**Ministry of Science and
Higher Education of
the Russian Federation**

**Federal State Budgetary Institution of Science
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences**

Potapova R.K., Potapov V.V., Komalova L.R.

**PERCEPTION OF MULTIMODAL
MONO- AND POLY-ETHNIC
COMMUNICATION**

Moscow 2020

UDC: 81

Reviewers:

L.V. Skvortsov, Doctor of Science in Philosophy

V.Z. Demyankov, Doctor of Science in Philology

Potapova, R.K., Potapov, V.V., Komalova, L.R.

P 64 **Perception of multimodal mono- and poly-ethnic communication** : Monograph / Edited by L.R Komalova. – Moscow : INION RAN, 2020. – 210 p.
ISBN 978-5-248-00965-7

Perceptual range of interpretations of multimodal mono- and poly-ethnic communication is substantive dominant of the present study. The present monograph explores informational features perceived from a communication source and received by the recipient through auditory and visual channels. The findings argue the thesis of the relative congruence of the two types of outgoing and incoming information in relation to mono- and poly-ethnic communication. The influence of multimodal communication on the emotional-modal state and speech behavior of recipients is supported by the results of studies of Internet-mediated communication within social network sites.

The book will be interesting for a wide range of researchers and specialists in Communication Theory, Sociolinguistics, Psycholinguistics and Pragmalinguistics, as well as Postdoctoral researchers, PhD candidates, PhD and MSc students in Theoretical and Applied Linguistics, Fundamental and Applied Linguistics.

UDC: 81

*This research was supported by a grant from
Russian Science Foundation (RSF),
research project № 18-18-00477*

DOI: 10.31249/vmmpk/2020.00.00

ISBN 978-5-248-00965-7

© FSBIS «Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	10
Introduction	12
Глава 1. К вопросу о модальностях коммуникации	14
1.1. Концептуализация понятия «речевая коммуникация»	15
Особенности межличностной коммуникации	17
Модели межличностной коммуникации	20
Социальные и психологические компоненты речевой коммуникации	22
Функции речевой коммуникации	23
Соотношение вербальных и невербальных компонентов речевой коммуникации	24
1.2. Невербальные модальности, участвующие в речевой коммуникации	26
Мимика	30
Выражение глаз, взгляд, зрительное поведение	32
Жестикуляция	33
Позы	34
Пространство и дистанция в процессе коммуникации	35
Прикосновения, тактильный контакт	36
Пара-, или околовербалика	36
Гендерный аспект невербалики	38
Некоторые особенности невербалики в процессе меж- культурной коммуникации	44
1.3. Особенности восприятия с участием слуховой и зри- тельной модальностей	46
1.4. Воздействие в процессе речевой коммуникации	51
Классификация видов речевого воздействия	52
Речевое воздействие: Манипуляция или актуализация?	53
Литература	54
References	58

Глава 2. К опыту субъективного декодирования мультимодальной моно- и полизннической коммуникации	62
2.1. Определение степени конгруэнтности слухового и зрительного видов восприятия британской и американской межличностной коммуникации (применительно к моно- и полизнническим реципиентам)	63
2.2. Субъективная оценка носителями русского языка и культуры степени эмоциональности иноязычных и иноэтнических партнеров по коммуникации	69
2.3. Значение невербалики в политической коммуникации (анализ невербального поведения русскоговорящих и англоговорящих политиков)	76
2.4. Перцептивно-слуховой и перцептивно-зрительный виды анализа речевого поведения представителей немецкой и австрийской лингвокультур в оценках представителей русской лингвокультуры	95
2.5. Перцептивно-визуальный анализ английского речевого поведения представителями русской лингвокультуры	104
2.6. Реципрокная оценка эмоций по невербальному поведению иноязычных коммуникантов (представители США и России)	107
2.7. Реципрокная оценка эмоций по невербальному поведению иноязычных коммуникантов (представители США и Китая)	126
2.8. Взаимная оценка эмоций по невербальному поведению иноязычных коммуникантов (представители США, Китая и России)	136
Литература.....	156
References.....	156
Глава 3. Интернет-опосредованная коммуникация как мультимодальная поликодовая среда	158
3.1. Многоаспектность феномена мультимодальность и поликодовость применительно к речевой коммуникации	159
3.2. Экспериментальное исследование воздействия мультимодальной поликодовой коммуникации в социальных интернет-сетях на реципиентов, не вовлеченных в процесс общения	167

3.3. Эмпирическое исследование «следов» депривации по письменной речевой коммуникации пользователей социальной интернет-сети	177
Литература	190
References	196
Заключение	202
Conclusion	203
Об авторах	204
About authors	206

CONTENTS

Introduction	12
Chapter 1. Potapova R.K., Potapov V.V. Speech communication modalities ..	14
1.1. Conceptualization of the notion «speech communication»	15
Features of interpersonal communication.....	17
Models of interpersonal communication	20
Social and psychological components of speech communication	22
Functions of speech communication.....	23
Correlation between verbal and non-verbal components of speech communication	24
1.2. Non-verbal modalities involved in speech communication....	26
Facial expressions.....	30
Eye expressions, gaze, and visual behavior	32
Gesturing.....	33
Poses	34
Space and distance in the communication process	35
Tactile contact.....	36
Para-verbal means of communication.....	36
The gender bias of non-verbal communication	38
Some features of non-verbal intercultural communication	44
1.3. Perceptual features involving auditory and visual modalities	46
1.4. Speech influence throughout speech communication	51
Classification of speech influence types	52
Speech influence: Manipulation or actualization?	53
References.....	58
Chapter 2. Potapova R.K., Potapov V.V. Subjective decoding of multimodal mono- and poly-ethnic communication	62
2.1. Determining the degree of congruence of auditory and visual perceptions of British and American interpersonal	

communication (in relation to mono- and multi-ethnic recipients)	63
2.2. Subjective assessment by Russian native speakers of the degree of emotionality of foreign communication partners	69
2.3. The importance of non-verbal means in political communication (analysis of non-verbal behavior of Russian-speaking and English-speaking politicians)	76
2.4. Perceptual-auditory and perceptual-visual types of analysis of speech behavior of representatives of German and Austrian linguacultures in evaluations of representatives of Russian linguaculture	95
2.5. Perceptual-visual analysis of English speech behavior by representatives of Russian linguaculture	104
2.6. Reciprocal assessment of emotions based on non-verbal behavior of foreign-speaking communicants (representatives of the USA and Russia)	107
2.7. Reciprocal assessment of emotions based on non-verbal behavior of foreign-speaking communicants (representatives of the USA and China)	126
2.8. Mutual assessment of emotions based on the non-verbal behavior of foreign speakers (representatives of the USA, China and Russia)	136
References	156
Chapter 3. Komalova L.R. Internet-mediated communication as multimodal poly-code environment	158
3.1. The multidimensionality of the phenomena of multimodality and poly-codeness in relation to speech communication	159
3.2. An experimental study of the impact of SNS multimodal poly-code communication on recipients not involved in the communication process	167
3.3. An empirical study of the «traces» of deprivation in written verbal communication of SNS' users	177
References.....	196
Conclusion.....	203
About authors	206

ВВЕДЕНИЕ

Проблема природы соотношения между двумя типами коммуникативных кодируемых и воспринимаемых / декодируемых знаков относится к тому разряду исследовательских поисков, которые ассоциируются в какой-то степени с поиском «философского камня». Объяснить этот феномен можно с позиции концепции конвенциональности языка, языкового и нязыкового знаков (Аристотель, Жан-Жак Руссо, Фридрих Ницше, Фердинанд де Соссюр).

Принцип конвенциональности в формате моно- и полизннической коммуникации реализуется с определенными ограничениями, связанными как с идиосинкразией поведения коммуникантов, так и с историческими особенностями формирования этнической культуры. Исходя из этого при проведении данного исследования с целью выявления особенностей восприятия мультимодальной моно- и полизннической коммуникации особое внимание уделялось не только вербалике, но также и паравербалике, невербалике и экстравербалике, т.е. сопутствующим факторам (по Р.К. Потаповой).

Конвенциональность вышеперечисленных факторов дала возможность выявления особенностей мультимодального восприятия характеристик моно- и полизннической коммуникации.

Вместе с тем не теряет своей актуальности проблема природы и степени конгруэнтности «исходящих и входящих» коммуникативных сигналов в процессе их перцептивной оценки.

В данном случае, как показали ранее проведенные исследования (см. работы Р.К. Потаповой и В.В. Потапова¹), посвященные

¹ Potapova R., Potapov V. Kommunikative Sprechfähigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich. – Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2011. – 312 S.; Potapova R., Potapov V. Auditory and visual recognition of emotional behaviour of foreign language subjects (by native and non-native speakers) // Speech and Computer

восприятию эмоциональных состояний в процессе моно- и полиглоссической коммуникации, характерным признаком перцептивной оценки эмоций является когнитивная энтропия, т.е. можно говорить не об абсолютной, а об относительной степени конгруэнтности полученных данных, что и нашло подтверждение в ходе проведения нашего исследования.

P.K. Potapova

2013, LNAI / Ed. by M. Zelezny, I. Habernal, A. Ronzhin. – Heidelberg: Springer, 2013. – Vol. 8113. – P. 62–69. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-01931-4_9; https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-01931-4_9; Potapova R., Potapov V. Cognitive entropy in the perceptual-auditory evaluation of emotional modal states of foreign language communication partner // Speech and Computer 2017, LNAI / Ed. by A. Karpov, R. Potapova, I. Mpuras. – Cham: Springer, 2017. – Vol. 10458. – P. 253–261. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-66429-3_24. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-66429-3_24#citeas

INTRODUCTION

The survey on the nature of the correlation between the two types of encoded and decoded (perceived) communicative signs belongs to the category of scientific research that is associated, to some extent, with the search for the «philosopher's stone». The communication phenomenon can be explained from the standpoint of the conventionality of language, linguistic and non-linguistic signs conception (Aristotle, Jean-Jacques Rousseau, Friedrich Nietzsche, and Ferdinand de Saussure).

The principle of conventionality in the format of mono- and poly-ethnic communication is implemented with certain restrictions linked to both, the idiosyncrasy of interlocutors' behavior and the historical features of ethnic culture formation. In the framework of the present research, in order to identify the perception of multimodal mono- and poly-ethnic communication, special attention is paid not only to verbal, but also to para-verbal, non-verbal and extra-verbal modalities as interconnected (according to R.K. Potapova).

The conventionality of above mentioned modalities makes it possible to identify multimodal perception features of mono- and poly-ethnic communication. At the same time, the nature and degree of congruence of «outgoing» and «incoming» communicative signs in the process of their perceptual evaluation does not lose its relevance. As shown in previous studies (see works of R.K. Potapova and V.V. Potapov¹) on the perception of emotional states in the process of

¹ Potapova, R., Potapov, V. (2011): Kommunikative Sprechätigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag.; Potapova, R., Potapov, V. (2013). Auditory and visual recognition of emotional behaviour of foreign language subjects (by native and non-native speakers). In: Zelezny, M., Habernal, I., Ronzhin, A. (eds.) Speech and Computer 2013: LNAI, vol. 8113 (pp. 62–69). Springer, Heidelberg. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-01931-4_9. <https://link.springer.com>.

mono- and poly-ethnic communication, cognitive entropy is a characteristic feature of perceptual assessment of emotions. So, we can talk about the relative degree of congruence of the obtained data, which was confirmed in the course of present study.

Rodmonga Potapova

com/chapter/10.1007/978-3-319-01931-4_9; Potapova, R., Potapov, V. (2017). Cognitive entropy in the perceptual-auditory evaluation of emotional modal states of foreign language communication partner. In: Karpov, A., Potapova, R., Mporas, I. (eds.) Speech and Computer 2017: LNAI, vol. 10458 (pp. 253–261). Springer, Cham (Switzerland). DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-66429-3_24. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-66429-3_24#citeas

Глава 1. К ВОПРОСУ О МОДАЛЬНОСТЯХ КОММУНИКАЦИИ¹

Аннотация. Речевая коммуникация описывается как мультимодальное взаимодействие, в ходе которого коммуниканты выстраивают перцептивный образ коммуникативного акта, партнеров по коммуникации. В процессе устно-речевой коммуникации сообщения вербализуются и передаются по акустическому каналу, сопровождаясь паравербаликой (особенностями голоса и речи коммуникантов), визуально воспринимаемой невербальной (мимикой, жестикуляцией коммуникантов, передвижением в пространстве), тактильной и др. значимой информацией. Перечисленные модальности находятся в различных отношениях (повторения, контрадикции, субSTITУции, дополнения, акцентирования, регулирования), на основе анализа которых коммуниканты делают выводы об эмоционально-модальном состоянии друг друга, истинности / ложности высказывания, намерениях партнера по коммуникации. На восприятие в процессе коммуникации оказывает влияние также гендерный фактор (гендерные стереотипы поведения, стереотипы восприятия) и условия межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: модальности; модусы; восприятие; межличностная коммуникация; речевая коммуникация; вербальные средства; невербальные средства; паравербалика; мимика; жестика; проксемика; кинесика; гендер; речевое воздействие; межкультурная коммуникация.

Chapter 1. SPEECH COMMUNICATION MODALITIES²

Abstract. Speech communication is described as multimodal interaction, during which communicants build a perceptual image of a

¹ © Потапова, Р.К., Потапов, В.В., 2020

² © Potapova, R.K., Potapov, V.V., 2020

communicative act and interlocutors. In the process of oral speech communication, messages are verbalized and transmitted along the acoustic channel, accompanied by para-verbal means (voice and speech features of communicants), visually perceived non-verbal (facial expressions, gestures, movements of communicants in space), tactile and other significant information. The listed modalities work in different relations (repetition, contradiction, substitution, additions, emphasis, regulation), based on the analysis of which the communicants draw conclusions about the emotional-modal states of each other, the truth / falsity of the statement, the intentions of the communication partner. The perception in the process of communication is also influenced by the gender factor (gender behavior stereotypes and gender perception stereotypes), as well as conditions of cross-cultural communication.

Keywords: modalities; modes; perception; interpersonal communication; speech communication; verbal means; non-verbal means; para-verbal means; facial expressions; gestures; proxemics; kinesics; gender; speech influence; cross-cultural communication.

1.1. Концептуализация понятия «речевая коммуникация»

Коммуникация (от лат. «*communicatio*» – сообщение, передача и от «*communicare*» – делать общим, беседовать, связывать, сообщать, передавать [Бориснёв, 2003, с. 3]) является основным объектом научной дисциплины «теория коммуникации» – науки о коммуникациях, коммуникационной науки, коммуникологии, коммуникативистики или коммуникатики [Яковлев, 2006, с. 5–9] (в западноевропейском и американском наименованиях – *communication studies*, *communications*, а также метадискурс (Р. Крэйг)). Теория коммуникации изучает процесс социальной коммуникации / взаимодействия / интеракции, понимаемый в качестве первоосновы для любых процессов жизни человека и общества, а также результаты этого процесса [Лазаревич, 2015, с. 23]. Согласно И.П. Яковлеву, под теорией коммуникации как наукой следует понимать научную дисциплину о месте и роли коммуникации в обществе, ее развитии и структуре, коммуникационных процессах и средствах и др. [Яковлев, 2006, с. 8].

С.В. Бориснёв считает, что под коммуникацией следует понимать социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения по различным каналам с помощью разных коммуникативных средств [Бориснёв, 2003, с. 14]. М.С. Андрианов под коммуникацией понимает смысловой аспект социального взаимодействия [Андрианов, 2007, с. 10]. По мнению Н. Лумана, под коммуникацией следует понимать «некое исторически-конкретное протекающее, зависимое от контекста событие, специфическую операцию, характеризующую исключительно социальные системы, в ходе которой происходит перераспределение знания и незнания» [Лазаревич, 2015, с. 23], а не связь или передача информации или перенос «семантических» содержаний от одной обладающей ими психической системы к другой [Назарчук, 2009, с. 113–114]. Согласно Л.А. Бакстеру, А.Л. Силларсу и А.Л. Вангелисти, коммуникация – это средство, с помощью которого люди конструируют и поддерживают свои отношения [Baxter, 2004; Sillars, Vangelisti, 2006].

Из этого небольшого перечня толкований понятия «коммуникация» очевидно, что это сложное явление, и, в зависимости от точки зрения, предметом исследования могут быть разные сущности, например отношения между людьми, способы коммуникации, содержание сообщений и т.д. В связи с этим следует дополнительно ввести некоторые категории, позволяющие уточнить предмет настоящей монографии, а именно категорию «вербальность коммуникации» и категорию «количество коммуникантов». Для этого мы обратимся к двум классификациям коммуникации и опишем виды коммуникации, находящиеся в фокусе нашего внимания.

1. Виды коммуникации, выделяющиеся на основе средств ее осуществления:

- вербальная коммуникация;
- невербальная коммуникация, или коммуникация, осуществляемая в паралингвистическом дискурсе:
 - коммуникация с помощью знаков,
 - коммуникация с помощью жестов,
 - коммуникация с помощью символов,
 - коммуникация с помощью других паралингвистических средств (например, мимики, поз, и др.).

2. Виды коммуникации, выделяемые по субъектам коммуникации и типу отношений между ними [Андреанов, 2007; цит. по: Жеребин, Махрова, 2015, с. 28–29]:

- межличностная коммуникация – вид личностно ориентированного общения, связанный с обменом сообщениями и их интерпретацией двумя или более индивидами, вступившими в определенные отношения между собой (вид коммуникации в ситуации межличностных взаимодействий и / или отношений);
- межгрупповая коммуникация – вид взаимодействия людей, детерминируемый их принадлежностью к различным социальным группам и категориям населения, независимый от их межличностных связей и индивидуальных предпочтений;
- публичная коммуникация – вид институционального (статусно-ориентированного) общения с публикой (значительным числом реципиентов); сообщение в такой коммуникации затрагивает общественные интересы и приобретает публичный характер;
- массовая коммуникация – процесс систематического распространения информации, носящий институциональный характер, а также передача специально подготовленных сообщений с помощью различных технических средств на члененно большие, анонимные, рассредоточенные аудитории; является регулятором динамических процессов общественного сознания, интегратором массовых настроений, а также мощным средством воздействия на индивидуальность и группы.

В данном исследовании объектом анализа послужит межличностная коммуникация, реализуемая с помощью вербальных и невербальных средств.

Особенности межличностной коммуникации

Межличностная коммуникация – форма коммуникации, при которой в роли как отправителя, так и получателя выступают отдельные индивиды. Это процесс одновременного речевого взаимодействия коммуникантов и их непосредственного воздействия друг на друга [Конецкая, 1997, с. 31]. Для межличностной коммуникации характерен непосредственный контакт между субъектами общения, что обуславливает ряд особенностей этой формы коммуникации:

- тесную обратную связь, регулирующую ход общения;
- богатство используемых кодов, в том числе невербальных;
- двусторонний обмен информацией, происходящий в виде диалога.

При межличностной коммуникации обмен информацией между субъектами тесно переплетен с их психологическим взаимодействием, образуя единый процесс общения. По характеру взаимодействия можно различать личностный и ролевой виды межличностной коммуникации. Первая носит более экспрессивный характер, связанный с самовыражением «Я». Само участие в коммуникации имеет при личностной коммуникации самодовлеющую ценность. Как форма, так и содержание личностной коммуникации не связаны сколько-нибудь строгими нормами, а имеют индивидуализированный и ситуативный неформальный характер. Ролевая разновидность межличностной коммуникации более формализована в своих проявлениях, ее содержание и форма определены ролевыми отношениями партнеров, а процесс передачи информации нацелен на достижение определенного результата [Социологический энциклопедический словарь, 1997].

Являясь наиболее древней формой, межличностная коммуникация сохраняет и в современном обществе ведущую роль в формировании личности и ее отношений с внешним миром. В сложных информационных процессах современного общества межличностная коммуникация выступает как противовес массовым формам коммуникации, опосредствуя их влияние на личность. Ролевая разновидность межличностной коммуникации наряду с групповой коммуникацией составляет основу системы коммуникации в организациях [там же].

А.П. Назаретян уточняет содержание понятия «межличностная коммуникация» и, говоря о том, что обмен сообщениями, при котором адресатами служат одно или несколько конкретных лиц, чаще всего осуществляется при непосредственном устном контакте, но в современном обществе может быть опосредован телефонной, факсовой, почтовой или электронной связью» [Назаретян, 2004].

Поскольку межличностная коммуникация понимается как процесс одновременного взаимодействия индивидов и их воздей-

ствия друг на друга, она имеет ряд особенностей, которые и составляют ее специфику как типа коммуникации.

В.П. Конецкая выделяет следующие основания [Конецкая, 1997]. Во-первых, межличностная коммуникация обладает своего рода неотвратимостью и неизбежностью. Эта особенность объясняется самими условиями человеческого существования, а именно – человек – это социокультурный феномен, который не может существовать без взаимодействия с другими индивидами. Общение является одной из важнейших потребностей человека. Во-вторых, межличностная коммуникация необратима: человек не может изменить то, что он сказал, точнее он не может уничтожить сказанное. В-третьих, межличностная коммуникация предполагает непосредственную обратную связь, т.е. взаимодействие между говорящим и реципиентом. Это говорит о том, что в акте межличностной коммуникации должны участвовать, как минимум, два коммуниканта. Как и любой иной вид социальной коммуникации, межличностная коммуникация предстает как процесс обмена сообщениями, предполагающий истолкование и понимание этих сообщений участвующими в ней людьми.

Межличностный характер коммуникации предполагает, что имеет место обмен сообщениями между небольшим числом людей; это непосредственное взаимодействие, когда его участники находятся в пространственной близости, имеют возможность легко осуществлять обратную связь [Зиналиева, 2007]; это взаимодействие личностно ориентировано, т.е. предполагается, что каждый из его участников признает незаменимость, уникальность своего партнера, принимает во внимание особенности его эмоционального состояния, самооценки, личностных характеристик [Карпук, 2015].

В.П. Конецкая [Конецкая, 1987] отмечает, что в результате межличностной коммуникации возникают межличностные отношения, которые являются определяющим фактором в поэтапности данного вида коммуникации. Такие отношения складываются в результате любых контактов между людьми. Следует подчеркнуть, что наряду с психологическим и социальным факторами, большую роль в межличностных отношениях играет эмоциональный фактор. Поэтапность, которая наблюдается в развитии межличностных отношений (установление, поддержание, подъем, спад, пре-

кращение и возможное возобновление), непосредственно связана с характером межличностной коммуникации в плане ее формы и содержания.

Условия, в которых происходит межличностное общение, также оказывают свое влияние на характер общения. Это может быть анонимное общение – взаимодействие между незнакомыми людьми (в самолете, зрительном зале и т.п.), функционально-ролевое общение (взаимоотношения между членами профессионального коллектива), личное или интимное общение (в группе друзей, в семье). Межличностная коммуникация обладает такой особенностью, как многоканальность. Именно при межличностной коммуникации возможно одновременное использование нескольких каналов передачи и восприятия информации¹ – можно не только слышать и видеть собеседника, но и дотронуться до него рукой, уловить запах, который может сообщать дополнительную информацию о партнере, оценить дистанцию между собой и партнером как показатель межличностных отношений. Из этого следует, что данный вид коммуникации протекает как минимум на двух уровнях – вербальном и невербальном. Из этих двух уровней второй является более древним, но первый – наиболее универсальным [Конецкая, 1997].

Модели межличностной коммуникации

Попытки смоделировать процесс межличностной коммуникации предпринимались не раз на основе различных подходов к пониманию ее сущности и функций. Сложность моделирования объясняется тем, что межличностная коммуникация актуализируется в различных формах [Конецкая, 1997]. Это может быть беседа – непосредственная коммуникация (с глазу на глаз или в присутствии других лиц) или опосредованная (через телефонную, компьютерную связь). Межличностная коммуникация может осуществляться в форме интервью, дебатов, публичных или судебных слушаний. Это так называемые структурированные формы, каждая

¹ В параграфе 1.3 первой главы и во второй и третьей главах настоящей монографии этот аспект коммуникации рассматривается в терминах теории мультимодальности.

из которых имеет свои особенности, обусловленные специфическими функциями и коммуникативной ситуацией [Конецкая, 1997].

По мнению В.П. Конецкой, в *структурных* моделях в качестве обязательных компонентов обычно выделяются следующие: кто передает информацию (отправитель), что передается (содержание информации), кому передается информация (получатель), каким способом передается информация (канал), обратная связь (непосредственная или опосредованная).

Е.Г. Фалькова [Фалькова, 2007, с. 5–6] пишет о пяти основных составляющих процесса коммуникации, среди них: источник коммуникации (кто); содержание, формы и объем информации (что сообщается); канал передачи информации; аудитория, для которой предназначена данная информация (кому) и факторы эффективности сообщения (с каким эффектом). Последнее определяется по реакции коммуниканта на данное сообщение, по его поведению, выполнению определенных действий или наоборот, невыполнению их.

В *описательных* моделях выделяются еще два компонента – результативность коммуникации и ее ситуативная обусловленность (окружение, число участников, временные и пространственные характеристики и т.п.). Первый компонент не всегда поддается объективному определению, поскольку результативность для каждого коммуниканта может иметь свою оценку. Сложно определить и место обоих компонентов как составляющих модели, так как их связи с базовыми компонентами неустойчивы и разнонаправлены.

В *объяснительно-функциональных* моделях внимание обращено, главным образом, на актуализацию межличностной коммуникации как процесса. Основными компонентами являются механизмы, которые управляют процессами, например восприятия и понимания информации, воспроизведения информации, обработки информации партнерами и др. В описательной части модели дается перечень основных механизмов и целых блоков необходимых знаний. В графической форме модель представляет собой сложную схему связей между этими механизмами и блоками. Так, например, модель аналитико-синтетической обработки информации партнерами в процессе общения включает 31 компонент, среди

которых особо выделяются специфические механизмы общения, такие как механизм выявления намерения партнера, механизм поддержания общения, механизм выразительной речи, а также целый ряд блоков знаний, в частности блок знаний о средствах невербальной коммуникации, блок самопознания, блок идентификации, блок рефлексии, блок прогнозирования развития образа партнера, блок психологической защиты, блок организации совместной деятельности и др. [Узилевский, 1996, с. 30–32].

Хотя объяснительно-функциональные модели не дают обобщенного представления о межличностной коммуникации как целостном процессе, поскольку ориентированы на актуализацию частных аспектов общения, они тем не менее обладают рядом достоинств:

- имеют динамичный характер – отражают прямые и обратные связи механизмов и блоков знаний;
- при необходимости роль каждого блока знаний, например социологических, может быть конкретизирована применительно к аспекту общения;
- данные модели могут служить основой, прототипом моделей общения типа «человек – ЭВМ».

Сравнение компонентов и их связей в нескольких моделях, отражающих разные аспекты общения, позволит выделить ключевые механизмы и блоки знаний, участвующие в актуализации межличностной коммуникации как особого типа.

Социальные и психологические компоненты речевой коммуникации

Основополагающими условиями осуществления коммуникации являются [Фалькова, 2007, с. 4]:

- ориентация участников на некоторые интерсубъективные нормы;
- коммуникативная компетентность.

Говоря о коммуникативном акте как о социальном взаимодействии необходимо выделить его основные психологические и социальные компоненты.

Под психологическими компонентами понимается, в первую очередь, мотивационная сторона общения: коммуникативное на-

мерение, замысел и цель сообщения. Коммуникативное намерение – это желание вступить в общение с кем-либо. Замысел сообщения – это, по сути, та информация, которую источник коммуникации (адресант) хочет передать своему партнеру по коммуникации. К целям сообщения относится получение некоторой информации адресатом, побуждение или, наоборот, непобуждение его к определенным действиям, обмен мнениями, выяснение позиций по какому-то вопросу и т.д.

Когда мы говорим о социальных компонентах коммуникативного акта, мы, прежде всего, имеем в виду статусные и ситуативные роли его участников, а также стилевые приемы, которые они используют [Хитрова, 2009]. Статусная роль предписывает участникам коммуникации с самого начала общения определенное поведение, которое обусловливается их социальным положением, сюда относятся такие характеристики собеседников, как возраст, пол, образование, занимаемая должность и т.д. Ситуативные рули участников коммуникации выявляются в самом процессе коммуникации. Под стилевыми характеристиками понимаются особенности речевого стиля собеседников, те коммуникативные тактики и стратегии, которые они используют [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2002, с. 104–109].

Функции речевой коммуникации

В результате разных видов человеческой деятельности, требующей существования разных форм общения, возникают различные роли и функции, которые эти формы общения выполняют. В этом контексте можно говорить о функциях коммуникации. В современной литературе можно встретить описание пяти основных функций коммуникации: информационной, социальной, экспрессивной, прагматической и интерпретативной функций [там же, с. 118–121].

При выполнении *информационной* функции коммуникация служит в качестве посредника при обмене информацией, мнениями, точками зрения и т.д. Причем обмен информацией в этом случае может производиться как в целях решения какой-то практической задачи, так и просто ради самого процесса коммуникации.

Роль социальной функции – формирование и развитие у людей культурных навыков взаимоотношений. Благодаря этой функции формируются наши мировоззрения, реакции на те или иные события.

Экспрессивная функция коммуникации сопровождает процессы выражения и понимания эмоций, чувств и переживаний в процессе общения.

Прагматическая функция позволяет регламентировать поведение и деятельность участников коммуникации, координировать их совместные действия [там же, с. 120]. Она осуществляет своеобразный контроль за совершением и, наоборот, несовершением поступков и может быть направлена как на себя, так и на партнера по коммуникации.

Задачей интерпретативной функции является понимание намерений, установок и состояний партнера по коммуникации, она позволяет интерпретировать их в соответствии с господствующими ценностями и ориентирами.

Соотношение верbalных и неверbalных компонентов речевой коммуникации

В процессе коммуникации мы сознательно используем речь для того, чтобы передать нашему партнеру по коммуникации какую-либо информацию. Однако еще большую роль при восприятии и передаче информации играют невербальные компоненты, причем их по большей части человек использует бессознательно. В 50-е годы XX в. Альбер Мерабян, который изучал язык телодвижений, установил, что передача информации любого сообщения делится следующим образом: 7% ее передается вербально, т.е. с помощью слов, 38 – вокально, т.е. посредством тона голоса, ударения, способом произнесения звуков и 55% – невербальными сигналами [Цалиева, 2013]. Вслед за ним антрополог Р. Бердвинсталл оценил степень неверbalного общения между людьми и сделал вывод, что вербальный компонент межличностного общения составляет менее 35%, в то время как свыше 65% информации передается невербально [Пиз, 2010, с. 16–17].

Невербальные компоненты коммуникации способствуют не только передаче смысла сообщения, но также помогают опреде-

лить степень эмоционального переживания говорящего, сообщают о состоянии его внутреннего мира, о намерениях и ожиданиях, степени решительности или, наоборот, ее отсутствии. Через использование неверbalных средств передается информация о социальном статусе собеседников, их отношении друг к другу, например такие параметры, как доминирование – подчинение, расположленность нерасположенность друг к другу и т.д. По невербальным средствам коммуникации можно определить и отношение участников к самой ситуации общения: интересна она ли им, чувствуют ли они себя в ней комфортно и т.д. [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2002, с. 170–171].

А. Меграбян [Mehrabian, 1968; Меграбян, 2001] утверждает, что вербальная коммуникация была изобретена для обозначения предметов и явлений реального, существующего вне человека мира, в то время как невербальная коммуникация служила для выражения эмоций, переживаний, оценок и предпочтений, так как они сложно поддаются выражению посредством языковой системы [Чиркова, 2009, с. 31].

В процессе коммуникации невербальные средства взаимосвязаны с верbalными и могут находиться с ними в разных отношениях. В работе [Потапова, 2010, с. 35; Потапова, 1997] выделяются шесть основных типов их взаимодействия друг с другом.

1. Повторение, когда невербальная коммуникация дублирует вербальную или закрепляет словесное сообщение. Например, просьба говорить тише с приложением указательного пальца к губам. Или словесное указание направления с помощью руки.

2. Контрадикция, когда невербальная коммуникация противоречит вербальной. Невербальное поведение спонтанно и неосознанно, оно не контролируется сознанием и поэтому может вступать в противоречие с передаваемым вербальным сообщением. Например, когда человек говорит, что он очень рад кого-то видеть, но при этом он говорит это холодно и сухо, то его собеседник подсознательно больше доверяет именно этим невербальным сигналам, передающимся с помощью его голоса.

3. Субституция, когда невербальное поведение замещает вербальное (особенно, если оно блокируется шумом, прерыванием, и т.д.). Например, приложить палец к губам, чтобы потребовать тишины или поклониться вместо слова «да». Простым приме-

ром здесь может послужить ситуация, когда ребенок вместо того, чтобы сказать «хочу эту игрушку», просто указывает на нее.

4. Дополнение, когда невербальная коммуникация как-то модифицирует, дополняет вербальную. При этом невербальные компоненты коммуникации делают речь более выразительной, уточняют и разъясняют ее. Например, улыбка при встрече с другом, когда мы говорим, что рады его видеть, дополняет наше речевое сообщение. Или поклон, укрепляющий позитивный сигнал.

5. Акцентирование, в этом случае невербальная коммуникация акцентирует, подчеркивает какие-то части верbalного сообщения. Например, поднятый вверх указательный палец передает информацию о том, что нужно обратить особое внимание на то, что будет сказано дальше.

6. Регулирование, когда невербальное поведение используется для того, чтобы регулировать коммуникативный поток между взаимодействующими индивидами. По кивку головы, наклону туловища, интонации, принятию определенной позы мы можем понять, что пришла наша очередь вступить в разговор.

1.2. Невербальные модальности, участвующие в речевой коммуникации

Люди используют различные модальности (вербальные и невербальные средства) в процессе речевой коммуникации для того, чтобы полнее, точнее и понятнее выразить свои мысли, чувства, эмоции. Это является общим для всех культур, хотя тем или иным системам знаков в различных культурах придается разное значение. Следовательно, для общения с представителями других культур необходимо знать и понимать невербальные формы общения, присущие данной культуре [Дубина, 2012]. В этом отношении в акте межличностной коммуникации может наблюдаться и межкультурная коммуникация.

Невербальные модальности (модусы), подключаемые в процессе речевой коммуникации, составляют сложную структуру (рис. 1).

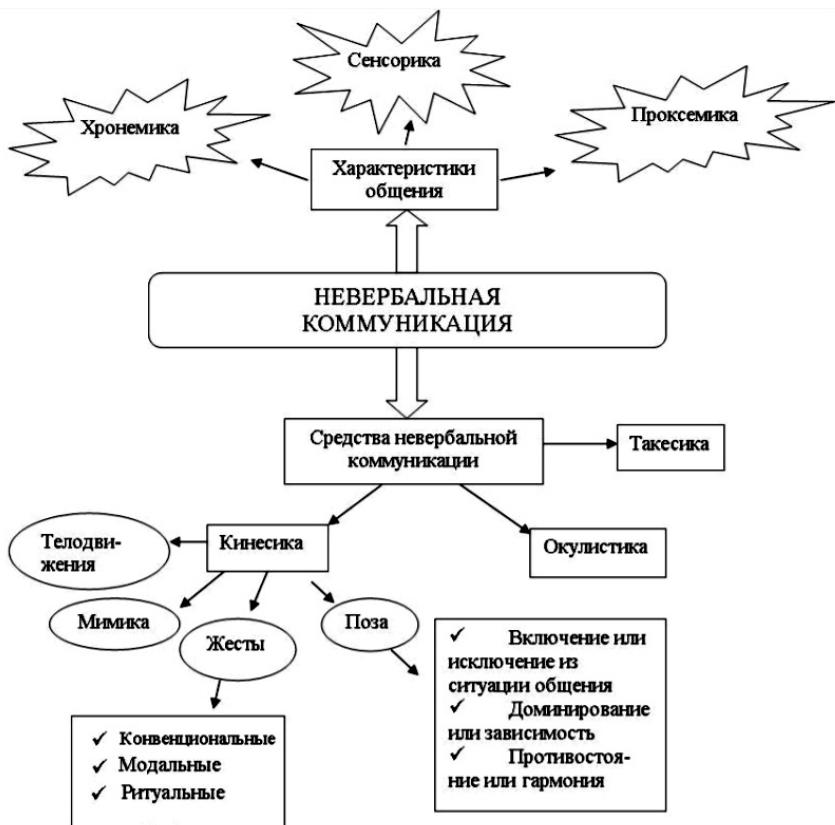

Рис. 1. Классификация средств невербальной коммуникации [Медведева, 2010, с. 632]

В.А. Лабунская описывает данную структуру следующим образом (рис. 2).

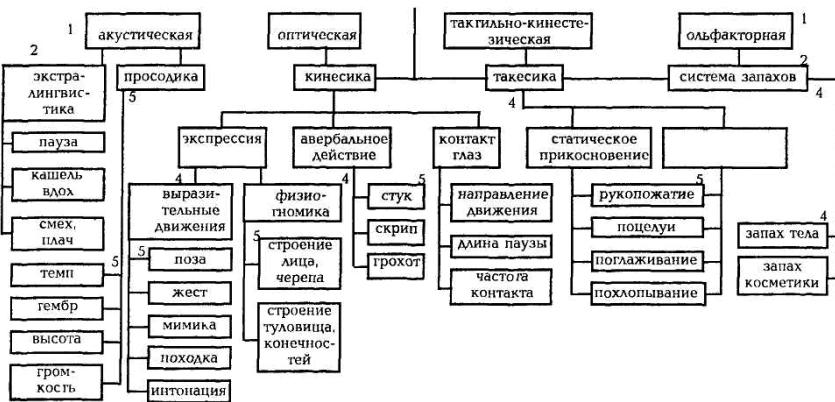

Рис. 2. Структурная схема невербального поведения человека: 1 – ведущие системы отражения невербального поведения человека; 2 – структуры; 3 – подструктуры; 4 – компоненты; 5 – элементы [Лабунская, 1988]

К оптической системе отражения невербального поведения человека относится **кинесика**, которая охватывает зрительно воспринимаемый диапазон движений тела, жесты рук, движения глаз и лица. Центральное место в кинесике занимает экспрессивная подструктура, которая подразделяется на выразительные движения и физиогномику. Динамические компоненты экспрессии изучаются в психологии невербального поведения, главным образом, как показатели эмоциональных состояний и отношений личности, т.е. как структурные элементы динамических характеристик личности. Еще одной подструктурой кинесики являются движения глаз или «контакт глаз». В этом разделе кинесики изучаются способы обмена взглядом во время беседы, длительность и частота фиксации взгляда на партнере, направление движения глаз [Лабунская, 1988].

Акустическая система включает *просодическую* структуру, которая отражается с помощью акустического канала. К ней примыкает экстралингвистическая структура, состоящая из речевых пауз, различных психофизиологических реакций человека: плач, кашель, смех, вздох и т.д.

Следующая система отражения невербального поведения – тактильно-кинестезиическая. Тактильно-кинестезиические данные поступают от рецепторов, находящихся в коже, мышцах, сухожилиях, суставах. Именно мышечные рецепторы сообщают о том, какова сила рукопожатия, поцелуя, насколько близко находится другой человек. Начиная с раннего возраста физический контакт в виде прикосновений, поглаживаний, поцелуев, похлопываний является важным средством развития личности. По этой причине они выделены в отдельную область изучения и представляют еще одну структуру неверbalного поведения – *такесику*. Такесическая структура находится под контролем не только тактильно-кинестезиической системы отражения, но и воспринимается с помощью зрения (например, амплитуда движения при рукопожатии), слухового анализатора, что способствует оценке всех нюансов физического контакта [Лабунская, 1988].

Ольфакторная структура невербального поведения получила свое название в соответствии с ольфакторной системой отражения, базирующейся на обонянии человека: искусственных и естественных запахов (запах тела и косметики).

По мнению В.А. Лабунской, в качестве основных характеристик невербального поведения, с помощью которых можно описать любую из его структур (кинесическую, такесическую, просодическую структуры и систему запахов), выступают следующие: степень дискретности – континуальности; степень произвольности – непроизвольности; степень осознанности – неосознанности невербального поведения; степень целенаправленности – нецеленаправленности; степень интенциональности – непреднамеренности; степень определенности – неопределенности; степень абстрактности – конкретности; степень устойчивости – вариабельности; степень однозначности – многозначности; линейность – пространственно-временная целостность. Соотнесение крайних позиций на каждой из шкал дают два абстрактных типа невербального поведения. Первый тип невербального поведение имеет такие характеристики, как высокая степень дискретности, произвольности, осознаваемости, целенаправленности, интенциональности, определенности, высокая степень отчужденности от действительных состояний и отношений личности, устойчивости (внеситуативности), однозначности и линейности. Второй тип невербального поведения

представляет собой образование, имеющее такие характеристики, как континуальность, непроизвольность, неинтенциональность, неопределенность, высокая степень связи с психологическими и социально-психологическими характеристиками личности, вариабельность (зависимость от контекста общения) многозначность, пространственно-временная целостность. Между этими двумя типами невербального поведения располагается все многообразие форм и паттернов невербального поведения личности, которые представляют собой совокупность движений, отличающихся сочетанием выше перечисленных параметров невербального поведения. В связи с этим структура невербального поведения может быть представлена с ракурса соотношения в ней движений определенного вида [Лабунская, 1988].

В процессе речевой коммуникации в мультимодальном режиме решаются следующие задачи:

- передача и получение информации (разъяснение содержания верbalного сообщения; как эквивалент вербальному сообщению; способ обратной связи);
- усиление когнитивной активности партнеров по коммуникации;
- изменение субъективного позиционирования;
- поддержание вербального сообщения;
- эмоциональная восприимчивость и полное эмоциональное отождествление;
- саморегуляция коммуникатором своего эмоционального состояния;
- выражение коммуникатором своих эмоций и его самопрезентация;
- выражение отношения к партнеру и определение его статуса.

Мимика

Если сравнить манеры поведения в различных культурах, можно обнаружить не только большие различия, но и много общего, что позволяет определить, в какой мере невербальное поведение свойственно человеку от природы и в какой мере приобретено им в течение жизни [Аверкина, 2008].

Лицо является наиболее выразительным органом передачи языковых сигналов тела (наиболее выразительным участком передачи невербальной информации). Мимические выражения, которые несут невербальную информацию и не связаны с социальным опытом человека, являются врожденными, природными. К таким относится, например, выражение лица детей рожденных слепыми и глухими. Анализ их невербального общения показывает, что в соответствующих ситуациях у них актуализируется та же мимика, как и у здоровых людей, т.е. они могут так же улыбаться, морщить лоб и даже кричать, хотя сами себя они не слышат и не видят [Desmond, 1978].

Мимика считается наиболее контролируемым невербальным средством коммуникации. Экспрессивное и коммуникативное значение лица повышается с филогенетическим развитием человечества [Коццолино, 2009, с. 53]. Контроль над мимикой возможен именно благодаря тому, что человек в состоянии управлять каждым отдельным мускулом своего лица. Мимика представляет собой все изменения лица человека в процессе коммуникации. Считается, что в выражении лица принимают участие 55 компонентов, сочетание которых может передать до 20 000 смыслов [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2002, с. 178].

Мимические сигналы выполняют различные функции и в социальной интеракции, обладают большим информационным содержанием. Они ответственны в большой мере за выражение и управление эмоциональным содержанием ситуации общения [Ellgring, 1986]. К основным функциям мимики можно отнести следующие:

- проявление эмоций и выражение межличностных отношений;
- передача сигналов во взаимодействии;
- содействие самовыражению.

В научной литературе упоминается, что от пола коммуниканта зависит то, каким неверbalным сигналам приписывается большее значение: на мимику большее внимание обращают женщины, в то время как мужчины считают более важным голосовые и телесные сигналы [Коццолино, 2009, с. 53–56].

Ч. Дарвин [Darwin, Murray, 1872] в своей теории эволюции утверждал, что мимика применительно к выражению эмоций явля-

ется врожденной и не зависит от расы, культуры. Однако в первой половине XX в. ведущие культурантропологи обнаружили, что у представителей разных культур можно заметить значительные различия в невербальной коммуникации при выражении эмоций, в том числе и в мимике. Многими исследователями были проведены эксперименты для выявления культурных различий при восприятии мимики, были обнаружены некоторые межкультурные вариации, однако в настоящее время общепризнана универсальность отражения основных (первичных) эмоций в выражениях лица [Чиркова, 2009, с. 36–38].

Выражение глаз, взгляд, зрительное поведение

Наука о взгляде и зрительном поведении людей называется окулесикой [Крейдлин, 2002].

Функции взгляда несколько иные по сравнению с функциями мимики и жестов, так, взгляд помогает собрать информацию, с одной стороны, он сигнализирует о том, что канал открыт, а с другой – это сигнал того, что человек проявляет интерес к тому, на что или на кого он смотрит.

Признаки устремленного взгляда различны. Некоторые из них, такие как расширение зрачков и моргание, считаются физиологическими, непроизвольными, в то время как движение и выражение глаз принято считать интенциональными действиями, которые коммуниканты часто используют сознательно в процессе социального взаимодействия.

Зрительное поведение играет большую роль при установлении отношений и передаче информации о межличностных отношениях, для получения обратной связи [Коццолино, 2009, с. 72–75].

Особенности зрительного контакта зависят от гендера и от темперамента коммуникантов: чаще зрительный контакт устанавливают социально уравновешенные и доминирующие люди, женщины делают это чаще, чем мужчины; экстраверты смотрят на своих собеседников чаще и дольше по сравнению с интровертами, особенно когда сами говорят [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2002, с. 179–180].

Жестикуляция

Д. Моррис определяет жест как действие, передающее оптический сигнал. Жестикуляция дополняет и расширяет выразительные возможности коммуникантов, когда им не хватает, например, вербальных знаний [Аверкина, 2008, с. 126]. При помощи жестов дополняется или восполняется языковая информация.

Жесты – это различного рода движения рук или кистей рук, сопровождающие в процессе коммуникации речь человека и выражающие отношение человека непосредственно к собеседнику, какому-либо событию, другому лицу, какому-то предмету, свидетельствующие о желаниях и состоянии человека [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2002, с. 176].

Жесты могут быть как произвольными, так и непроизвольными. Такие жесты как, например, почесывания относятся к физиологическим жестам, однако большинство жестов все-таки считаются культурно-обусловленными. Соответственно, в разных культурах один и тот же жест может иметь разные значения. Например, если рассмотреть ситуацию, когда средний и указательный палец подняты тыльной стороной ладони к собеседнику, то он будет иметь различное значение для носителей разных лингвокультур: в Британии, Австралии, Новой Зеландии и на Мальте он будет означать «Отвали!», в США – «два», в Германии – «победа», а во Франции – «мир» [Пиз, 2010, с. 130–131].

Помимо культурной обусловленности различий существуют гендерные различия в использовании жестов. Например, к «мужским» жестам можно отнести такие, как «почесать в затылке», «стукнуть кулаком по столу», «потирать руки» и др.; к «женским» жестам относятся «поправить волосы», «чуть наклонить голову» и т.д. [Крейдлин, 2002, с. 89–92].

В работе [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2002, с. 176] приводится следующая классификация жестов:

- иллюстраторы – это описательно-изобразительные и выразительные жесты, которые сопровождают речь и вне ее теряют свой смысл;
- конвенциональные жесты, или эмблемы, являются условными движениями и используются коммуникантами сознательно,

они заменяют речь, используются, например, при приветствии (жест пожимания руки), прощании, приглашении и т.д.;

- модальные жесты выражают эмоциональное состояние говорящего, его оценку окружающего мира, какого-то события, отношение к собеседнику;

- жесты, которые используются в различных ритуалах, например христиане крестятся, мусульмане по окончании молитвы проводят по лицу двумя ладонями сверху вниз.

В работе [Крейдлин, 2002, с. 75–77] выделяются семь основных функций жестов:

- функция регулирования и управления вербальным поведением говорящего и слушающего;

- отображение в коммуникативном акте актуальных речевых действий, например, жест «поманить пальцем»;

- коммуникативная функция передачи адресату некоторой смысловой информации, например кивок головы, передающий согласие;

- презентация внутреннего психологического состояния или отношения к собеседнику, например жест «кусать губы»;

- дейктическая функция, например указание жестом на местоположение человека или предмета;

- жестовое изображение физических действий человека, контуров и параметров объекта и т.д.;

- риторическая функция.

Позы

Поза – это положение тела, которое человек принимает осознанно или неосознанно, чтобы показать свое эмоциональное состояние, а также свое отношение к людям и окружающему миру. Антрополог Г.Х. Хьюис [Hewes, 1955; Hewes, 1957; Hewes, 1966] утверждает, что, в общем, в разных культурах можно наблюдать около 100 различных поз, но их все можно свести к разделению на «позы стоя», «позы сидя», «свернувшись калачиком или поджавшись, с согнутыми коленями» и «позы лежа» [Коццолино, 2009, с. 160–161].

В работе [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2002, с. 180–181] выделяются три группы поз по отношению к собеседнику:

- включение или исключение из ситуации (открытость или закрытость для контакта);
- доминирование или зависимость;
- противостояние или гармония.

Пространство и дистанция в процессе коммуникации

Проксемика – это наука о пространстве коммуникации, или коммуникативном пространстве, это наука о том, как человек мыслит коммуникативное пространство, как его обживаёт и использует [Крейдлин, 2002, с. 457]. Термин был введен американским антропологом Э. Холлом для исследования того, как пространство между коммуникантами, а также его использование в процессе взаимодействия влияет на межличностный контакт. В результате многочисленных исследований было выявлено, что оно отличается в разных культурах и оказывает огромное влияние на процесс коммуникации [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2002, с. 186–189].

Э. Холл разделяет межличностное пространство на четыре основные зоны:

- 1) интимная зона (0–45 см): эта зона расценивается человеком как интимное пространство, и вторгаться в нее могут только самые близкие люди;
- 2) личная зона (46–122 см): на этом расстоянии человек держится во время общения, например на вечеринках;
- 3) социальная зона (123–360 см): на этом расстоянии человек держится от незнакомых ему лиц;
- 4) публичная зона (более 360 см): это дистанция общения на всевозможных публичных мероприятиях [Пиз, 2010, с. 233–234].

Каждый человек рассматривает определенное расстояние вокруг себя как свое собственное, нарушение этого пространства может расцениваться как вторжение во внутренний мир. Дистанция между партнерами по коммуникации определяется не только культурными различиями, но и существующими отношениями между коммуникантами, гендером, возрастом, социальным статусом и т.д. Чем больше разница в статусе между людьми, тем большую дистанцию они стремятся удержать. При этом предполагает-

ся, что человек с более высоким социальным статусом располагает правом сократить дистанцию. Что касается гендерных различий, то женщины по сравнению с мужчинами предпочитают более короткую дистанцию и стремятся ее сократить [Коццолино, 2009, с. 151–154].

Прикосновения, тактильный контакт

При общении люди разных культур используют разнообразные виды прикосновений к своим партнерам по коммуникации. В работе [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2002, с. 182–185] рассматриваются четыре типа прикосновений:

- профессиональные, они носят безличный характер, например, осмотр врача;
- ритуальные, например рукопожатия;
- дружеские;
- любовные.

Прикосновения усиливают или ослабляют процесс общения, однако использование прикосновений зависит от ряда факторов, среди которых следует отметить культурные, гендерные, возрастные, социальные и психологические. Каждая культура регламентирует правила прикосновений, есть культуры, где запрещено прикосновение женщин к мужчинам, но не наоборот. К контактному типу относятся культуры, где прикосновения распространены и поощряются. К таким культурам относятся латиноамериканские, южно-европейские культуры. К дистантному типу относят культуры стран Северной Европы, Азии. Принадлежность к контактному или дистантному типу культуры тесно связана с гендерной спецификой, например итальянские мужчины прикасаются друг к другу во время коммуникации гораздо чаще, чем итальянские женщины [там же, с. 182–185].

Пара-, или околовербалика

Г.В. Колшанский (2010) рассматривал паралингвистику как языковедческую дисциплину, которая изучает факторы, сопровождающие речевое общение и участвующие в передаче информации [Потапова, Потапов, 2006, с. 94].

По определению Г.Е. Крейдлина, «под паралингвистикой понимается наука, которая составляет отдельный раздел невербальной семиотики и предметом изучения которой является параязык – дополнительные к речевому звуковые коды, включенные в процесс речевой коммуникации и могущие передавать в этом процессе смысловую информацию» [Крейдлин, 2002, с. 27].

Первым, кто предпринял попытку классифицировать невербальные голосовые сигналы, был Трагер, который разделил все паралингвистические элементы на две категории: элементы с экстралингвистическими и паралингвистическими свойствами. Экстралингвистические элементы обусловливают уникальность голоса каждого человека, они представляют индивидуальные свойства голоса отправителя сообщения и ассоциируются с манерой, или стилем, говорения. К паралингвистическим свойствам относятся акустические изменения амплитуды, частоты голоса, темпа, ритма и мелодики речи, продолжительность пауз, изменение тона голоса [Коццолино, 2009, с. 89–91].

По мнению Т.Г. Грушевицкой, ритмическое говорение обычно обозначает богатство чувств, уравновешенность, хорошее настроение; строго циклическое говорение показывает сильное осознание переживаемого, напряжение воли, дисциплину, педантичность; угловато-отрывистая манера служит выражением трезвого, целесообразного мышления [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2002, с. 192].

Мелодика речи реализуется в повышении и понижении тона, она может нести информацию как о межличностном отношении к коммуниканту, так о содержании сообщения [Коццолино, 2009, с. 95].

Под громкостью понимают количество децибел, производимых физиологически нижнегортанным давлением и силой звука, которая возникает при выдохе [Коццолино, 2009, с. 98]. Повышение и понижение громкости можно интерпретировать по-разному, в зависимости от особенностей собеседников и контекста реализации коммуникации, а также от культурных различий. Большая громкость голоса обычно ассоциируется с самодовольствием, кичливостью, тихо же говорят, как правило, люди скромные, неуверенные в себе и т.д. Изменения в громкости голоса свидетельст-

вуют об эмоциональном волнении говорящего [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2002, с. 191].

В работе [Коццолино, 2009, с. 95–98] говорится о существовании двух типов скорости речи: относительной и абсолютной. Под абсолютной скоростью речи понимается та скорость речи, которая является стандартом для определенного языка. Относительная скорость – это разница между скоростью речи одного и скоростью речи другого человека или у одного и того же человека, но в разные моменты времени. В индоевропейских языках скорость речи варьирует от 200 до 500 слогов в минуту, в них обнаруживаются определенные культурные различия, например нормальная скорость речи итальянцев и французов намного выше, чем скорость речи немцев. Быстрый темп речи может говорить об импульсивности собеседника, его уверенности в собственных силах, а медленный – о рассудительности, невозмутимости говорящего [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2002, с. 191].

Речевые паузы – это периоды молчания, прерывания высказывания. Порой именно паузы сообщают нам больше информации, чем слова. Короткие паузы, длиющиеся меньше секунды, делают речь более выразительной, а длинные паузы имеют грамматическое значение, например указывают на окончание предложения. В речи встречаются также заполненные и незаполненные паузы [Коццолино, 2009, с. 98–100].

Гендерный аспект невербалики

Различение гендерных особенностей в процессе межличностной коммуникации способствовало формированию представления о женских и мужских стилях речевого поведения вне зависимости от реального пола коммуникантов. Существуют мужские позы, мужские жесты рук и мужская походка. Мужскими являются такие позы, как сидеть, развалившись в кресле; стоять, широко раздвинув ноги; чесать в затылке; потирать руки; стукнуть кулаком по столу. Примерами мужских жестов служат обращенный к мужчине иконический знак, изображающий контур женской фигуры, и кинематографический погладить бороду – или для тех мужчин, у кого нет бороды, – потирать челюсть (подбородок) [Харитонов, 2012].

Женский стиль кинетического поведения также отражается в особых позах, походке и жестах, таких как поправить волосы; чуть наклонить голову; сидеть, сомкнув колени; ходить, покачивая бедрами. Гендерные различия в употреблении собственно жестов особенно заметны. В случае умственного затруднения или недоумения мужчины разных географических и культурных регионов потирают рукой подбородок или чуть тянут вниз мочки ушей, трут лоб, щеки или тыльную сторону шеи. Находящиеся в тех же самых интеллектуальных и психологических состояниях женщины пользуются совсем другими жестами. Например, они, несколько приоткрыв рот, прикладывают указательный палец к нижним передним зубам либо приставляют его к подбородку. Китайские мужчины, приветствуя другого на расстоянии, машут обычно вытянутой рукой, что китайским женщинам не свойственно: выполняя то же движение, они держат руку близко к телу [Харитонов, 2012].

Несовпадение женских и мужских телодвижений и поз особенно заметны в углах наклона корпуса тела и в положении таза, что проявляется, главным образом, в походке и позах. Более тонкой и трудноуловимой является разница в движениях глаз и век. Для правильной классификации глазного поведения как мужского или как женского необязательно видеть тело человека. Тщательные наблюдения и измерения позволили установить, что структурные элементы собственно глазного и околоорбитного поведения тесно взаимосвязаны. Например, когда у человека глаза закрыты, движения зрачков не бывает. Мужчины, испытывающие боль или страдания, относительно быстро закрывают и открывают веки, так что невооруженным глазом заметить эти движения глаз не так-то легко; женщинам же такое поведение, вообще говоря, не свойственно [Крейдлин, 2003].

Помимо очевидных расхождений в форме реализации одних и тех же жестов различными оказываются также некоторые мужские и женские невербальные формы выражении одного и того же смысла в пределах данного жестового языка. Например, выражая смысл «смущение», русские мужчины чаще потирают рукой подбородок или нос, а женщины потирают щеки или область непосредственно перед шеей.

Наиболее выражены различия по гендеру в тех ситуациях общения мужчин и женщин, в которых особое значение имеют

социальные и интерактивные кинетические переменные, такие как статус, роль, мотивация, психотип личности, нормативные ожидания, установки, преференции и др. Положение женщины в обществе, существующие стереотипные представления, касающиеся ее невербального поведения, стремление избежать санкций за девиантное жестовое поведение (за не «ту позу», «неприличные жесты», «вызывающие взгляды» и т.п.), а отсюда нередко заметная скованность и несвобода в движениях – все эти факторы очень сложным образом взаимодействуют со значениями указанных переменных. Так, невербальное поведение в диалоге с мужчиной женщины-руководителя, вообще говоря, иное, чем женщины-подчиненной. Подобные различия в поведении (позы, жесты, мимика) вполне осознаются людьми [Крейдлин, 2002, с. 89].

Согласно Г.Е. Крейдлину [Крейдлин, 2005], в целом, мужчины поддерживают большую дистанцию при общении; реже устанавливают контакт глазами; на разных дистанциях сохраняют определенную высоту голоса; мимика лица не так выразительна, как у женщин.

Очень часто проводится параллель между женским и мужским общением, стилями их коммуникации. Существует множество стереотипов на данную тему. Принято считать, что мужчины менее эмоциональны, чем женщины. По мнению Г. Крейдлина, стоит учитывать важность гендерной градации, которая, однако, потерпела в наше время ряд изменений. Изменение отношения к личностным характеристикам и функциям, которые были закреплены за мужчиной и женщиной самой культурой, является следствием глобализации и интеграции.

Гендерные поведенческие стереотипы

Ниже представлены гендерные коммуникативные стереотипы, сложившиеся на сегодняшний день в европейской культуре, выделенные в работе: [Крейдлин, 2002, с. 28–36].

(а) Большая, чем у мужчин, коммуникативная чувствительность женщины. Из-за почти повсеместной ответственности женщин за свой дом, за рождение и воспитание детей от них ожидается большая социализация, коммуникативная направленность на говорящего и предмет разговора, соблюдение этикетных норм об-

щения и терпимость. Если женщины более эмоциональны, чем мужчины, то мужчины, если так можно выразиться, более рациональны.

(б) Добротелью мужчины считается красноречие, причем не только словесное, но и жестовое, а добротелью женщины признается молчание, которое прямо связано с послушанием. Стоит отметить, что молчание представляет собой вид недеятельности, ограничивающей сегменты слышимых сообщений. Оно отмечает их начало, продолжительность, окончание, а также связывает, прерывает или вовсе прекращает их. Молчание встречается во всех возможных каналах коммуникации, т.е. это могут быть и так называемые незаполненные речевые паузы, и нулевые невербальные знаки, т.е. значимое отсутствие некоторого невербального материального знака. Молчание в диалоге, в особенности в социальной коммуникации, имеет другое функциональное значение и другую pragmatику: оно нередко соответствует непроизнесенной речевой реакции или неисполненному жесту и обозначает не согласие, а уклонение от реплики, самоустраниние или протест.

(в) Большее внимание к психологическим моментам ситуации у женщин и к когнитивным – у мужчин. Было статистически достоверно показано, что в коммуникативном поведении женщин экспрессии и переживаний в среднем больше, чем у мужчины. Женщина чаще, чем мужчина, плачет, срывается на крик, но она также чаще и громче смеется. Женщины чаще, чем мужчины, склонны прощать другим их поступки и употреблять примирительные жесты. Мужчинам специально предписывается «не проявлять слабость», стараться избегать сентиментальности и не выражать на людях такие «женские эмоции», как ласка и нежность.

(г) Преобладание подсознания, интуиции, инсайта у женщин и логики, рациональности у мужчин. Утверждение о наличии у женщин в среднем более развитой интуиции, чем у мужчин, видимо, вполне справедливо, поскольку опирается на экспериментально хорошо подтвержденные факты. Это прежде всего относится к большей быстроте и точности при декодировании женщинами некоторых неверbalных ключей адресата, безразлично, мужчины или женщины.

(д) Женщины внимательнее, чем мужчины, относятся к визуальному коду, чем к речевому и чем к мимическому поведению и

знаковым телодвижениям собеседника любого пола, хотя их преимущество перед мужчинами в распознавании жестов рук или головы не столь заметно.

(е) Инструментальная сфера, самоутверждение, нацеленность на выполнение социальных задач и познание внешнего мира (для мужчин) vs социоэмоциональная сфера, направленность на внутренний мир, на комфортность общения (для женщин). Такое стереотипное представление заведомо неправильно, во многих работах было показано, что мужчины, занимающие сравнительно низкое общественное положение, больше ориентированы на межличностные отношения и комфортное общение. В диалоге они ищут в своих собеседниках внимания, понимания и сочувствия.

(ж) Коммуникативный настрой женщины в большей мере социальный и в меньшей степени индивидуальный. Женщины заинтересованы в том, чтобы лучше понять тонкости коммуникации – ведь это помогает их общественной адаптации.

(з) Меньшая, чем у мужчин, коммуникативная агрессивность и большая терпимость женщин. Мужчины более настойчивы, что проявляется в их поведении. Женщины более уступчивы, они чаще, чем мужчины, склонны видеть хорошее и в самих диалогических партнерах, и в их актуальном поведении.

(и) Эмпатия. Женщины более чувствительны, чем мужчины, к неверbalным проявлениям, и это происходит потому, что они проявляют больше эмпатии (солидарности, сочувствия, занятия стороны) с партнерами по коммуникации.

(к) Тематика бесед. У женщин много разговоров о семье, о детях, о болезнях, о покупках и пр., а у мужчин это беседы о работе, спорте, политике, армии, технике, автомобилях и др. Отсюда происходят также различия и в невербальном знаковом поведении, например в иконических жестах.

(л) Состояние подавленности, угнетенности и депрессии у женщин зарегистрировано как более частое, чем у мужчин. Это состояние отражается в невербальном коммуникативном поведении. Выражение страха, подозрительности, а также жалобы у женщин ярко представлены во многих культурах. Мужчины чаще жалуются на неприятности, имевшие место на работе, но реже, например, на здоровье и семейные ссоры.

(м) Женщины менее склонны, чем мужчины, объяснять свои действия отсутствием знаний или способностей, а объясняют их гораздо чаще невезением, неудачей, предопределенением, злым роком.

Гендерные различия сложным образом комбинируются с различиями по возрасту, профессии, образованию, месту рождения и жительства, цели коммуникации и др. [Крейдлин, 2003].

(а) У женщин образованных, больше фатического контакта, т.е. когда целью является само общение и контакт (поэтому их реплики сопровождаются большим количеством регулятивных жестов). Женщины легче переключаются, меняют роли в акте коммуникации, проявляют большую психологическую подвижность и гибкость. Как следствие, типичным для них является включение в разговор или беседу совсем посторонних тем, не связанных с ситуацией, которую порождают обстановка речи, действия говорящих и подобные факторы (конечно, если речь идет не об официальных сферах общения).

(б) У мужчин отмечены как более выраженные внимание к основной теме беседы, погруженность в ход собственных мыслей и мыслей собеседника. О специфике ориентации в жизненном пространстве мужчин и женщин свидетельствуют также разные средства экспрессивности, как вербальные, так и невербальные.

(в) Автор указывает на большую эмоциональность речи у женщин и наличие эмоционально окрашенных любимых тематических и семантических полей. В мужской речи чаще встречается стилистически нейтральная оценочная лексика. Мужчиныдержаннее в выражении отрицательной оценки, но используют «инвертированную» оценку, т.е. отрицательно-оценочную и бранную лексику для выражения похвалы, восхищения и иной положительной оценки.

Гендерные особенности голоса говорящего

Голоса и голосовое поведение женщин существенно отличаются от голосов и голосового поведения мужчин. Мужские голоса благодаря (в норме) большим, чем у женщин, размерам горлани и голосовых связок противопоставлены женским, причем сказанное относится сразу к двум основным типам голосов – к ре-

чевому и певческому. У женщин в норме голос выше, что связано с особенностями строения их голосовых связок и уровнем гормонов в крови.

У мужчин разных культур тембр голоса, как правило, более низкий, чем у женщин; у стариков в норме голос тише, чем у молодых, а речь более медленная.

У людей, находящихся в состоянии явно выраженной депрессии, интонация однообразная, а речь монотонная; у человека в состоянии крайнего волнения – причем у женщин это проявляется в большей мере, чем у мужчин, – под влиянием эмоционального воздействия голос в разговоре дрожит, часто становится громче обычного, доходит до крика и, как говорят по-русски, срывается и рвется.

Изменения в возрасте параллельны изменениям голоса, причем у мужчин и женщин эти изменения выражаются по-разному [Крейдлин, 2005].

Некоторые особенности невербалики в процессе межкультурной коммуникации

Движения тела

В разных культурах существуют свои значения тех или иных движений [Cultural anthropology, 2007], например:

- поклон критикуется в США, показывает статус в Японии;
- сутулость считается грубостью в большинстве Североевропейских стран;
- держать руки в кармане непочтительно в Турции;
- сидеть со скрещенными ногами считается оскорбительным в Гане, Турции;
- показывать подошвы ног оскорбительно в Таиланде, Саудовской Аравии.

Жестикуляция

В различных культурах активность жестикуляции также отличается. Некоторые культуры считаются экспрессивными, в то время как другие – наоборот. Сдержанные культуры часто счита-

ют, что экспрессивные недостаточно образованы или сдержанны. Например, жест указывания: США – указательный палец; Германия – мизинец; Япония – вся рука (большинство азиатов полагают, что использование указательного пальца – признак грубоści).

Мимика

Большинство людей считают, что выражения улыбки, плача, гнева, горя или отвращения всюду одинаковы. Однако, их интенсивность различна в разных странах. В азиатских культурах люди стараются максимально подавить выражение лица. Представители средиземноморских стран подчеркивают выражение горя или печали, в то время как большинство американцев скрывают горе. В азиатских странах некоторые дружелюбные выражения лица служат признаком нехватки контроля. Слишком широкая улыбка является признаком ограниченности.

Зрительный контакт

В США зрительный контакт указывает на степень внимания или интереса, изменение отношения, регулирует взаимодействие, сообщает эмоцию, определяет статус и играет центральную роль при формировании первого впечатления о других. Западные культуры считают, что прямой контакт глаз является положительным, но в других странах может считаться, что длительный пристальный взгляд – признак сексуального интереса.

В арабских культурах принято, что длительный зрительный контакт можно расценить как проявление интереса, и что он может помочь понять искренность другого человека. В Японии, Африке, латиноамериканских и странах Карибского бассейна избегают прямых взглядов. В США люди стараются не смотреть на других пристально. В Англии люди смотрят на собеседника недолго, но часто [Niroumand, 1997].

Прикосновения

Прикосновение культурно определено. У каждой культуры есть свое представление о том, каких частей тела не следует ка-

саться. Основным значением прикосновения должна быть защита, поддержка, неодобрение (объятие, поцелуй, удар).

Исламские культуры не одобряют прикосновений между людьми разного пола (даже рукопожатия), однако такое касание (включая объятия) между людьми одного пола не считается неприемлемым.

У англичан прикосновения к незнакомцам не приняты, в то время как для представителей США характерны рукопожатия (даже с незнакомцами), объятия, поцелуи с людьми противоположного пола (если они близки) или с членами семьи. Различия невербального поведения между жителями США и Великобритании основано на классовости общества.

Паравербальные особенности

Характеристики голоса (смех, крик, вопль, стон, хныканье, отрыжка, зевок) в различных культурах посылают различные сообщения: в Японии хихикание указывает на смущение; в Индии отрыжка указывает на удовлетворение.

Вокальные определятели (объем, высота, ритм, темп и тон). Громкость голоса указывает на силу в арабских культурах, мягкость указывает на слабость. Громкость голоса указывает на уверенность и власть у немцев, на невежливость у тайцев, на потерю контроля у японцев. Женщины склонны говорить выше и более мягко, чем мужчины [Niroumand, 1997].

1.3. Особенности восприятия с участием слуховой и зрительной модальностей

Восприятие является результатом полимодальной деятельности, первоначально имеющей развернутый характер и лишь затем становящейся свернутой, в которой образ восприятия возникает на основе одной модальности, а другие виды чувствительности только помогают более полному отображению. Наибольшей емкостью восприятия, стойкостью и прочностью образа, как известно, характеризуется зрительный анализатор, который и может обеспечить надежную опору при восприятии и воспроизведении речи

[Ксенчук, Киянова, 1993; Дерябо, Ясвин, 2004; цит. по: Потапова, Потапов, 2008].

Многими учеными доказано, что слуховое восприятие значительно повышается в случае, если лицо говорящего хорошо видно. Для объяснения зрительного восприятия речи недостаточно знания физиологических законов осуществления глазом процессов восприятия, так как орган зрения работает не изолированно, а в сложной динамической системе, в которую включается наша практика, наше мышление и весь предыдущий опыт [Потапова, Потапов, 2006].

Зрительное восприятие – это совокупность процессов построения зрительного образа окружающего мира. Обращение к изучению (анализу и интерпретации) визуальных документов объясняется не только возрастающим количеством и значением образов и изображений. Доступность технических средств фото- и видеосъемки, возможность их повседневного применения большинством людей создает ситуацию накопления визуального материала, фиксирующего обычную жизнь [Захарова, 2008].

Восприятие видеофрагмента предполагает активность зрителя, связанную с его попытками понять его смысл. Как утверждает Р.А. Смит [Smith, 1973], основная задача интерпретации заключается в раскрытии содержания образа. Автор также подчеркивает, что интерпретация часто представляет собой наиболее важный момент взаимодействия зрителя с фрагментом.

В тех случаях, когда существуют разные мнения относительно того, что является объектом анализа, цели и процедуры интерпретации могут существенно различаться. Все это предполагает разные представления о человеке и окружающем мире. Консерваторы, однако, утверждают, что различия между разными точками зрения не препятствуют нахождению истины, поскольку одни точки зрения более корректны, а другие – менее, и что всегда можно определить, какой способ интерпретации позволяет наиболее глубоко и исчерпывающе анализировать фрагмент. Однако это отнюдь не решает проблемы нахождения истины, поскольку методы интерпретации связаны со своим собственным представлением о том, что значит понять фрагмент наиболее глубоко и исчерпывающе [Armstrong, 1986].

Слуховое восприятие является последним этапом коммуникации: слушающий воспринимает звуковой сигнал, переданный ему говорящим, и определенным образом интерпретирует его. Тем самым в процессе восприятия происходит декодирование информации – преобразование ее из физической (акустической) формы в символическую (ментальную). Деятельность слушающего в процессе коммуникации направлена на понимание речевого сообщения [Кодзасов, Кривнова, 2001].

В сложном процессе понимания речевого сообщения можно выделить несколько этапов:

- прием акустического сигнала;
- преобразование сигнала (первичный слуховой анализ);
- выделение перцептивно значимых акустических событий и признаков;
- лингвистическая интерпретация звуковой стороны речевого сообщения (принятие решений).

На самом первом этапе происходит «прием» речевого сигнала барабанной перепонкой – «улавливание» и «регистрация» звуковых колебаний.

На следующем этапе осуществляется преобразование принятых колебаний в удобную для анализа форму, сходную с динамической спектрограммой речи – эта форма представления акустического сигнала называется «слуховой спектрограммой» [Чистович, Кожевников, 1965].

В центральных отделах слухового анализатора «слуховая спектрограмма» подвергается дальнейшей обработке, в процессе которой происходит выделение в ней наиболее существенных для восприятия акустических событий и признаков.

На завершающем этапе осуществляется лингвистическая интерпретация сигнала: выделенные ранее акустические события и признаки используются для принятия решений о фонемном составе принятого сообщения и о наличии в нем определенных знаковых единиц.

В обычных речевых условиях звуковое восприятие подчинено более важной цели: опознанию слов, из которых состоит речевое сообщение. Для этого слушающий располагает гораздо более мощными источниками информации, чем извлеченные из речевого сигнала акустические ключи.

В целях передачи смысловой адекватности устного речевого сообщения первостепенную роль приобретает выявление коннотативных значений, передаваемых не только чисто лингвистическими (лексико-грамматическими), но также (а иногда и исключительно) паралингвистическими (фонационно-кинетическими) средствами, включающими весь арсенал особенностей актуализации речевого высказывания, несущих определенную сигнifikативную нагрузку.

Согласно Р.К. Потаповой и В.В. Потапову, невербалику применительно к паралингвистике на супрасегментном уровне формируют следующие модификации речевого сигнала [Потапова, Потапов, 2008]:

- изменение частоты основного тона (при восприятии – высоты тона);
 - изменение уровня интенсивности (при восприятии – громкости);
 - изменение скорости реализации артикуляции звуков, звукосочетаний, слогов (при восприятии – темпа);
 - перерывы в фонации и артикуляции (при восприятии – паузации);
 - спектр (при восприятии – тембра);
 - ритм (при восприятии – выделенности отдельных участков речевой цепи).
- Трудность заключается в том, что коннотативные значения, в отличие от денотативных, выражены, как правило, имплицитно, что может быть связано с наличием формальных показателей в лексике и грамматике (в частности, синтаксисе), а также с использованием паралингвистических средств в их комбинаторике применительно к акустическому и оптическому каналам коммуникации [Потапова, 1997].

Особую сложность представляет проблема взаимодействия «человек – человек» при наличии таких факторов, как родной – неродной языки коммуникации, принадлежность к иной этнической культуре, так как с приобретением неродного языка, человек переносит в свое поведение и общение невербальные компоненты коммуникации другого этноса и воспроизводит их естественно и не задумываясь [Потапова, Потапов, 2008].

Рассматривая результаты некоторых экспериментов, были замечены определенные особенности. Например, Дж. Гоген в 1991 г.

высказал идею, согласно которой качество идентификации увеличивается, по меньшей мере, в 2 раза, если человек знает язык и соответственно язык тела, на котором реализуется идентификация. Эта идея свидетельствует о том, что слушающий (в данном случае испытуемый, аудитор) может опознать говорящего с большей степенью вероятности в случае, если он понимает язык, на котором реализуется речь идентифицируемого говорящего (в данном случае актера).

В настоящее время в прикладных исследованиях все чаще используются не только звуко-, но и видеозаписи. При анализе видео- и звукозаписей, особенно если звукозапись сопровождается помехами, дополнительную информацию дает видеоканал. При сильном же зашумлении звукозаписи единственной информацией может стать визуальная информация, обращая внимание на реакцию собеседника по которой возможно восстановление содержания сообщения [Потапова, Потапов, 2006].

Звуковые образы воспринимаются с большей эмоциональной реакцией, чем зрительные, однако количество получаемой информации в единицу времени на основе звуковых образов оказывается существенно меньшим. Основные знания накапливаются и представляются в знаковых зрительных образах, а формируются и отображаются в речевых звуковых образах [Галышина, 2003].

Кроме того, как известно, слуховая чувствительность зависит от возраста. По мере старения у человека развиваются сложные сдвиги в различных функциональных системах, которые захватывают все этажи слуховой системы: и наружное ухо, и слуховой проход, и барабанную полость, и ушной лабиринт. Ушная раковина истончается, становится дряблой, слуховой проход сужается, что затрудняет поступление звуковых волн. Барабанская перепонка утолщается. Система косточек среднего уха становится тугоподвижной, суставы между косточками хуже функционируют.

В.П. Морозов придерживался мнения, что невербальной коммуникации присущи следующие особенности [Морозов, 1998]:

- эволюционное предшествие по сравнению с вербальной коммуникацией;
- полисенсорная природа, т.е. реализация с участием разных органов чувств (зрения, слуха, обоняния, осязания и др.);
- независимость от языковых барьеров;

- независимость от семантики речевого высказывания;
- значительная непроизвольность и подсознательность;
- особенности акустических средств кодирования;
- особенности психофизиологических механизмов восприятия (декодирования).

1.4. Воздействие в процессе речевой коммуникации

В широком смысле слова речевое воздействие – это воздействие на индивидуальное и / или коллективное сознание и поведение, осуществляющее разнообразными речевыми средствами, иными словами – с помощью сообщений на естественном языке [Гришечко, 2008]. В узком смысле слова под речевым воздействием понимают использование особенностей устройства и функционирования различных знаковых систем, и прежде всего естественного языка, с целью построения сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на сознание и поведение адресата или адресатов сообщения [Речевое воздействие – эл. ресурс].

В природе речевого сигнала сочетаются разные способы оказания воздействия.

Вербальное общение использует в качестве знаковой системы человеческую речь (естественный звуковой язык): систему фонетических знаков, включающую два принципа: лексический и синтаксический. Речь является самым универсальным средством коммуникации, поскольку при передаче информации при помощи речи менее всего теряется смысл общения. При вербальном воздействии важно, как человек выражает свою мысль, в какой последовательности он приводит те или иные факты, как громко и с какой интонацией говорит. При невербальном общении невербальное поведение и невербальные средства используются в качестве главных средств передачи информации, организации взаимодействия, формирования образа, понятия о партнере, осуществления влияния на другого человека. В процессе коммуникации вербальные и невербальные средства речевого воздействия взаимосвязаны. Они помогают человеку достичь цели изменить поведение собеседника в нужном говорящему направлении, убедить его принять необходимую точку зрения.

Классификация видов речевого воздействия

По *характеру взаимодействия субъекта с объектом* различается прямое воздействие, когда субъект открыто предъявляет объекту воздействия свои притязания и требования, и косвенное воздействие, непосредственно направленное не на объект, а на окружающую его среду [Желтухина, 2004, с. 13]. Прямой способ речевого воздействия включает такие формы, за которыми в системе языка закреплено определенное значение, прямо выраждающее соответствующую иллокуцию, т.е. коммуникативную цель говорящего. Например, формы повелительного наклонения традиционно ассоциируются со значением побуждения, повествовательные и вопросительные высказывания условно связаны с иллокутивными силами сообщения и запроса информации. Косвенный способ выражения коммуникативного намерения представляет собой употребление языковых форм для выражения иллокутивной силы, не связанной с их прямым языковым значением (косвенные формы не выражают открыто намерений говорящего) [Гришечко, 2008, с. 56].

По критерию *осознанности речевых действий* разграничиваются намеренное (интенциональное) и побочное (неинтенциональное) виды воздействия [Иссерс, 2008]. При намеренном речевом воздействии субъект ставит перед собой задачу добиться определенного результата от объекта речевого воздействия. Побочное речевое воздействие оказывается непроизвольно, поскольку субъект не ставит задачу добиться определенного результата от объекта [Гришечко, 2008, с. 56].

По *установке на речевые действия*, по типу речевых действий, взятым в аспекте иллокуции в рамках классификаций речевых актов и речевых жанров [Остин, 1999; Шмелева, 1990], различаются следующие виды речевого воздействия [Гришечко, 2008, с. 56]:

- социальное (социальные неинформационные речевые акты, предполагающие виртуального адресата, клишированные высказывания: приветствия, клятвы, молитвы);
- волеизъявительное (речевые акты выполнения воли адресанта: приказы, просьбы, отказы, советы и т.д.);

- информационно-разъяснительное (речевые акты, несущие информацию и ее толкование: объяснение, доклад, сообщение, признание);
- эмоционально-оценочное (речевые акты, устанавливающие общественные морально-правовые, межличностные субъективно-эмоциональные отношения: порицание, похвала, обвинение, оскорбление, угроза).

Перлокутивный критерий (реакция адресата) лежит в основе разделения следующих видов речевого воздействия [Почепцов, 1987, с. 91]:

- оценочного (изменение отношения субъекта к объекту, коннотативного значения объекта для субъекта);
- эмоционального (формирование общего эмоционального настроя);
- рационального (перестройка категориальной структуры индивидуального сознания, введение в нее новых категорий).

По *ориентации на собеседника* можно разграничить лично-стно и социально ориентированное речевое воздействие [Леонтьев, 1981, с. 66]. Личностно ориентированное речевое воздействие направлено непосредственно на реципиента говорящим, который выстраивает образ своего собеседника для достижения желаемого эффекта. При социально ориентированном воздействии говорящий строит образ не каждого собеседника, а обобщенный образ группы как целого, который ему также необходимо учитывать для удачного речевого воздействия. Каждый из указанных видов речевого воздействия может способствовать регуляции деятельности собеседника и изменению его поведения [Гришечко, 2008, с. 57].

Речевое воздействие: Манипуляция или актуализация?

Для построения теории речевого воздействия крайне важно разграничивать, с одной стороны, понятия манипулятивного¹ и

¹ В психологии термин манипуляция определяется как «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями, и побуждению его к совершению определенных манипулятором действий» [Костылева, 2001].

актуализаторского воздействия, а с другой – продуктивной и не-продуктивной манипуляции. Подобная дифференциация способов влияния на собеседника в рамках коммуникации приобретает характер иерархии, отражающей разные уровни коммуникативной грамотности пользования языком: на нижней ступени типологии находится непродуктивная манипуляция, на высшей – речевая актуализация.

В основе речевого манипулирования лежат механизмы, которые вынуждают адресата некритично воспринимать речевое сообщение, способствуют возникновению в его сознании иллюзий и заблуждений, действуют на эмоции адресата и провоцируют его на совершение выгодных для говорящего поступков [Ковешникова, 2014, 388]. Непродуктивной формой манипуляторского воздействия следует считать стремление скрыто воздействовать на сознание собеседника с тем, чтобы вызвать у него состояние фruстрации, т.е. психологического дискомфорта [Седов, 2003, с. 21]. Иными словами, непродуктивная манипуляция – это речевое действие, цель которого состоит в проявлении чувства превосходства над собеседником путем демонстрации последнему его несовершенства, неполноценности, что в результате приводит к подчинению реципиента требованиям говорящего.

Цель продуктивной манипуляции состоит в расположении к себе коммуникативного партнера и воздействии на его поведение с использованием его слабостей. В этом случае инициатор коммуникации становится добровольным «донором», ставя своего собеседника в ситуацию социального благополучия, статусного превосходства [там же]. По мнению Е.Г. Гришечко, самым простым способом манипулирования можно считать комплимент или лесть [Гришечко, 2008, с. 57].

Список литературы

- Аверкина Л.А.* Невербальная коммуникация – важный аспект межкультурной коммуникации // Вестник Московского государственного университета. – 2008. – № 554. – С. 123–133. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13456155>
- Ан드리анов М.С.* Невербальная коммуникация: психология и право. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2007. – 256 с.
- Бориснёв С.В.* Социология коммуникации. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 272 с.
- Галышина Е.И.* Основы судебного речеведения. – М.: СТЭНСИ, 2003. – 236 с.

Глава 1. К вопросу о модальностях коммуникации

- Гришечко Е.Г. Определение понятия речевого воздействия и виды этого воздействия // Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 4. – URL: http://www.hses-online.ru/2008/04/10_02_04/10.pdf
- Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации / под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
- Дерябо С., Ясвин В. Гроссмейстер общения: иллюстративный самоучитель психологического мастерства. – 5-е изд. – М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. – 192 с.
- Дубина Л.В. Исследование неверbalных средств коммуникации. – М.: Лаборатория книги, 2012. – 175 с.
- Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дис... д-ра филол. наук. – М., 2004. – 24 с.
- Жеребин В.М., Махрова О.Н. Информатизация общества и развитие новых форм социальных отношений // Народонаселение. – 2015. – № 1 (67). – С. 27–36. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23296125&>
- Захарова Н.Ю. Визуальная социология: фотография как объект социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Т. 11, № 1. – С. 147–148.
- Зиналиева Н.К. Психологические условия развития межличностной коммуникации у будущих психологов: дис. ... канд. психолог. наук. – Астрахань, 2007. – 184 с.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – 5-е изд. – М.: ЛКИ, 2008. – 284 с.
- Карпук К.Е. Особенности коммуникативной компетентности студентов-психологов // Актуальные проблемы общества, науки и образования: современное состояние и перспективы развития: материалы II Международ. науч.-практ. конф. – М.: Перо, 2015. – С. 113–116. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23230926>
- Ковешникова М.Н. Речевая манипуляция и приемы речевого манипулирования // Царскосельские чтения. – 2014. – С. 387–394. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-manipulyatsiya-i-priemy-rechevogo-manipulirovaniya>
- Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. – М.: РГГУ, 2001. – 592 с.
- Колишинский Г.В. Паралингвистика. – М.: КомКнига, 2010. – 96 с.
- Конецкая В.П. Социология коммуникаций. – М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. – 304 с.
- Костылева О.Н. Психологические условия как средство манипуляции поведением других людей // VI Державинские чтения. – 2001. – С. 48–49.
- Коцюбинко М. Невербальная коммуникация. Теории, функции, язык и знак: пер. с итал. – Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – 248 с.
- Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в диалоге I: невербальные гендерные стереотипы // Доклады международной конференции Диалог 2003. – URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2653/krejdlin.pdf>
- Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 224 с.

- Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
- Ксенчук Е.В., Киянова М.К.* Технология успеха. Книга для каждого, кто ставит перед собой цели и стремится к их достижению, взаимодействуя с другими людьми. – М.: Дело, 1993. – 182 с.
- Лабунская В.А.* Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). – Ростов-на-Дону: Феникс, 1988. – 246 с.
- Лабунская В.А.* Экспрессия человека: общение и межличностное познание. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 608 с.
- Лазаревич А.А.* Становление информационного общества: коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания. – Минск: Беларус. наука, 2015. – 537 с. – URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/acquisitions/17-02-07/cont02f.ssi>
- Леонтьев А.О.* Психологические особенности лектора. – М.: Знание, 1981. – 80 с.
- Меграбян А.* Психодиагностика невербального поведения. – СПб.: Речь, 2001. – 265 с.
- Медведева А.В.* Роль невербальной коммуникации при выражении критического суждения (на материале современного английского языка) // Вестник Башкирского университета. – 2010. – № 3 (15). – С. 631–635.
- Морозов В.П.* Невербальная коммуникация в системе речевого общения (психофизиологические и психоакустические основы). – М., 1998. – 164 с.
- Назаретян А.П.* Агрессивная толпа, массовая паника, слухи: Лекции по социальной и политической психологии. – СПб.: Питер, 2004. – URL: <http://evartist.narod.ru/text11/24.htm>
- Назарчук А.В.* Теория коммуникации в современной философии. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 318 с.
- Остин Дж.* Избранное / пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. – М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332 с.
- Пиз А., Пиз Б.* Язык телодвижений. Расширенная версия / пер. с англ. Т. Новиков. – М.: Эксмо, 2010. – 464 с.
- Потапова Р.К.* Коннотативная паралингвистика. – М.: Триада, 1997. – 70 с.
- Потапова Р.К.* Речь: коммуникация, информация, кибернетика. – 4-е изд., доп. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 600 с.
- Потапова Р.К., Потапов В.В.* Восприятие эмоционального поведения иноязычных и инокультурных коммуникантов // Фонетика и нефонетика: к 70-летию Сандро В. Кодзасова. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 602–616.
- Потапова Р.К., Потапов В.В.* Язык, речь, личность. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.
- Почепцов Г.Г.* Коммуникативные аспекты семантики. – Киев: Вища шк., 1987. – 129 с.
- Речевое воздействие // Энциклопедия Кругосвет: Универсальная научно-популярная энциклопедия. – URL: <https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitar>

Глава 1. К вопросу о модальностях коммуникации

- nye_nauki/lingvistika/RECHEVOE_VOZDESTVIE.html (дата обращения: 01.12.2019 г.).
- Седов К.Ф.* О манипуляции и актуализации в речевом воздействии // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2003. – Вып. 2. – С. 20–27. – URL <https://elibrary.ru/item.asp?id=35163021>
- Социологический энциклопедический словарь.* – М., 1997. – 286 с.
- Узилевский Г.Я.* Взаимодействие естественных и искусственных языков в современных лингвистических процессорах. – М.: АДД, 1996. – 140 с.
- Фалькова Е.Г.* Межкультурная коммуникация в основных понятиях и определениях. – СПб.: СПбГУ, 2007. – 77 с.
- Харитонов М.В.* Восприятие обнаженной натуры в рекламе // Социология и право. – 2012. – № 2 (13). – С. 24–36. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17837187>
- Хитрова И.В.* Метод моделирования как основа понимания процесса коммуникации // Современные гуманитарные исследования. – 2009. – № 6 (31). – С. 208–213.
- Цалиева Е.А.* Некоторые средства невербалики в акте межличностной коммуникации (применительно к британскому и американскому вариантам английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – М.: МГЛУ, 2013. – № 12 (673). – С. 215–223. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19316026>
- Чиркова Е.И.* Внимание, невербалика! Невербальные средства коммуникации при обучении иностранному языку. – СПб.: КАРО, 2009. – 272 с.
- Чистович Л.А., Кожевников В.А.* Речь. Артикуляция и восприятие. – М.; Л.: Наука, 1965. – 154 с.
- Шмелева Т.В.* Речевой жанр: возможность описания и использования в преподавании языка // Russistik = Русистика: Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. – Berlin, 1990. – № 2. – С. 20–32.
- Яковлев И.П.* Ключи к общению. Основы теории коммуникаций. – СПб.: Авалон: Азбука-классика, 2006. – 240 с.
- Armstrong P.B.* The multiple existence of a literary work // Journal of Aesthetics and Art Criticism. – 1986. – N 44. – P. 321–329.
- Baxter L.A.* Relationships as dialogues // Personal Relationships. – 2004. – N 11. – P. 1–22.
- Cultural anthropology: The human challenge / Haviland W.A., Prins H.E.L., Walrath D., McBride B. – Texas: Wadsworth Publishing, 2007. – 456 p.
- Darwin C., Murray J.* The Expression of the emotions in man and animals. – London, 1872. – 367 p.
- Desmond M.* Der Mensch mit dem wir leben. Ein Handbuch unseres Verhaltens. – München; Zürich, 1978.
- Ellgring H.* Nonverbale Kommunikation. Einführung und Überblick: Körpersprache in der schulischen Erziehung. – Baltmannsweiler, 1986.
- Hewes G.H.* World distribution of certain postural habits // American antropologist. – 1955. – N 57 (2). – P. 231–244.

- Hewes G.H. The antropology of gesture // Scientific American. – 1957. – N 196 (2). – P. 122–132.
- Hewes G.H. The domain posture // Antropological linguistics. – 1966. – N 8. – P. 106–112.
- Mehrabian A. Communication without words // Psychology Today. – 1968. – P. 53–56.
- Niroumand S. Consequences of nonverbal communication. – 1997. – 17 p. – URL: http://ematusov.soe.udel.edu/final.paper.pub/_pwfsp/000000d4.htm
- Sillars A.L., Vangelisti A.L. Communication: Basic properties and their relevance to relationship research // The Cambridge Handbook of Personal Relationships / Ed. by A.L. Vangelisti, D. Perlman. – New York: Cambridge University Press, 2006. – P. 331–351
- Smith R.A. Teaching aesthetic criticism in the schools // Journal of Aesthetic Education. – 1973. – N 7. – P. 38–49.

References¹

- Averkina, L.A. (2008). Neverbal'naja kommunikacija – vazhnyj aspekt mezhkul'turnoj kommunikacii. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 554, 123–133. <https://elibrary.ru/item.asp?id=13456155>
- Andrianov, M.S. (2007). *Neverbalnaja kommunikacija: psihologija i pravo*. Moscow: Institut obshhegumanitarnyh issledovanij.
- Borisnjov, S.V. (2003). *Sociologija kommunikacii*. Moscow: JuNITI-DANA.
- Galjashina, E.I. (2003). *Osnovy sudebnogo rechevedenija*. Moscow: STJeNSI.
- Grishechko, E.G. (2008). Opredelenie ponjatija rechevogo vozdejstvija i vidy jetogo vozdejstvija. *Gumanitarnye i social'nye nauki*, 4. http://www.hses-online.ru/2008/04/10_02_04/10.pdf
- Grushevickaja, T.G., Popkov, V.D., Sadohin, A.P. (2003). *Osnovy mezhkulturnoj kommunikacii*. Moscow: JuNITI-DANA.
- Derjabo, S., Jasvin, V. (2004). *Grossmejster obshchenija: Illjustrativnyj samouchitel' psichologicheskogo masterstva* (5th ed.). Moscow: Smysl; Saint-Petersburg: Pi-ter.
- Dubina, L.V. (2012). *Issledovanie neverbalnyh sredstv kommunikacii*. Moscow: Laboratorija knigi.
- Zheltuhina, M.R. (2004). *Specifika rechevogo vozdejstvija tropov v jazyke SMI*. (Doctoral dissertation). Moscow.
- Zherebin, V.M., Mahrova, O.N. (2015). Informatizacija obshhestva i razvitiya novyh form social'nyh otnoshenij. *Narodonaselenie*, 1(67), 27–36. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23296125&>
- Zaharova, N.Ju. (2008). Vizualnaja sociologija: fotografija kak objekt sociologicheskogo analiza. *Zhurnal sociologij i social'noj antropologii*, XI (1), 147–148.

¹ Здесь и далее библиографические описания источников в разделе «references» оформлены в соответствии со стилем APA, 6th edition.

Глава 1. К вопросу о модальностях коммуникации

- Zinalieva, N.K. (2007). *Psihologicheskie uslovija razvitiya mezhlichnostnoj kommunikacii u budushhih psihologov*. (Doctoral dissertation). Astrahan.
- Issers, O.S. (2008). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* (5th ed.). Moscow: Lki.
- Karpuk, K.E. (2015). Osobennosti kommunikativnoj kompetentnosti studentov-psihologov. In: *Aktualnye problemy obshhestva, nauki i obrazovanija: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitiya* (pp. 113–116). Moscow: Pero. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23230926>
- Koveshnikova, M.N. (2014). Rechevaja manipulacija i priemy rechevogo manipulirovaniya. In: *Carskoselskie chtenija* (pp. 387–394). <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-manipulyatsiya-i-priemy-rechevogo-manipulirovaniya>
- Kodzasov, S.V., Krivnova, O.F. (2001). *Obshchaja fonetika*. Moscow: RGGU.
- Kolshanskij, G.V. (2010). *Paralingvistika*. Moscow: KomKniga.
- Koneckaja, V.P. (1997). *Sociologija kommunikacij*. Moscow: Mezhdunarodnyj universitet biznesa i upravlenija.
- Kostyleva, O.N. (2001). Psihologicheskie uslovija kak sredstvo manipulacii povedeniem drugih ljudej. In: *VI Derzhavinskie chtenija* (pp. 48–49).
- Koccolino, M. (2009). *Neverbalnaja kommunikacija. Teorii, funkci, jazyk i znak*. Harkov: Gumanitarnyj centra.
- Krejdlin, G.E. (2003). Muzhchiny i zhenshhiny v dialoge I: neverbal'nye gendernye stereotypy. In: *Doklady mezdunarodnoj konferencii Dialog 2003*. <http://www.dialog-21.ru/media/2653/krejdlin.pdf>
- Krejdlin, G.E. (2005). *Muzhchiny i zhenshhiny v neverbalnoj kommunikacii*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
- Krejdlin, G.E. (2002). *Neverbalnaja semiotika. Jazyk tela i estestvennyj jazyk*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Ksenchuk, E.V., Kijanova, M.K. (1993). *Tehnologija uspeha. Kniga dlja kazhdogo, kto stavit pered soboj celi i stremitja k ih dostizheniju, vzaimodejstvuja s drugimi ljudmi*. Moscow: Delo.
- Labunskaja, V.A. (1988). *Neverbalnoe povedenie (socialno-perceptivnyj podhod)*. Rostov-on-Don: Feniks.
- Labunskaja, V.A. (1999). *Jekspresija cheloveka: obshhenie i mezhlichnostnoe poznanie*. Rostov-on-Don: Feniks.
- Lazarevich, A.A. (2015). *Stanovlenie informacionnogo obshhestva: kommunikacionno-jepistemologicheskie i kulturno-civilizacionnye osnovanija*. Minsk: Belarus. navuka. <http://www.prometeus.nsc.ru/acquisitions/17-02-07/cont02f.ssi>
- Leontiev, A.O. (1981). *Psihologicheskie osobennosti lektora*. Moscow: Znanie.
- Megrabjan, A. (2001). *Psihodiagnostika neverbalnogo povedenija*. Saint-Petersburg: Rech.
- Medvedeva, A.V. (2010). Rol neverbalnoj kommunikacii pri vyrazhenii kriticheskogo suzhenija (na materiale sovremennoogo anglijskogo jazyka). *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 3(15), 631–635.
- Morozov, V.P. (1998). *Neverbalnaja kommunikacija v sisteme rechevogo obshhenija (psihofiziologicheskie i psichoakusticheskie osnovy)*. Moscow.

- Nazaretjan, A.P. (2004). *Agressivnaja tolpa, massovaja panika, sluhi: Lekcii po socialnoj i politicheskoj psihologii*. Saint-Peterburg: Piter. <http://eartist.narod.ru/text11/24.htm>
- Nazarchuk, A.V. (2009). *Teorija kommunikacii v sovremennoj filosofii*. Moscow: Progress-Tradicija.
- Ostin, Dj. (1999). *Izbrannoe*. Moscow: Ideja-Press, Dom intellektualnoj knigi.
- Pease, A., Pease, B. (2010). *Jazyk telodvizhenij. Rasshirennaja versija*. Moscow: Jeksimo.
- Potapova, R.K. (1997). *Konnotativnaja paralingvistika*. Moscow: Triada.
- Potapova, R.K. (2010). *Rech: kommunikacija, informacija, kibernetika* (4th ed.). Moscow: LIBROKOM.
- Potapova, R.K., Potapov, V.V. (2008). Vosprijatie jemocional'nogo povedenija ino-jazychnyh i inokul'turnyh kommunikantov. In: *Fonetika i nefonetika. K 70-letiju Sandro V. Kodzasova* (pp. 602–616). Moscow: Jazyki slavjanskih kultur.
- Potapova, R.K., Potapov, V.V. (2006). *Jazyk, rech, lichnost*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kultury.
- Pochepcov, G.G. (1987). *Kommunikativnye aspekty semantiki*. Kiev: Vishha shk.
- Rechevoe vozdejstvie (2019). *Jenciklopedija Krugosvet. Universal'naja nauchno-populjarnaja jenciklopedija*. Retrieved from https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RECHEVOE_VOZDESTVIE.html
- Sedov, K.F. (2003). O manipuljaciji i aktualizaciji v rechevom vozdejstvii. In: *Problemy rechevoj kommunikacii* (pp. 20–27). Saratov, vol. 2. <https://elibrary.ru/item.asp?id=35163021>
- Sociologicheskiy jencikopedicheskij slovar*. (1997). Moscow.
- Uzilevskij, G.Ja. (1996). *Vzaimodejstvie estestvennyh i iskusstvennyh jazykov v sovremennyh lingvisticheskikh processorah*. Moscow: ADD.
- Falkova, E.G. (2007). *Mezhkulturalnaja kommunikacija v osnovnyh ponjatijah i opredelenijah*. Saint-Petersburg.: SPbGU.
- Haritonov, M.V. (2012). Vosprijatie obnazhenoj natury v reklame. *Sociologija i parvo*, 2(13), 24–36. <https://elibrary.ru/item.asp?id=17837187>
- Hitrova, I.V. (2009). Metod modelirovaniya kak osnova ponimanija processa kommunikacii. *Sovremennye gumanitarnye issledovaniya*, 6(31), 208–213.
- Tsalieva, E.A. (2013). Nekotorye sredstva neverbaliki v akte mezhlichnostnoj kommunikacii (primenitel'no k britanskemu i amerikanskemu variantam anglijskogo jazyka). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 12(673), 215–223. <https://elibrary.ru/item.asp?id=19316026>
- Chirkova, E.I. (2009). *Vnimanie, neverbalika! Neverbalnye sredstva kommunikacii pri obuchenii inostrannomu jazyku*. Saint-Petersburg: KARO.
- Chistovich, L.A., Kozhevnikov, V.A. (1965). *Rech. Artikulacija i vosprijatie*. Moscow; Leningrad: Nauka.
- Shmeleva, T.V. (1990). Rechevoj zhanr: vozmozhnost' opisanija i ispol'zovanija v predavanii jazyka. In: *Russistik. Nauchnyj zhurnal aktualnyh problem prepodavanija russkogo jazyka* (pp. 20–32). Berlin, vol. 2.

Глава 1. К вопросу о модальностях коммуникации

- Jakovlev, I.P. (2006). *Kljuchi k obshcheniju. Osnovy teorii kommunikacij*. Saint-Petersburg: Avalon, Azbuka-klassika.
- Armstrong, P.B. (1986). The multiple existence of a literary work. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 44, 321–329.
- Baxter, L.A. (2004). Relationships as dialogues. *Personal Relationships*, 11, 1–22.
- Haviland, W.A., Prins, H.E.L., Walrath, D., McBride, B. (2007). *Cultural anthropology: The human challenge*. Texas: Wadsworth Publishing.
- Darwin, C., Murray, J. (1972). *The Expression of the emotions in man and animals*. London.
- Desmond, M. (1978). *Der Mensch mit dem wir leben. Ein Handbuch unseres Verhaltens*. München, Zürich.
- Ellgring, H. (1986). *Nonverbale Kommunikation. Einführung und Überblick: Körpersprache in der schulischen Erziehung*. Baltmannsweiler.
- Hewes, G.H. (1955). World distribution of certain postural habits. *American anthropologist*, 57(2), 231–244.
- Hewes, G.H. (1957). The anthropology of gesture. *Scientific American*, 196(2), 122–132.
- Hewes, G.H. (1966). The domain posture. *Anthropological linguistics*, 8, 106–112.
- Mehrabian, A. (1968). Communication without words. *Psychology Today*, 53–56.
- Nirooumand, S. (1997). *Consequences of nonverbal communication*. http://ematusov.soe.udel.edu/final.paper.pub/_pwfsfp/000000d4.htm
- Sillars, A.L., Vangelisti, A.L. (2006). Communication: Basic properties and their relevance to relationship research. In: Vangelisti, A.L., Perlman, D. (eds.). *The Cambridge Handbook of Personal Relationships* (pp. 331–351). New York: Cambridge University Press.
- Smith, R.A. (1973). Teaching aesthetic criticism in the schools. *Journal of Aesthetic Education*, 7, 38–49.

Глава 2.

К ОПЫТУ СУБЪЕКТИВНОГО ДЕКОДИРОВАНИЯ МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ МОНО- И ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ^{1,2}

Аннотация. Коммуникация рассматривается как мультимодальное взаимодействие между коммуникантами, в результате которого формируется перцептивный образ коммуникативной ситуации и партнеров по коммуникации. Согласно результатам серии экспериментов, описанных во второй главе настоящей монографии, базовые знания накапливаются и реализуются в зрительных и слуховых образах, которые дополняют друг друга. Речевая паравербалика является дополнительным источником, которая в процессе восприятия иноязычной речи становится базовым источником информации о коммуникантах и о коммуникативной ситуации. Полученные данные подтверждают, что в ряде случаев также наблюдается оценочная констатация перцептивных признаков, соотносящихся с устоявшимися межкультурными особенностями и гендерными стереотипами.

Ключевые слова: слуховое восприятие; зрительное восприятие; субъективная оценка; перцептивный образ; иноязычные коммуниканты; межличностная коммуникация; межкультурная коммуникация; политическая коммуникация; речевое поведение; невербальное поведение; американская лингвокультура; британская лингвокультура; немецкая лингвокультура; австрийская лингвокультура; китайская лингвокультура; русская лингвокультура.

¹ © Потапова, Р.К., Потапов, В.В., 2020

² Исследования, представленные в данной главе, являются результатом многолетней работы авторов совместно с их учениками и последователями.

Chapter 2. **SUBJECTIVE DECODING OF MULTIMODAL MONO- AND POLY-ETHNIC COMMUNICATION¹**

Abstract. Communication is considered as a multimodal interaction between interlocutors resulting in construction of a perceptual image of the communicative situation and interlocutors. The results obtained in the series of experimental researches, described in the chapter 2 of present monography, argue that the basic knowledge is accumulated and realized in visual and auditory images of communicative situation that complement each other. Para-verbal means of communication is to be an additional source of information, but it turns to be basic in relation to the perception of speech communication between foreigners. The findings presented in chapter 2 also confirm that, in some cases subjective assessments of communication between foreigners correlate with cross-cultural and gender perception stereotypes.

Keywords: auditory perception; visual perception; subjective assessment; perceptual image; foreign-language communicants; interpersonal communication; cross-cultural communication; political communication; speech behavior; non-verbal behavior; American linguaculture; British linguaculture; German linguaculture; Austrian linguaculture; Chinese linguaculture; Russian linguaculture.

2.1. Определение степени конгруэнтности слухового и зрительного видов восприятия британской и американской межличностной коммуникации (применительно к моно- и полиэтническим реципиентам)²

В качестве идентифицируемого объекта выступали американские и английские актеры – носители родного языка. Идентификация проводилась русскоговорящими аудиторами, знающими в разной степени английский язык, и аудиторами – носителями английского языка. В ходе идентификации анализировались экстралингвистические параметры (мимика и жесты) и паравербалика (интонационные и просодические средства).

¹ © Potapova, R.K., Potapov, V.V., 2020

² Активным участником проекта выступила О.А. Сахарова.

Группа испытуемых

Испытуемые (см. табл. 1) отбирались с учетом таких характеристик, как:

- гендерный признак (мужчины и женщины);
- возраст участников эксперимента от 20 до 27 лет;
- место рождения;
- место длительного проживания: испытуемые – носители русского языка (Москва и ближайшее Подмосковье), испытуемые – носители американского варианта английского языка (США);
- образование (гуманитарное / техническое);
- специализация по образованию и профессия родителей;
- родной язык, а также знание иностранных языков (разные уровни владения);
- наличие / отсутствие музыкального образования.

Таблица 1

Характеристики группы испытуемых

<i>Кодировка</i>	<i>Лингвокультура</i>	<i>Гендер</i>	<i>Возраст (лет)</i>	<i>Место рождения и длительного проживания</i>
РЖ	русская	3 женщины	22–25	Москва, Московская область
РМ	русская	3 мужчины	20–23	
АЖ	американская	2 женщины	22–25	
АМ	американская	2 мужчины	22–27	США

Стимульный материал

Материал: десять фрагментов (см. табл. 2) различных фильмов (продолжительностью не более 30 сек. каждый) на языке оригинала (британский и американский варианты английского языка), которые были отобраны по следующим критериям:

- наличие повседневных ситуаций бытового общения (диалоги, полилогии);
- наличие участников коммуникативных актов в этих фрагментах представляли английские и американские актеры;
- режиссеры этих фильмов также принадлежали к представителям двух этносов (американцам и англичанам);

Глава 2. К опыту субъективного декодирования мультимодальной мно- и полиэтнической коммуникации

- в видеоматериалах отражалась ситуация современного мира (конца ХХ – начала ХХI в.);
- видеоматериалы выпущены после 2001 г.;
- в видеофрагментах хорошо «считывается» эмоциональный настрой коммуникантов (от нейтрального эмоционального настроя до агрессии);
- наличие широкого спектра вербальных, паравербальных и невербальных средств коммуникации.

Таблица 2

Характеристики анализируемого материала

№ фрагмента	Название кинофильма	Лингвокультура	Участники ситуации (актеры)	Ситуация общения
1	2	3	4	5
1.	«Реальная любовь» (Love Actually, 2003)	британская	Алан Рикман (Alan Rickman) и Эмма Томпсон (Emma Thompson)	приветствие
2.	«Реальная любовь» (Love Actually, 2003)	британская	Эмма Томпсон (Emma Thompson) и Лиам Нисон (Liam Neeson)	ободрение, поддержка
3.	«Любимцы Америки» (America's Sweethearts, 2001)	американская	Джулия Робертс (Julia Roberts) и Билли Кристал (Billy Crystal)	просьба, убеждение
4.	«Боец» (The Fighter, 2010)	американская	Мелиssa Лео (Melissa Leo) и Джек МакГи (Jack McGee)	ссора
5.	«Столкновение» (Crash, 2004)	британская	Сандра Буллок (Sandra Bullock) и Мэтт Диллон (Matt Dillon)	ссора
6.	«Жена путешественника во времени» (The Time Traveler's Wife, 2008)	американская	Эрик Бана (Eric Bana) и Рейчел МакАдамс (Rachel McAdams)	повседневное общение
7.	«Жена путешественника во времени» (The Time Traveler's Wife, 2008)	американская	Эрик Бана (Eric Bana) и Рейчел МакАдамс (Rachel McAdams)	ссора

1	2	3	4	5
8.	«Призрак» (The Ghost Writer, 2009)	британская	Пирс Броснан (Pierce Brosnan) и Юэн МакГрегор (Ewan McGregor)	повседневное общение
9.	«Призрак» (The Ghost Writer, 2009)	британская	Юэн МакГрегор (Ewan McGregor) и Оливия Уильямс (Olivia Williams)	повседневное общение
10.	«Неотразимая Тамара» (Tamara Drewe, 2010)	британская	Тэмсин Грэй (Tamsin Greig) и Роджер Аллам (Roger Allam)	ссора

Восприятие по слуховому каналу

Задание

Испытуемые должны были прослушать звуковые дорожки без визуального ряда и определить: 1) количество участников, 2) эмоциональную окраску коммуникации, 3) просодические компоненты коммуникативного акта, 4) указать этническую принадлежность коммуникантов и обосновать свое мнение. Эксперимент проводился в спокойном помещении, благоприятном для прослушивания и анализа аудиофайлов. Испытуемые могли несколько раз прослушать аудиодорожку, для того чтобы лучше сконцентрироваться на каких-либо компонентах.

Результаты

Результаты оценки испытуемыми перцептивного образа коммуникантов по слуховому каналу представлены в таблице 3:

– практически все участники как англоговорящие, так и носители русского языка смогли правильно на 90% установить этническую принадлежность коммуникантов (США или Великобритания). При обосновании своего мнения испытуемые ссылались на акцент говорящих, что помогло им определить принадлежность коммуникантов к той или иной этнической группе. Один участник не смог дать правильный ответ (10%). Это объясняется не высоким уровнем владения английского языка в связи с техническим образованием и неспособностью различать американский и английский акценты;

Глава 2. К опыту субъективного декодирования мультимодальной мно- и полиэтнической коммуникации

- испытуемые с высокой степенью точности (100%) декодировали тематическую специфику коммуникаций (тип ситуации общения);
- эмоциональный настрой также был правильно определен с небольшой долей погрешности в 20% от общего числа;
- определение просодических средств вызвали у носителей русского языка затруднение (70%), тогда как испытуемые-американцы справились с поставленной задачей полностью. По сравнению с носителями русского языка носители английского языка при определении эмоционального настроя коммуникации в большей мере полагаются на такие просодические средства, как громкость и окраска голоса, темп и мелодика речи.

Таблица 3

Перцептивно-слуховое восприятие коммуникации (точность определения испытуемыми)

Слуховые средства	Испытуемые			
	PЖ	PM	AЖ	AM
Тематическая специфика коммуникации	30%	30%	20%	20%
Общий эмоциональный настрой	20%	20%	20%	20%
Просодические средства определяющие эмоциональный настрой	20%	10%	20%	20%
Национальная принадлежность участников коммуникации в данных фрагментах	30%	20%	20%	20%

Выводы

Представители американского этноса дали более точные ответы в отношении англоговорящих информантов (актеров). Пришедшие к открытой, громкой коммуникации они с легкостью определили видеофрагменты, где были задействованы только английские актеры. Однако не следует исключать влияние на точность ответов английского акцента. Следует подчеркнуть, что именно испытуемые-американцы обращали большое внимание на просодические характеристики при заполнении анкеты. Проявившаяся тенденция к большей доле ошибок при декодировании материала на незнакомом языке может объясняться ошибками в понимании, вызванными недостаточным знанием иностранного языка. Неадекватная оценка паузации может быть связана с отсут-

ствием семантической информации из-за того, что испытуемые перцептивно декодировали иноязычную речь без знания анализируемого языка [Потапова, Потапов, 2008].

Восприятие по зрительному каналу

Задание

Испытуемые должны были просмотреть видеофрагменты без звукового сопровождения и определить: 1) количество участников, 2) эмоциональную окраску коммуникации, 3) невербальные компоненты коммуникативного акта (движения головы и тела, жесты рук, мимику, взгляд, положение тела в пространстве и относительно другого собеседника, знаковые телодвижения, одежду, обстановку), 4) указать этническую принадлежность коммуникантов (США или Великобритания) и обосновать свое мнение. Эксперимент проводился в спокойном помещении, благоприятном для просмотра и анализа видеофайлов. Задание было предназначено для индивидуального выполнения, поэтому испытуемые не должны были обсуждать детали эксперимента. Во время проведения исследования испытуемые могли просматривать видеофрагменты неограниченное количество раз.

Результаты

Результаты (оценки, данные испытуемыми в отношении аутентичного англоязычного материала) представлены в таблице 4.

Таблица 4

Перцептивно-визуальный образ (точность распознавания испытуемыми)

Визуальные средства	Испытуемые			
	PЖ	PM	AЖ	AM
Тематическая специфика коммуникации	30%	30%	20%	20%
Общий эмоциональный настрой	20%	30%	20%	20%
Средства невербалики указывающие на эмоциональный настрой	10%	10%	20%	20%
Национальная принадлежность участников коммуникации в данных фрагментах	10%	20%	20%	20%

Выводы

– Все испытуемые с высокой степенью точности 100% декодировали тематическую специфику коммуникации (тип ситуации общения);

– испытуемые испытывали затруднения в определении этнической принадлежности (70% верных ответов), даже участники с хорошим знанием английского языка в некоторых фрагментах неправильно идентифицировали коммуникантов;

– испытуемые – носители русского языка приписывали более активную жестикуляцию, мимику, быстрый темп речи, улыбчивость и открытость собеседникам-американцам, тогда как большинство испытуемых воспринимали сдержаных, неразговорчивых, жестких и угрюмых участников коммуникативного акта как англичан;

– общий эмоциональный настрой был правильно определен большинством испытуемых (90%) за исключением одного носителя русского языка;

– стоит отметить, что носители американского варианта английского языка точно определили представителей американской и британской лингвокультур, верно определили эмоциональный настрой и средства невербалики, указывающие на этот настрой.

В целом, следует отметить, что носители английского языка более точно декодировали представителей американской и британской лингвокультур, чем представители русской лингвокультуры. Это может обуславливаться привычностью для их восприятия поведения американских и британских актеров.

2.2. Субъективная оценка носителями русского языка и культуры степени эмоциональности иноязычных и иноэтнических партнеров по коммуникации¹

Материал для исследования отбирался из двух кинофильмов производства США и Великобритании: американский сериал «Тюрьма Оз» («Oz», США, 1997) и британский «Это Англия»

¹ Активным участником проекта выступила Е.Р. Лапина.

(«This is England», Великобритания, 2006). Данные произведения относятся к жанру криминальной драмы и являются популярными в своем жанре.

Оз – сокращенное название колонии строгого режима, расположенной на улице Озвальд, где содержатся особо опасные преступники. Тюрьма включает экспериментальный блок, именуемый среди правления и заключенных «Изумрудный город». Все заключенные «изумрудного города» разделены между собой на группы: черные, мусульмане, христиане, арийцы, сицилийцы, ирландцы, латиноамericанцы, геи, байкеры и т.д., есть и такие, кто не входит ни в одну из группировок и живет сам по себе, либо время от времени примыкает то к одной, то к другой группировке. Интрига фильма строится на взаимоотношениях между группировками, ведущими войны за территорию сбыта наркотиков и власть в блоке, а также на межличностных отношениях между отдельно взятыми персонажами: как заключенными, так и работниками тюрьмы.

«Это Англия» – фильм Шейна Медоуза, известного британцам по фильмам «Башмаки мертвеца» и «Комната для Ромео Брасса». Сюжет фильма разворачивается в английском городке в июле 1983 г. и рассказывает об английских скунхедах и жизни подростков. Фильм является продолжением сериала.

Данные кинофильмы специфичны, наполнены разнообразными эмоциональными диалогами, диалогическими сценами. В исследовании анализировались диалоги между мужчинами одной возрастной категории в исполнении актеров на американском и британском вариантах английского языка. В результате анализа с применением перцептивно-слухового и перцептивно-зрительного видов анализа были получены следующие результаты оценки сценарийных эмоциональных состояний коммуникантов.

Оценка эмоциональности мужчин – носителей американской лингвокультуры

Стыд – застенчивость

Диалог происходит на среднем расстоянии, достаточно небольшом, что приносит дискомфорт одному из его участников, что прослеживается в его поведении – он опускает глаза, отводит

взгляд в сторону, всячески избегая прямого контакта. Часто моргает. Дыхание неровное, прерывистое. Вздыхает. Тяжело сглатывает. Паузы продолжительные – это свидетельствует о том, что человек тщательно обдумывает сказанное, пытаясь как можно дольше избежать продолжения волнительной для него беседы.

Страх – тревожность

Диалог происходит на близком расстоянии, что впоследствии приносит дискомфорт одному из его участников – как реакция на угрозу своего собеседника. Человек меняет свое расположение, пытается удалиться и в панике резко вскакивает с места, вскрикивает, на напряженном лице – гримаса ужаса. Зрачки расширены, брови и веки подняты, взгляд бегает по сторонам. Нижняя челюсть опущена, губы лихорадочно трясутся. Паузы средней продолжительности. В итоге, когда человек убегает, видно, что тело плохо его слушается – ноги заплетаются, он совершает хаотичные движения руками.

Гнев – отвращение – презрение

Расстояние во время диалога сокращается – сначала разгневанный собеседник пытается успокоиться, держит руку на лбу, вздыхает, потом его охватывает еще один приступ ярости – он быстро проходит мимо своего собеседника – лицо нахмурено, глаза налиты кровью, зрачки расширены, появляется хищный оскал, губы трясутся, видны нижняя и верхняя челюсти. Человек разговаривает громко, периодически вскрикивает, использует ненормативную лексику и бранные слова. Паузы то короткие, то средней продолжительности. Тело плохо слушается – в порыве собеседник угрожающе взмахивает рукой, грозит указательным пальцем. Голова поворачивается в разные стороны, иногда выступает вперед дрожащий подбородок.

Интерес – возбуждение

Диалог происходит на близком расстоянии, коммуниканты сидят за столом друг напротив друга. Человек просит собеседника

о чем-то очень важном для себя (об одолжении). Видно, что он сильно взволнован и с нетерпением ждет ответа. Мышцы лица напряжены, брови нахмурены, то подняты, то опущены, глаза широко открыты, взгляд испытующий, направлен на собеседника – внимательно его изучает. Передавая свою просьбу, он интонационно выделяет слова, широко открывает рот, видны нижняя и верхняя челюсти. Паузы короткие. Активно жестикуирует, размахивая бумажным свертком. Наклоняется вперед, подавая тело навстречу к своему собеседнику.

Радость

Расстояние во время диалога меняется. При встрече один из собеседников резко меняя положение своего тела – из положения сидя: встает и идет навстречу другому. Коммуниканты обнимаются, хлопают друг друга по плечу, что свидетельствует о том, что эта встреча радостная и долгожданная. На лицах обоих широкая улыбка, видны нижняя и верхняя челюсти, что очень свойственно для американской улыбки. Вокруг глаз появляются характерные гусиные лапки, глаза часто моргают, брови то поднимаются, то опускаются. Взгляд испытующий, направлен на собеседника. В голосе слышится веселье. Паузы средней продолжительности по времени, чтобы дать возможность выговориться собеседнику, но желание продолжить задавать вопросы очень сильное, губы то смыкаются, то размыкаются.

Удивление

Расстояние между коммуникантами во время диалога меняется. Один из собеседников приближается к другому. Возникает эффект неожиданности. Видно, что один из коммуникантов не готов к встрече. Он закатывает глаза, лицо растягивается, голова поворачивается из стороны в сторону. Рот приоткрыт, нижняя челюсть опущена. Глаза широко открыты, заметно частое моргание, взгляд быстро перемещается по лицу собеседника. Брови то поднимаются, то опускаются. Паузы средней длительности.

Горе – страдание – депрессия – печаль

Диалог происходит на близком расстоянии, коммуниканты приближаются друг к другу, здороваются, обнимаются. Видно, что им предстоит тяжелый разговор, оба напряжены. По выражениям лиц видно, что тема разговора меняется. Напряжение возрастает. Взгляд одного из собеседников то направлен вниз, верхние веки опущены, то он жадно смотрит на своего собеседника. Рот периодически приоткрыт, опущены вниз уголки губ, щеки приподняты. Между коммуникантами образуется напряжение. На глазах наворачиваются слезы. Голос становится тише, практически переходит на шепот.

*Оценка эмоциональности мужчин –
носителей британской лингвокультуры*

Интерес – возбуждение

Диалог происходит на близком расстоянии, коммуниканты стоят рядом. Один из собеседников задает вопрос, видно, что он сильно взволнован и с нетерпением ждет ответа. Мыщцы лица напряжены, брови нахмурены, то подняты, то опущены, глаза широко открыты, взгляд испытующий, направлен на собеседника – внимательно его изучает. Задавая вопрос, он подвигается к собеседнику, интонационно выделяет слова, но переходит на шепот, широко открывает рот, видны нижняя и верхняя челюсти. Паузы короткие. Наклоняется вперед – подавая тело навстречу к своему собеседнику. Оба коммуниканта периодически перебирают пальцы – от волнения или возбуждения.

Радость

Расстояние маленькое. Коммуниканты сидят на соседних сидениях в автобусе. В беседе принимают участие четыре человека, но можно выделить отдельный диалог. Один из собеседников благодарит другого. Коммуниканты обнимаются, хлопают друг друга по плечу, что свидетельствует о том, что оба находятся в приподнятом настроении. На лицах обоих широкая улыбка, видна

нижняя и верхняя челюсти. Вокруг глаз появляются характерные гусиные лапки, глаза часто моргают, брови то поднимаются, то опускаются. Взгляд испытующий, направлен на собеседника. В голосе слышится веселье. Паузы средней длительности и короткие, собеседников переполняют чувства, желание продолжить задавать вопросы очень сильное, губы то смыкаются, то размыкаются. Из-за расположения в пространстве, коммуниканты часто поворачиваются друг к другу во время беседы.

Удивление

Расстояние между коммуникантами во время диалога маленькое, коммуниканты сидят бок о бок. Один из собеседников приближается к другому. Подает тело вперед, слегка наклоняется. Они обмениваются парой реплик. Один из них задает вопрос. Видно, что другой озадачен и не знает, что ответить. Он закатывает глаза, лицо растягивается, голова поворачивается из стороны в сторону. Рот приоткрыт, нижняя челюсть опущена. Глаза широко открыты, заметно частое моргание, взгляд быстро перемещается по заинтересованному обоих собеседников объекту. Брови то поднимаются, то опускаются. Чаще вопросительно подняты. Паузы средней длительности.

Горе – страдание – депрессия – печаль

Диалог происходит на близком расстоянии, один из коммуникантов то приближается к другому, то отдаляется. Тело его плохо слушается – он периодически вскидывает руки, ходит по кругу туда и обратно. Видно, что между собеседниками серьезный разговор, точнее спор, оба напряжены. По выражениям лиц видно, что тема разговора не из приятных. Напряжение возрастает. Взгляд одного из собеседников то направлен вниз, верхние веки опущены, то смотрит жадно на своего собеседника. Рот периодически приоткрыт, опущены вниз уголки губ, щеки приподняты, между ними образуется напряжение. Говорит со слезами на глазах. Голос становится то тише, то громче – говорит навзрыд.

Гнев – отвращение – презрение

Расстояние во время диалога сокращается – сначала разгневанный собеседник топчется на месте, периодически подавая тело вперед, потом его охватывает еще один приступ ярости – он взмахивает рукой, быстро подходит к собеседнику и наносит удар. Видно, что его охватывает ярость – лицо нахмурено, глаза налиты кровью, зрачки расширены, появляется хищный оскал, губы трясутся, видны нижняя и верхняя челюсти. Человек разговаривает громко, периодически вскрикивает, использует обсценную лексику и бранные слова. Паузы то короткие, то средней длительности. Тело плохо слушается – в порыве собеседник угрожающе взмахивает рукой, расправив ладонь. Голова поворачивается в разные стороны, иногда выступает вперед дрожащий подбородок.

Страх – тревожность

Диалог происходит на близком расстоянии, что впоследствии приносит дискомфорт одному из его участников – как реакция на угрозу своего собеседника. Человек меняет свое расположение, отделяется, пытается переключить тему разговора, слегка пятится назад. Зрачки расширены, брови и веки подняты, взгляд бегает по сторонам. Нижняя челюсть опущена, губы лихорадочно трясутся, видна нижняя челюсть. Паузы средней длительности. Тело плохо слушается – человек пятится назад, раскачивается из стороны в сторону, движения неуверенные.

Стыд – застенчивость

Диалог происходит на достаточно большом расстоянии между коммуникантами, но тем не менее это приносит дискомфорт одному из его участников, что прослеживается в его поведении – он опускает глаза, отводит взгляд в сторону, всячески избегая прямого контакта. Взгляд несчастный. Часто моргает. Периодически морщит лоб. Нервно теребит руки. Дыхание неровное, прерывистое. Вздыхает. Тяжело сглатывает. Отворачивается. Пытается взразить. Паузы продолжительные – это свидетельствует о том,

что человек тщательно обдумывает сказанное, пытаясь как можно дольше избегать продолжения волнительной для него беседы.

Выводы

В результате проведенного эксперимента были выявлены сходства и различия в использовании: 1) личного пространства, 2) дистанции, 3) в отношении к улыбке, 4) паузам, 5) физическому контакту во время эмоционально-окрашенных диалогов. При анализе выяснилось, насколько сложен и многообразен мир невербального поведения человека, как велика его значимость. Анализ мультимодального материала позволил выявить невозможность выделить эмоциональное состояние коммуникантов изолированно: как правило, одно эмоционально-модальное состояние сменялось другим. Скорость смены одного эмоционального состояния и невербальных сигналов, его иллюстрирующих, порой крайне велика.

2.3. Значение невербалики в политической коммуникации (анализ неверbalного поведения русскоговорящих и англоговорящих политиков)¹

Методика исследования

Исследование было направлено на выявление содержания воспринимаемой мужской ручной жестикуляции политиков 1) во время обращения к гражданам и 2) во время интервью.

В качестве *материала* для исследования были отобраны видеоролики с изображением политических деятелей (В.В. Путина, Д.А. Медведева, Б. Обамы и М. Ромни), взятые с сайта www.youtube.com. Было отобрано 11 видеофрагментов. В дополнение из видеофрагментов были извлечены стоп-кадры, в которых фиксировалась жестикуляция спикеров. Фокусировка в стимульном материале делалась на следующее положения рук политиков: ладони вниз; жесты указательным пальцем; положение «шпиль вверх»; скрещенные пальцы; «кулак».

¹ Активным участником проекта выступила С.В. Мареева.

В качестве испытуемых (40 человек) выступили студенты МГЛУ (в возрасте 19–20 лет).

Эксперимент проводился в два этапа. На первом этапе испытуемым при просмотре видеофрагментов без звукового сопровождения предлагалось отметить, в каком эмоционально-модальном состоянии находится спикер, основываясь на невербальных признаках в процессе коммуникации. На втором этапе испытуемым предлагалось ответить на вопрос о том, какое воздействие на них оказывает каждый из представленных политиков.

В качестве методического описания жестикуляции использовались работы Г.Е. Крейдлина (2008) и А. Пиза и Б. Пиза (2010).

Жест «скрещенные пальцы рук». Может показаться, что скрепленные пальцы рук говорят об уверенности человека в собственных силах, поскольку этот жест часто сопровождается улыбкой и счастливым выражением лица, однако этот жест может говорить о подавленности или о враждебности. Этот жест можно наблюдать в трех основных положениях:

- пальцы скрепленные возле лица;
- руки, лежащие на столе;
- руки, опущенные на колени, если человек сидит, или перед собой, если человек стоит.

Соединенные кончики пальцев в «шпиль». Этот жест свойственен людям, уверенным в себе, обладающим чувством превосходства. Такие люди мало жестикулируют. «Шпиль» можно рассматривать как изолированный жест. Он сигнализирует об уверенности в себе и в собственных знаниях. Руки шпилем вверх применяется, когда говорящий выражает свое мнение или излагает свои идеи, руки шпилем вниз, – когда говорящий слушает.

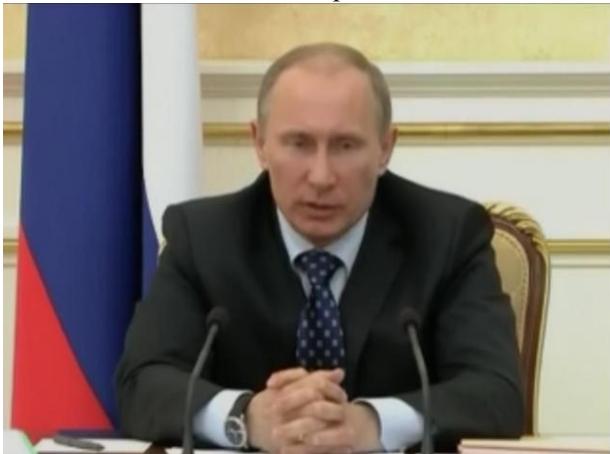
Рука ладонью вниз – это сдерживающий, успокаивающий жест.

Поднятый указательный палец призывает обратить внимание на некоторые важные моменты и несет в себе смыслы предупреждения и назидания. Быстро поднятый вертикально вверх указательный палец руки как характеризующий дейктический жест имеет еще одно значение иллоктивного акта со значением ‘Вот!’, ‘Эврика!’, т.е. жест имеет значение внезапно найденного или принятого решения. Дейктический жест указательным пальцем руки, поднятой перед головой (отражает то, что найденное решение

продуцировано мозгом), перед глазами (отражает то, что решение увидено) и перед носом (экспликация смыслов чувства, проницательности, интуиции), просто предназначен для выражения именно этих смыслов.

Результаты оценки жестикуляции политиков, сидя за столом

На рис. 3–8 представлено распределение оценок, данных испытуемыми в отношении эмоционально-модальных состояний спикеров на основе анализа их невербального поведения.

Скрещенные пальцы (фото 7)

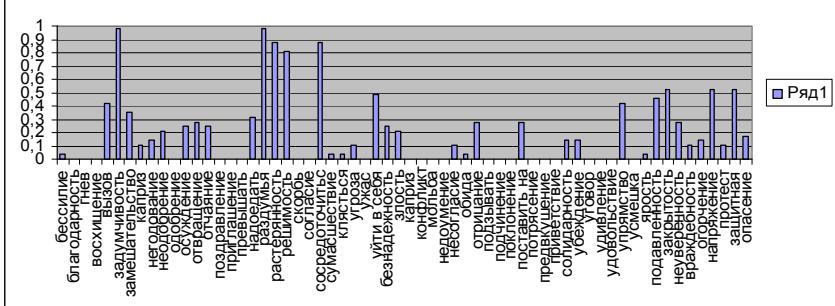

Рис. 3. Оценка невербалики В.В. Путина (фото стопкадра)

Наибольший удельный вес имеют следующие эмоционально-модальные состояния: задумчивость, раздумье (их выделили практически 100% испытуемых), растерянность, сосредоточенность, уход в себя, закрытость, защитная реакция. Следует отметить, что была выделена «решимость», что полностью не соответствует результатам экспериментов, проведенных исследователями в данной области. На это оказывает влияние уверенная осанка спикера, жестко сцепленные пальцы рук, а также мимика, полная решительности.

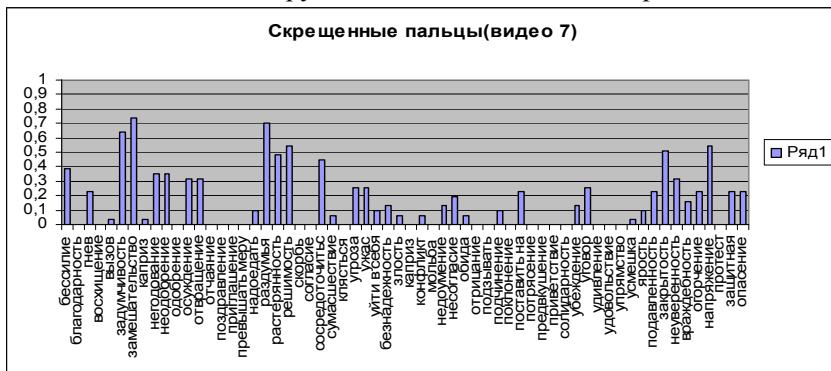

Рис. 4. Оценка невербалики В.В. Путина (видео)

По оценкам испытуемых, основными эмоционально-модальными состояниями выступают замешательство, раздумье и растерянность; дополнительными – напряженность, закрытость, что соответствует результатам предыдущих исследований.

Рис. 5. Оценка невербалики Д.А. Медведева (фото)

На рис. 5 видно, что 100% испытуемых отметили такие эмоционально-модальные состояния, как задумчивость, уход в себя, безнадежность, закрытость, неуверенность, горечь, на что указывают плотно сжатые губы политика (свидетельство эмоциональной сдержанности, а сдерживают, как правило, негативные эмоции).

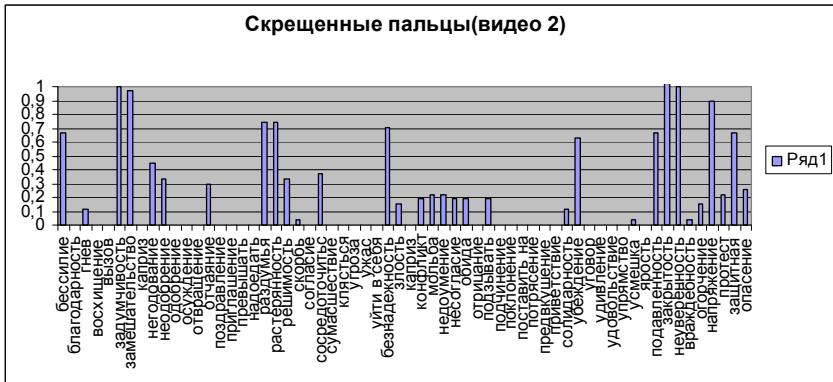

Рис. 6. Оценка невербалики Д.А. Медведева (видео)

При просмотре видео 100% испытуемых отметили в невербальном поведении политика закрытость, неуверенность, задумчивость. Чуть меньше испытуемых отметили напряженность, расте-

рянность, раздумье. Испытуемые также зафиксировали мольбу, недоумение, несогласие, обиду, неодобрение.

Скрещенные пальцы(фото 12)

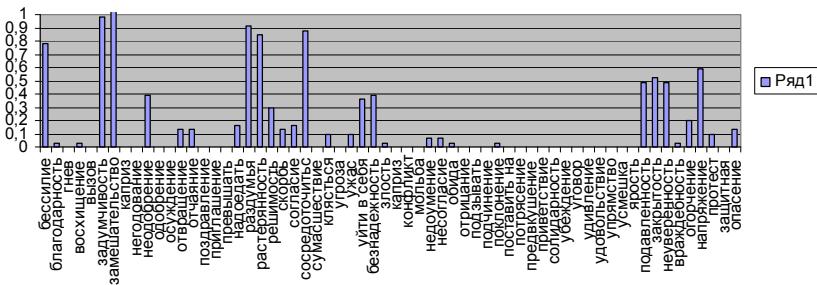

Рис. 7. Оценка невербалики Б. Обамы (фото)

На рис. 7 показано, что жесту «скрещенные пальцы рук» испытуемые приписывают такие эмоционально-модальные состояния, как замешательство, задумчивость, раздумье, сосредоточенность и растерянность.

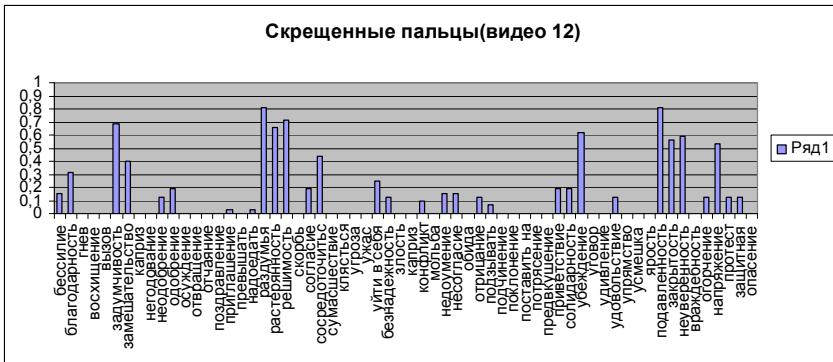
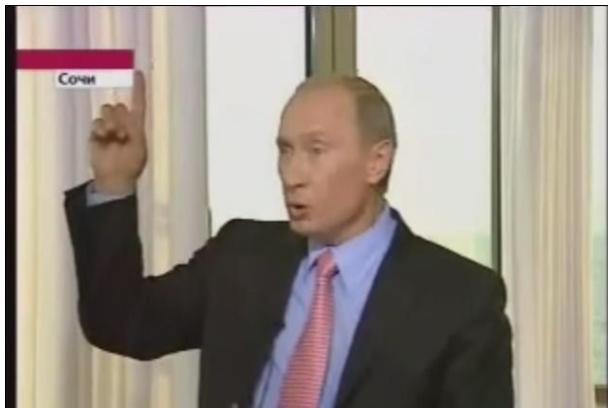

Рис. 8. Оценка невербалики Б. Обамы (видео)

На рис. 8 видно, что на первом месте стоят такие эмоционально-модальные состояния, как подавленность и раздумье. При этом задумчивость отмечалась испытуемыми чаще, чем замешательство (при оценке данного жеста по фотографии, в статике, результат был противоположным).

Результаты оценки жестикуляции политиков во время интервью

На рис. 9–16 представлено распределение оценок испытуемыми в отношении эмоционально-модальных состояний спикеров на основе анализа их неверbalного поведения во время интервью.

Глава 2. К опыту субъективного декодирования мультимодальной моно- и полизитнической коммуникации

Рис. 9. Оценка невербалики В.В. Путина (фото)

На рис. 9 видно, что испытуемые склоняются к мнению, что спикер находится в состоянии напряженности (80%), принуждения к подчинению (63,4%), решимости и вызова (60%). Также были отмечены такие эмоционально-модальные состояния, как негодование и считываемое по невербалике спикера желание поставить оппонента на место.

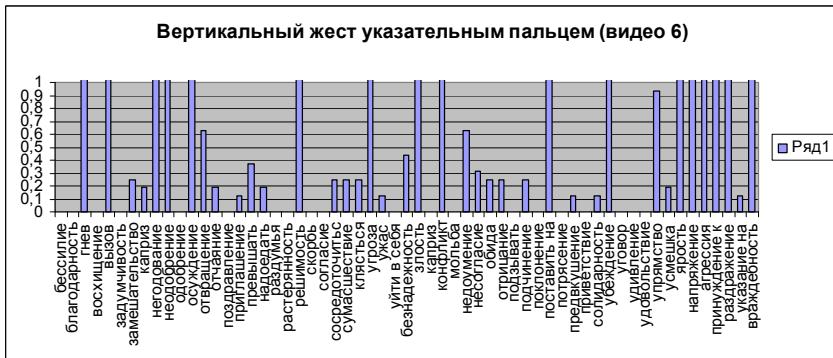
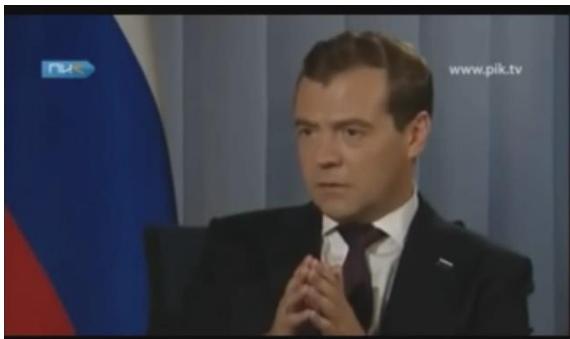

Рис. 10. Оценка невербалики В.В. Путина (видео)

Рис. 10 показывает, какое сильное эмоциональное воздействие оказывает на испытуемых вертикальный жест указательным пальцем. Всеми испытуемыми были выделены следующие эмоционально-модальные состояния политика: гнев, вызов, негодование.

ние, неодобрение, осуждение, решимость, угроза, злость, конфликт, поставить на место, убеждение, ярость, напряжение, агрессия, принуждение к подчинению, раздражение и враждебность. При сравнении 9 и 10 рисунков можно заметить, что при восприятии по видео (в динамике) данный жест производит на испытуемых более сильное впечатление.

Шпиль вверх (фото 4)

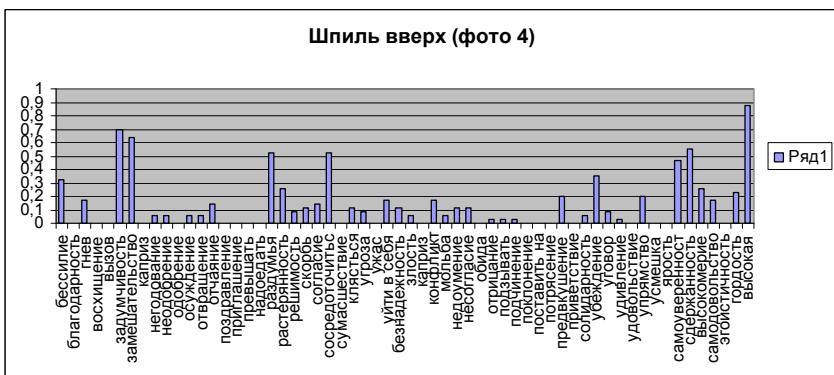

Рис. 11. Оценка невербалики Д.А. Медведева (фото)

На рис. 11 видно, что по невербальному поведению политика большинство испытуемых определили его эмоционально-модальное поведение как высокую концентрацию внимания, а также задумчивость, замешательство, обдумывание, сосредоточенность, сдержанность и самоуверенность.

Глава 2. К опыту субъективного декодирования мультимодальной моно- и полиглоссической коммуникации

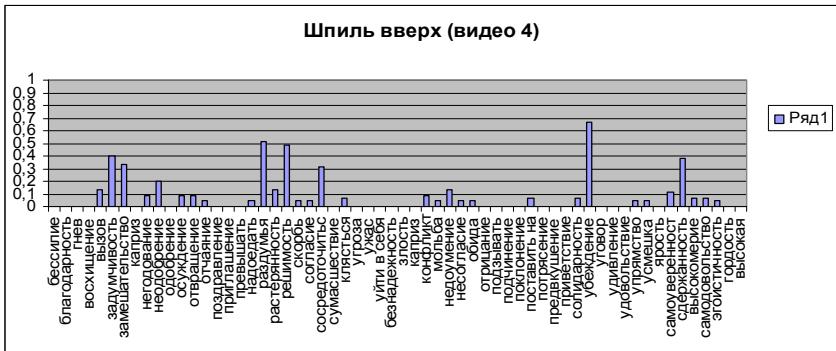

Рис. 12. Оценка невербалики Д.А. Медведева (видео)

В динамике большинством испытуемых выделено эмоционально-модальное состояние убежденности, а также обдумывание и решимость.

Скрещенные пальцы(фото9)

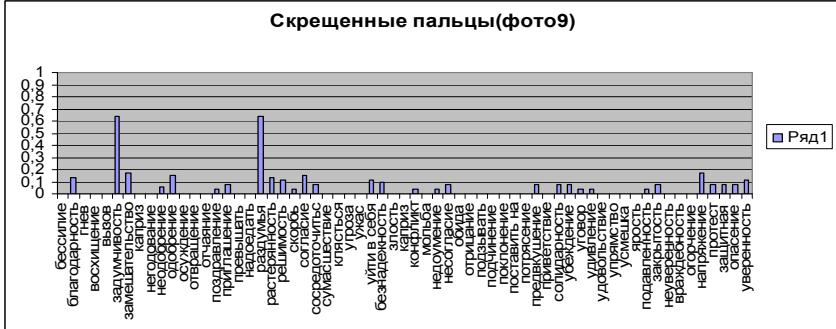

Рис. 13. Оценка невербалики Б. Обамы (фото)

На рис. 13 видно, что большинством испытуемых отмечаются такие эмоционально-модальные состояния политика, как задумчивость и раздумье.

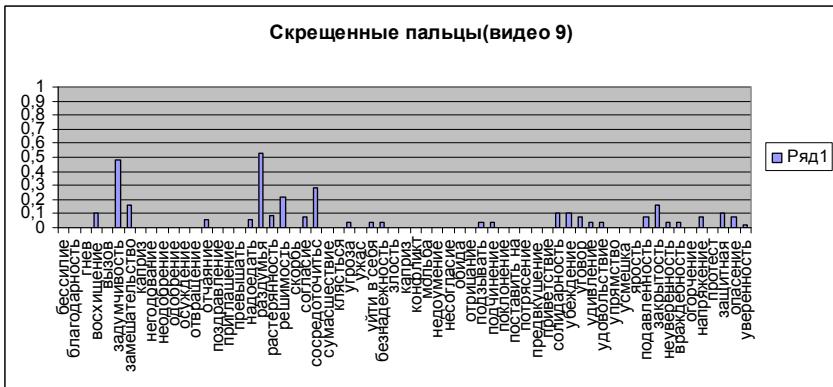

Рис. 14. Оценка невербалики Б. Обамы (видео)

Большинством испытуемых были отмечены эмоционально-модальные состояния задумчивости и обдумывания, что соответствует результатам, полученным при просмотре фотографии.

Глава 2. К опыту субъективного декодирования мультимодальной мно- и полиэтнической коммуникации

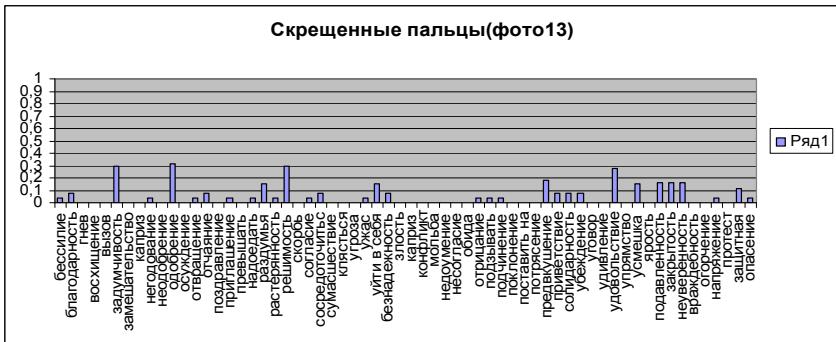

Рис. 15. Оценка невербалики М. Ромни (фото)

На рис. 15 видно, что большинство испытуемых отметили следующие эмоционально-модальные состояния политика: одобрение, удовольствие, решимость и задумчивость.

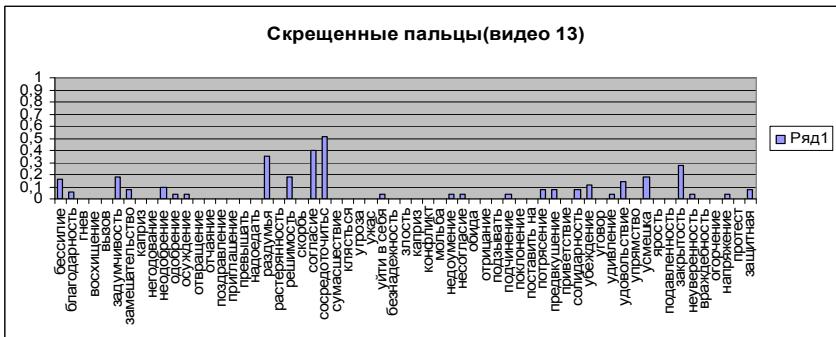

Рис. 16. Оценка невербалики М. Ромни (видео)

При просмотре видео испытуемые выделили следующие эмоционально-модальные состояния политика: сосредоточенность (51,24%), обдумывание и согласие (40%).

Результаты оценки жестикуляции политиков во время общения с гражданами

На рис. 17–24 представлено распределение оценок, данных испытуемыми в отношении эмоционально-модальных состояний

спикеров на основе анализа их невербального поведения во время общения с гражданами.

Горизонтальный жест указательным пальцем, направленный на слушателей (фото 5)

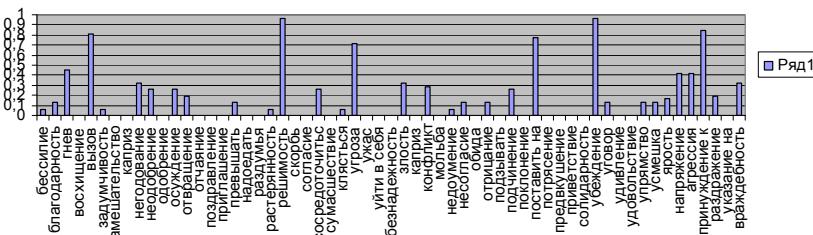

Рис. 17. Оценка невербалики В.В. Путина (фото)

По рис. 17 видно, что 96,9% испытуемых указали в качестве ведущего эмоционально-модальных состояния решимости и убежденности, а также принуждение к подчинению, вызов, желание поставить оппонента на место и угрозу.

Рис. 18. Оценка невербалики В.В. Путина (видео)

На рис. 18 можно видеть, что испытуемые в качестве ведущего эмоционально-модального состояния, в котором пребывает политик, называют гнев (90%), что в 2 раза больше результата, полученного в статистике. По неверbalному поведению «считывается» враждебность (64%), вызов, решимость и принуждение к подчинению.

Рис. 19. Оценка невербалики Д.А. Медведева (фото)

По мнению испытуемых, вертикальный жест указательным пальцем в исполнении данного политика несет в себе значение «убеждение» (93%), 45% оценок испытуемых соответствует эмоционально-модальному состоянию благодарность, на что оказывает влияние мимика политика.

Рис. 20. Оценка невербалики Д.А. Медведева (видео)

При оценке неверbalного поведения политика в динамике (рис. 20) испытуемыми преобладали такие эмоционально-модальные состояния, как решимость и убеждение (75%).

Жест "Кулак" (фото 15)

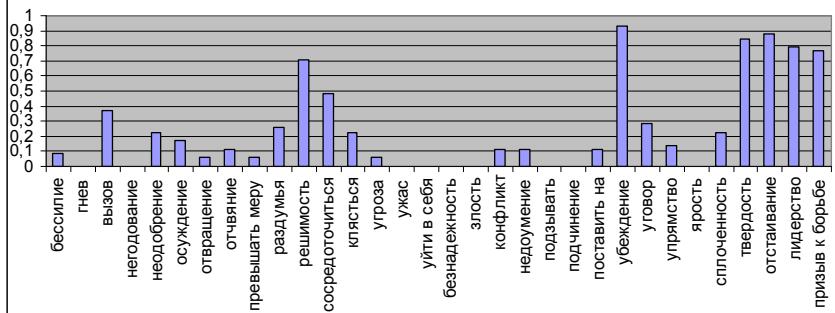

Рис. 21. Оценка невербалики Б. Обамы (фото)

Среди ведущих эмоционально-модальных состояний, считываемых по невербалике на фотографии, убежденность были отмечены в 93,4% случаев, отстаивание интересов – в 87,7, твердость – в 84,9% случаев.

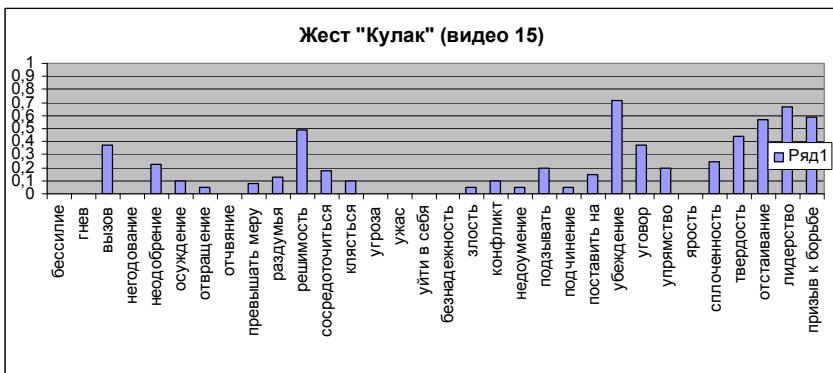

Рис. 22. Оценка невербалики Б. Обамы (видео)

В динамике (рис. 22) по невербальному поведению политика «считывается» эмоционально-модальное состояние убежденности (72%), отстаивание интересов (50%), лидерство, призыв к борьбе и решимость, что совпадает с результатами, продемонстрированными в статистике (рис. 21).

Глава 2. К опыту субъективного декодирования мультимодальной моно- и полизитнической коммуникации

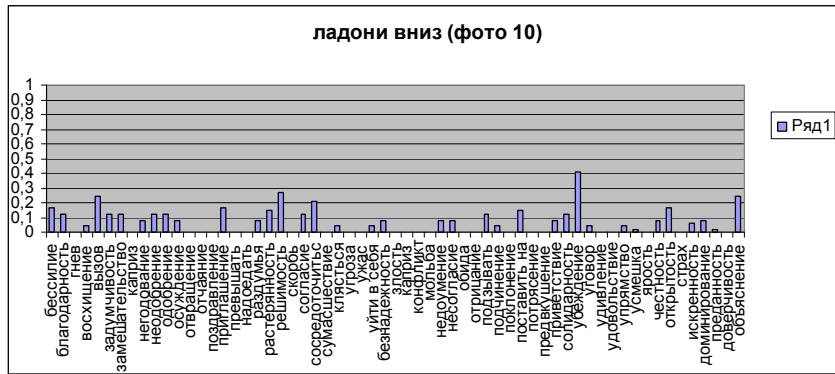

Рис. 23. Оценка невербалики М. Ромни (фото)

На рис. 23 показано соотношение считываемых эмоционально-модальных состояний, которые, по мнению испытуемых, соответствуют жесту «открытые ладони вниз». Большой вес имеют такие состояния, как убеждение, решимость, вызов, объяснение, сосредоточенность; наименьший – восхищение, клятва, уход в себя, подчинение, упрямство и преданность.

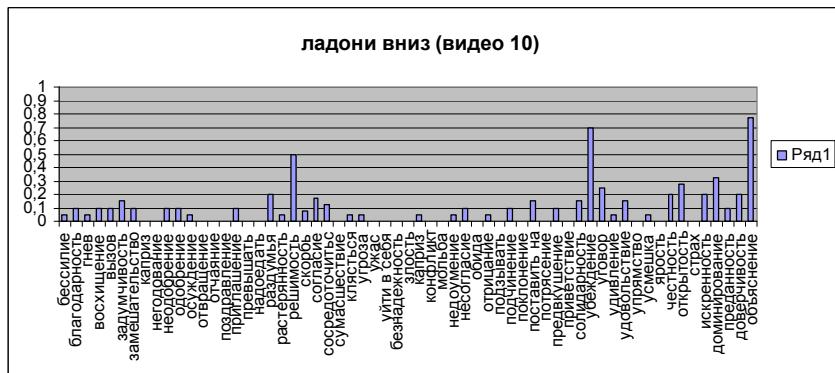

Рис. 24. Оценка невербалики М. Ромни (видео)

На рис. 24 показаны результаты, полученные в ходе просмотра видеофрагмента. В качестве ведущего эмоционально-модального состояния испытуемые указывают объяснение (77,5%), что в 3 раза превышает результат, полученный при оценке жеста в

статике. Испытуемые также отмечают эмоционально-модальное состояние убежденности (70%), решимости (50%). При восприятии поведения политика в динамике испытуемые выделяют эмоцию гнева, которая, по их мнению, не наблюдалась в статике (восприятие жеста по фотографии). В динамике испытуемыми не считаются такие эмоционально-модальные состояния, как уйти в себя, безнадежность, удовольствие.

Результаты оценки воздействия невербального поведения политиков на испытуемых

В ходе анализа ответов испытуемых были получены следующие результаты.

В.В. Путин – сильная, волевая личность. Умеет привлечь внимание публики. Полная уверенность в сказанном. Небольшая доля агрессии. Но в основном жесты убедительны, эмоциональны. Жестикуляция уверенная.

Д.А. Медведев демонстрирует негодование, непонимание, отвращение. Не привлекает особого внимания, так как жесты не-эмоциональны. Сомкнутые брови и указательный палец в его исполнении смотрятся нелепо, будто пытается сыграть роль «крутого парня».

Б. Обама ведет себя открыто, на многих видео он располагает к себе. При этом он остается твердым и решительным. «Его жестикуляция, напоминающая движения рэпера в клипе, тоже, по крайней мере, не отталкивает».

М. Ромни всем своим видом показывает, что думает он намного больше, чем говорит. От него не исходит агрессии. Но порой ведет себя так, будто чем-то напуган или чего-то боится. Его жесты неубедительны.

Выводы

Следует отметить, что в ходе исследования для каждого политика были выявлены определенные предпочтения в используемых жестах.

В.В. Путин часто использует жесты указательным пальцем, чем привлекает к себе внимание. В ситуации «сидя за столом» его

можно заметить со скрещенными пальцами. Но, несмотря на то, что основными значениями данного жеста являются «закрытость», «защитная реакция», «неуверенность в себе», испытуемые считают его волевым, сильным человеком, уверенной в себе личностью. Жесты данного политика эмоциональны и убедительны.

Жесты Д.А. Медведева не несут в себе сильной эмоциональной нагрузки, неубедительны, хотя он также использует жесты указательным пальцем. Демотивирующим фактором является мимика данного человека. Его лицо всегда отражает спокойствие, доброжелательность, порой равнодушие. Жесты Б. Обамы говорят о том, что он «открыт» перед гражданами своей страны. Жестикуляция М. Ромни неубедительна и вызывает негативные эмоции. Он использует жест «ладонь вниз», который несет в себе отрицательную эмоциональную нагрузку. Появляется оттенок начальственности. Независимо от его слов, которым сопутствует данный жест, в движении его рук прослеживается желание подчинить себе окружающих, что вызывает очень негативную реакцию.

2.4. Перцептивно-слуховой и перцептивно- зрительный виды анализа речевого поведения представителей немецкой и австрийской лингвокультур в оценках представителей русской лингвокультуры¹

Методика исследования

В ходе исследования предполагалось решить следующие задачи:

- определить частоту встречаемости невербальных и просодических средств;
- измерить способность людей к дешифровке невербальных единиц и определить точность кодирования и передачи смыслов этими единицами;
- выявить те средства, которые необходимы для успешной коммуникации;
- установить различия в неверbalном поведении немцев и австрийцев;

¹ Активным участником проекта выступила А.М. Зорова.

– установить гендерные различия.

В качестве *испытуемых* в исследовании приняли участие 17 человек (11 женщин в возрасте 20–50 лет и шесть мужчин в возрасте 20–50 лет). Все испытуемые являлись носителями русского языка, имели разный социальный статус и профессиональную деятельность. Никто из испытуемых не изучал немецкий язык ранее.

В качестве *материала* для исследования были отобраны 20 видео, которые были скачаны с двух сайтов¹. В качестве стимульного материала были выбраны политические интервью ($n = 10$, спикеры – носители немецкого языка, занимают высокие должности в политической сфере) и интервью с представителями из области культуры ($n = 10$). Стимульный материал отбирался по следующим параметрам: принадлежность спикеров к австрийской и германской лингвокультурам, наличие различных вербальных и невербальных признаков в поведении спикеров, наличие различных эмоциональных состояний, гендерных, культурных различий. Длительность каждого видеофрагмента не превышала двух минут.

Испытуемым предлагалось определить эмоциональное состояние, спикеров, основываясь на просодических (высота голоса, сила голоса, темп, тембр, мелодический рисунок, ритм речи) и невербальных (мимика, жестикуляция, поза, дистанция между собеседниками) средствах коммуникации.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе исследования испытуемым предлагалось просматривать (столько раз, сколько им нужно) десять видеофрагментов с записью спикеров-политиков, на втором – десять видеофрагментов с записью спикеров – представителей из области культуры.

Результаты оценки поведения спикеров-политиков

В ходе анализа полученных данных было выявлено, что при двумодальном (зрительно-слуховом) восприятии невербальные и просодические характеристики задействованы в равной мере, дополняя вербальное сообщение и способствуя распознаванию эмотивной информации.

¹ Приводится по: www.dw-world.de; www.youtube.ru

Испытуемые не только адекватно оценили просодические средства (темп, высоту голоса, силу голоса, речевой ритм и т.д.), но и с высокой степенью точности декодировали невербальную информацию (100%).

В политическом дискурсе различия между двумя культурами Германии и Австрии стираются в силу того, что нормированная речь с соответствующей формой поведения обязательна при ведении переговоров и деловых встреч. Представители разных культур стараются не отклоняться от установленных норм, чтобы коммуникация была успешной.

Характеристика просодических средств голоса и речи спикеров-политиков представлены на рис. 25–28.

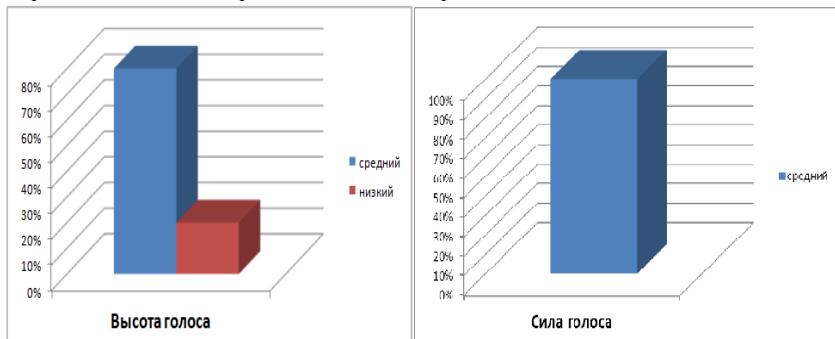
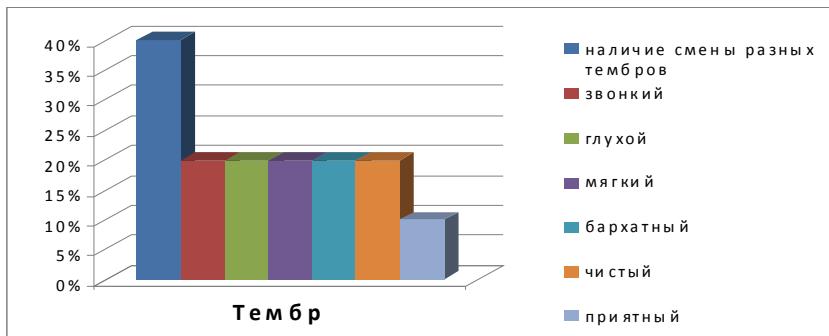

Рис. 25. Оценка высоты и силы голоса спикеров-политиков

**Рис. 26. Оценка тембральной окраски голоса
спикеров-политиков**

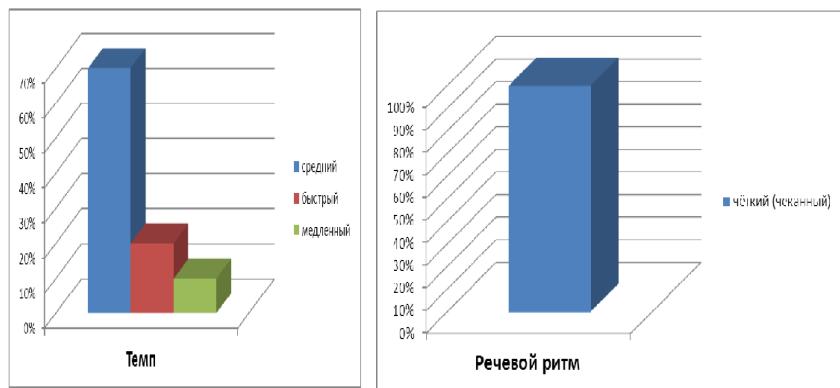

Рис. 27. Оценка речевого темпа и ритма спикеров-политиков

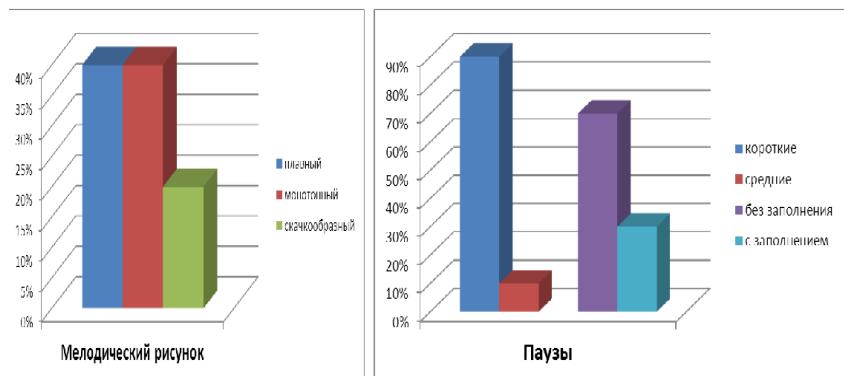

Рис. 28. Оценка мелодического рисунка речи и речевых пауз в речи спикеров-политиков

Характеристика невербалики спикеров-политиков представлена на рис. 29–30.

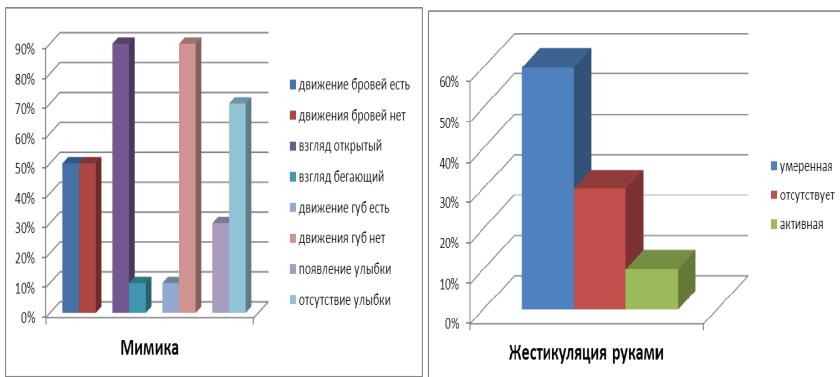

Рис. 29. Оценка мимики и жестикуляции спикеров-политиков

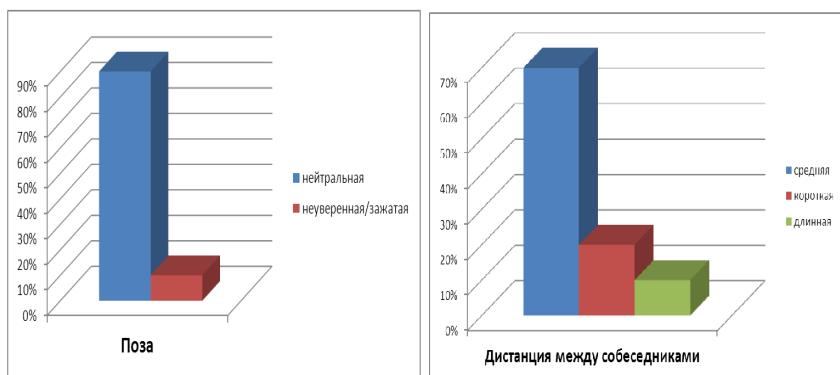

Рис. 30. Оценка поз и дистанции между собеседниками в поведении спикеров-политиков

Полученные результаты доказывают, что спикеры умеют применять нужные невербальные средства для достижения успешной коммуникации. Такие средства, как открытый, не бегающий взгляд, жест открытых ладоней, нейтральная поза, средняя дистанция необходимы в ходе коммуникативного акта публичного характера в рамках коммуникативной ситуации ток-шоу. Они сви-

действуют о том, что человек легко идет на контакт, открыт для общения и настроен на достижение своих целей.

Среди просодических средств можно выделить следующие: средняя сила голоса, средняя высота голоса, приятный, чистый, бархатистый, звонкий и мягкий тембр голоса, средний темп речи, короткие паузы и четкий речевой ритм. Все применяемые средства являются необходимыми. Эти данные показывают, что люди, занятые в политической сфере, имеют колossalный опыт ведения переговоров.

Эксперимент показал, что среди парalingвистических средств, которые помогают идентифицировать общий эмоциональный настрой интервью, невербальные средства превалируют над просодическими. Это объясняется тем, что люди, которые принимали участие в эксперименте и которые не изучали иностранный язык, в первую очередь стремятся обратить внимание не на просодические средства, а на невербальное поведение говорящего. В связи с этим можно предположить, что визуальное восприятие доминирует над акустическим, потому что велика доля ответов испытуемых, которые выбрали невербальные средства как основные средства, на которые они опирались при определении эмоционально-модального состояния спикеров, необходимые для определения общего настроя интервью.

Результаты оценки поведения спикеров – представителей из области культуры

Анализ полученных данных показал следующие результаты:

• оценка эмотивной информации не полностью совпадает, а именно, общий эмоциональный настрой интервью варьируется (нейтральный, доброжелательно-непринужденный, взволнованный);

• испытуемые с высокой точностью определили невербальные средства, в выявлении просодических средств возникли трудности, а именно, мелодический рисунок и тембр точно определить не удалось (это может быть обусловлено тем, что женские и мужские голоса отличаются и по-разному воспринимаются слушающими).

Результаты эксперимента показали, что эмоциональный настрой спикеров-женщин «считывался» лучше, чем эмоционально-модальный настрой спикеров-мужчин, т.е. их невербальные сообщения распознавались более точно теми испытуемыми, у которых способ передачи жестовых сообщений считался эталоном, хотя разница, в сущности, была не слишком велика. В целом женщины больше смотрели на партнера, больше улыбались. Они держались с адресатами на более коротких расстояниях, но не предпринимали попыток вторгнуться в их личную сферу, старались следить за своими позами и телодвижениями, предпочитая менее широкие, более сложные и более осознанные движения и жесты, чем мужчины. Речевые паузы у женщин чаще заполнялись вокальными и жестовыми элементами. Женщины проявляли больше эмоций и жестовых знаков, чем мужчины.

Высота голоса у австрийцев испытуемыми воспринималась как средняя и выше среднего, высота голоса немцев – как средняя и низкая с доминированием сильного голоса (рис. 31). Это подтверждает стереотип, что немцы говорят строже и резче.

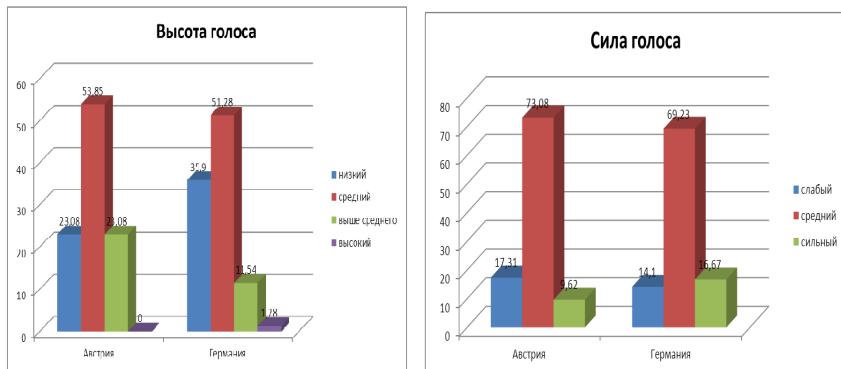

Рис. 31. Сопоставление оценки высоты и силы голоса спикеров из Австрии и из Германии

В восприятии испытуемых темп речи у немцев быстрее, чем у австрийцев, что может объясняться тем фактом, что немцы привыкли четко и кратко выражать свои мысли. Показателем этого также является наличие коротких пауз без заполнения. У австрийцев паузы оцениваются испытуемыми как средние по длительности.

сти с заполнением, что свидетельствует о том, что они более медлительны (рис. 32).

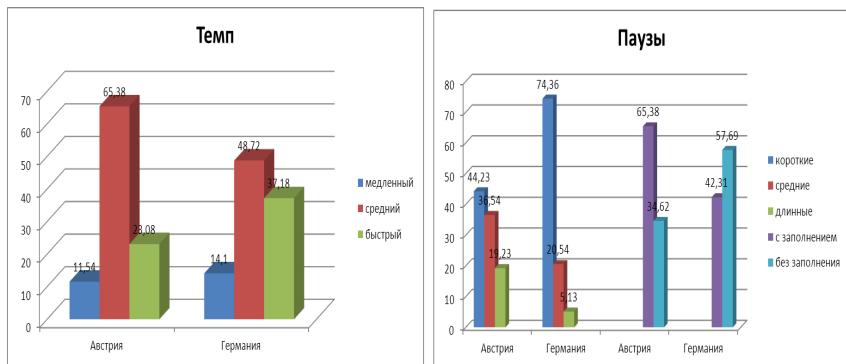

Рис. 32. Сопоставление оценки речевого темпа и пауз спикеров из Австрии и из Германии

Движение бровей у представителей обеих культур либо неподвижно, либо направлено вверх. Взгляд, по мнению испытуемых, в Австрии и Германии различен (то бегающий, то открытый) (рис. 33). Открытый взгляд – это показатель заинтересованности в разговоре и уважения к собеседнику. Бегающий взгляд может быть показателем волнения, страха, безразличия или незаинтересованности.

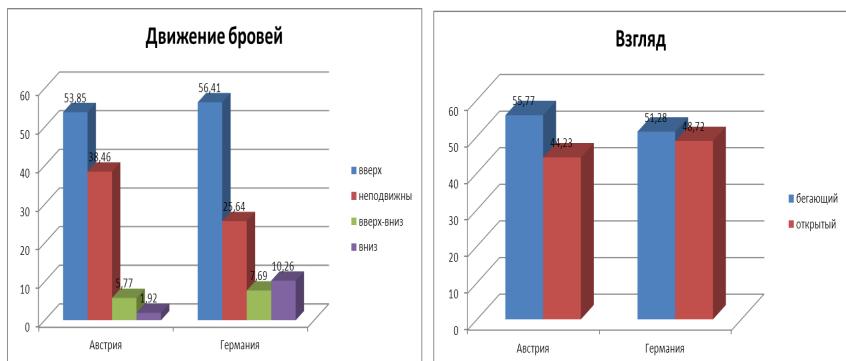

Рис. 33. Сопоставление оценки движения бровей и взгляда спикеров из Австрии и из Германии

По мнению испытуемых, австрийцы улыбаются больше, чем немцы. Это говорит о том, что австрийцы более открыты и доброжелательны (рис. 34).

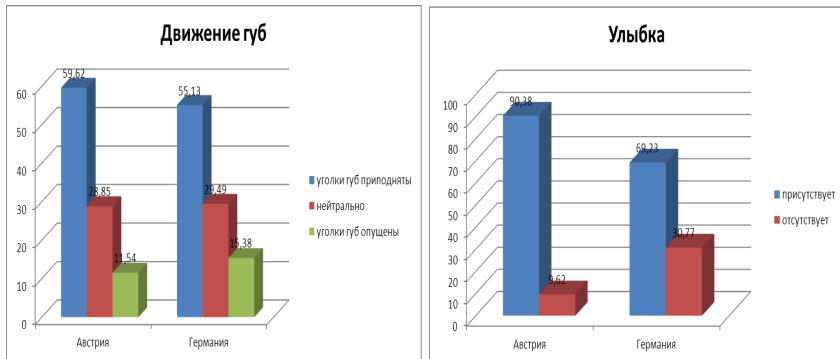

Рис. 34. Сопоставление оценки улыбки и движения губ спикеров из Австрии и из Германии

Жестикуляция руками у представителей австрийской культуры оценивается испытуемыми как более активная по сравнению с жестикуляцией представителей немецкой культуры. Тем самым можно сделать вывод, что австрийцы менее сдержаны и дают волю чувствам. Это также можно заметить по движению корпуса у австрийцев, оно более активное, чем у немцев (рис. 35).

Рис. 35. Сопоставление оценки жестикуляции и движения корпусом спикеров из Австрии и из Германии

Выводы

В ходе проведенного исследования было установлено, что в процессе межкультурной мультимодальной коммуникации восприятие речевого поведения представителей иноязычной культуры (при условии незнания реципиентами иностранного языка) базируется на паравербальной информации. При этом отмечается соотнесение перцептивного образа со стереотипом (речь немцев воспринимается как более строгая и резкая), а также наложение особенностей коммуникативной ситуации на речевое поведение говорящего (перцептивный образ спикера-политика вне зависимости от его принадлежности к немецкой или австрийской лингвокультуре реконструируется относительно в схожих паралингвистических параметрах).

2.5. Перцептивно-визуальный анализ английского речевого поведения представителями русской лингвокультуры¹

Испытуемые: 20 человек в возрасте от 19 до 26 лет, не имеющие проблем со слухом, носители русской лингвокультуры, владеющие английским языком на уровне intermediate.

Материал: испытуемым предлагалось проанализировать 20 видео-фрагментов – визуальный образ без возможности прослушивания звукового сопровождения. Участниками коммуникации на экране были носители американского и британского вариантов английского языка и представители соответствующих этносов.

Задание: опираясь лишь на визуальный образ, испытуемые должны были определить: 1) количество участников коммуникации, 2) тематическую специфику участников коммуникации, 3) общий эмоциональный настрой коммуникации, 4) средства неверbalного поведения, с помощью которых его можно описать, 5) этническую принадлежность участников коммуникации и обосновать свое решение.

Полученные результаты (по оценкам испытуемых) отражены в таблице 5–9 (используемые обозначения: БА – британский

¹ Активным участником проекта выступила А.П. Мазур.

Глава 2. К опыту субъективного декодирования мультимодальной мно- и полиэтнической коммуникации

вариант английского языка, АА – американский вариант английского языка).

Таблица 5

Определение общего эмоционального настроя участников коммуникации

	БА	БА	БА	БА	БА	АА	АА	АА	АА
Нейтральный	1					2,5			5,75
Радостно-непринужденный						5,25	1	2,5	4,5
Агрессивный			4,5	1,5	1	2,25		3	
Взволнованный	4,75		6,5	7,75	5,25	6,75		6,75	
Подавленный	4,25	1		3	3				2,5

Таблица 6

Определение активности ручной жестикуляции участников коммуникации

	БА	БА	БА	БА	БА	АА	АА	АА	АА
Отсутствует	0,5		1,75	3,75	3,75	3,5	3,5	4,5	1
Умеренная	2,5	4,5	5,75	4,75	0,75	3	0,75	0,5	6,75
Активная	4,75	1	1,5	2	1	3,5	1,75	0,5	5

Таблица 7

Определение близости объектов действия

	БА	БА	БА	БА	БА	АА	АА	АА	АА
Близкий контакт	5,75	4,75	0,75	4	5,75		5,75	5,75	1,5
Небольшая дистанция		3,75	4,75	3,5				3,75	5,75
Большая дистанция			2,5			5,75			

Таблица 8

Определение наиболее ярко выраженных невербальных характеристик

	БА	БА	БА	БА	БА	АА	АА	АА	АА
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Ручная жестикуляция				7,75	6,5	7		5,5	6,5
Лицевая мимика	3,5	2,5	9		2,5	5		2,5	5,25

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Прикосновение	3,75	6,75	3,5	6	2,75	2,5	3,75	3,75		
Движения головы	3	5							1	2
Движения глаз	2,5	1			1					
Проксемика						2	1,5			5
Движение губ			2,5						0	
Гаптика		1,5	1		5		1,5			
Телодвижения				1,5	1,5					

Таблица 9

Определение этнической принадлежности участников коммуникации

<i>№ видео-фрагмента</i>	<i>Лингво-культура</i>	<i>Правильно отв-тившие (%)</i>	<i>Обоснование</i>
1	2	3	4
1.	Британская	90	Сдержанность, вежливость, аристократичность
2.	Британская	70	Нежность, вежливость, простота движений
3.	Британская	10	Движение глаз, искренность, уравновешенность
4.	Британская	10	Жестикуляция, искренность
5.	Британская	90	Жестикуляция, проявление заботливости
6.	Американская	80	Внешний вид, активность движений
7.	Американская	90	Свобода движений, активная жестикуляция, раскованность
8.	Американская	90	Свободное поведение, активная жестикуляция
9.	Американская	10	Активность движений, настойчивость
10.	Американская	70	Активность движений
11.	Британская	80	Сдержанность, вежливость, аристократичность, спокойствие, мягкость, простота движений, искренность, малая степень жестикуляции, движение глаз, уравновешенность, проявление заботы, галантность
12.	Британская	65	
13.	Британская	80	
14.	Британская	65	
15.	Британская	60	

Глава 2. К опыту субъективного декодирования мультимодальной моно- и полиглоссической коммуникации

1	2	3	4
16.	Американская	95	
17.	Американская	90	
18.	Американская	90	
19.	Американская	85	
20.	Американская	60	Внешний вид, активность движений, свобода движений, активная жестикуляция, раскованность, открытость, эмоциональность, настойчивость, связность, свободное поведение

Выводы

Невербальное поведение актеров, которое сопровождалось эмоциональностью и явно считывалось (например, если у актера была активная жестикуляция, резкие движения головой, подвижная мимика), испытуемые чаще атрибутировали американцев. Испытуемые основывались на следующих параметрах: внешний вид, активность движений, свобода движений, активная жестикуляция, раскованность, открытость, связность, свободное поведение, эмоциональность, настойчивость.

Поведение коммуникантов, отличающееся малым количеством телодвижений, невыраженной мимикой и жестикуляцией, испытуемые характеризовали как признак британской лингвокультуры. Чем проще и незатейливее было невербальное поведение актеров, тем с большей вероятностью испытуемые относили его к англичанам.

При атрибуции британской лингвокультуры испытуемые основывались на следующих параметрах:держанность, вежливость, мягкость, проявление заботы, аристократичность, галантность, спокойствие, уравновешенность, простота движений, искренность, малая степень жестикуляции.

2.6. Реципрокная оценка эмоций по невербальному поведению иноязычных коммуникантов (представители США и России)¹

Методика исследования

С конца XX в. в центре внимания лингвистов, культурологов и лингвокультурологов находится проблема взаимодействия язы-

¹ Активным участником проекта выступила Е.А. Цалиева.

ков и культур в рамках того или иного ареала, того или иного социума. При этом повышенным интересом характеризуется область изучения механизмов проявления особенностей менталитета в специфике взаимодействия вербальных и невербальных (пара- и экстралингвистических) средств в ходе реализации различных коммуникативных целей в рамках межличностной коммуникации. «Коммуникативное поведение индивидуумов находится в прямой зависимости от специфики национальной культуры в целом, этнопсихологии коммуникантов, характера взаимодействия языковых и неязыковых средств и т.п.» [Потапова, Потапов, 2008].

В описываемом исследовании в качестве испытуемых принимали участие англоговорящие испытуемые ($n = 3$), а также испытуемые с высоким знанием английского языка (не ниже intermediate) ($n = 31$) в возрасте от 21 до 27 лет (см. табл. 10).

Таблица 10

Характеристика группы испытуемых

Всего	Лингвокультура			Возраст
	русская		американская	
	женщины	мужчины	мужчины	
	14	2	0	
	11	1	0	22
	2	0	1	23
	0	0	1	25
	1	0	0	26
	0	0	1	27
	28	3	3	

В качестве *материала* для исследования было отобрано семь кинофильмов производства Великобритании и США (см. табл. 11).

Таблица 11

Характеристики изучаемого материала

<i>Название к/ф (год выпуска)</i>	<i>Страна-про- изводитель</i>	<i>Слоган, описание сюжетной линии</i>
4.3.2.1 (2010)	Велико- britания	«4 подруги, 3 дня, 2 города, 1 шанс...» В то время как Джоанн приходится работать в супермаркете, остальные поглощены

Глава 2. К опыту субъективного декодирования мультимодальной мно- и полиэтнической коммуникации

		своими приключениями: Кассандра стремится в Нью-Йорк, чтобы встретиться с другом из Интернета; Кэррис борется за права женщин, а Шэннон направляется на встречу с отцом. Но сама судьба сталкивает их отдельные миры и друг друга. У четырех девушек всего три дня, которые они никогда не забудут и два города, которые они посетят, т.е.... если они выживут
Glorious 39 (2009)	Велико- британия	1939 г., Англия. Идеальная на первый взгляд жизнь Анны Кийес начинает рушиться, когда она случайно находит тайные записи, свидетельствующие о зреющей между странами Второй мировой войне. Стارаясь определить природу этих записей, Анна начинает распутывать дело, которое в итоге приведет ее к непоправимым последствиям ¹
This is England (2006)	Велико британия	История летних каникул, тянувшихся не одну неделю между семестрами, когда могут происходить события, меняющие жизнь на всегда. На дворе 1983 г., и занятия в школе недавно закончились. 12-летний Шон – одинокий мальчишка, живущий в унылом прибрежном городке, отец которого несколько месяцев назад погиб в Фолклендской войне. Во время летних каникул Шон находит подходящий образец для подражания, когда компания местных скинхедов-подростков принимает его. Со своими новыми друзьями он открывает мир вечеринок, первой любви и стильной обуви. Здесь Шон встречает Комбо, более старшего, чем все они, скинхеда-расиста, только недавно вышедшего из тюрьмы. Пока группа под началом Комбо проводит время, издеваясь над местными представителями этнических меньшинств, приближается обряд посвящения Шона, который будет означать для него прощание с детской чистотой и невинностью и незабываемый жизненный опыт ²

¹ Приводится по kinopoisk.ru

² Приводится по kinopoisk.ru

Step up 3 (2010)	США	Некоторые учатся танцевать, другие рождаются для этого. Люк ищет танцоров для своей команды «Пираты». В конце концов, ему встречаются Лось, поступивший в Нью-Йоркский университет, и Натали, загадочная танцовщица, которая никогда не проигрывает. Смогут ли они превзойти лучших мировых танцоров?
Supernatural (2010, сезон 6, эпизод 7 – Family Matters)	США	Сериал рассказывает о приключениях братьев Сэма и Дина Винчестеров, которые путешествуют по Соединенным штатам на черном автомобиле Chevrolet Impala 1967 г., расследуют паранормальные явления, многие из которых основаны на американских городских легендах и фольклоре, и сражаются с порождениями зла, такими как демоны и призраки
The Prestige (2006)	США, Великобритания	Роберт и Альфред – фокусники-иллюзионисты, которые на рубеже XIX и XX вв. соперничали друг с другом в Лондоне. С годами их дружеская конкуренция на профессиональной почве перерастает в настоящую войну. Они готовы на все, чтобы выведать друг у друга секреты фантастических трюков и сорвать их исполнение. Непримиримая вражда, вспыхнувшая между ними, начинает угрожать жизни окружающих их людей...

Отбор стимульного материала из кинофильмов проводился в соответствии со следующими критериями [Цалиева, 2013]:

– видеофрагменты не должны были содержать коммуникативные акты, в которых участвовали дети (этот критерий учитывался на основании того, что такая возрастная группа по-другому воспринимает и интерпретирует эмоции, они обладают своими особенностями эмоционального восприятия и передачи, характерным для детей является недостаточное умение управлять своими чувствами, сдерживать или не показывать их);

– в качестве жанра видеофрагмента должны были выступать диалоги;

- длительность видеофрагмента не превышала трех минут (сохраняется концентрация и не снижается внимание испытуемых);
- видеофрагменты содержали не одно конкретное проявление какой-либо эмоции, а несколько таких проявлений, чтобы получить наиболее интересную и красочную картину;
- в диалогах участвовали мужчина и женщина.

Исследование состояло из двух этапов: перцептивно-слухового анализа и перцептивно-зрительного анализа десяти отобранных видеофрагментов.

На первом этапе испытуемым предлагалось прослушать звуковые дорожки без визуальной опоры и определить 1) общий эмоциональный настрой каждого из говорящих (нейтральный, доброжелательно-непринужденный, взволнованный, подавленный, печальный, напряженный, агрессивный, другой), 2) средства, с помощью которых можно описать указанный общий эмоциональный настрой (мелодика, темп речи, речевой ритм, громкость голоса, окраска голоса, паузация).

На втором этапе испытуемые работали с теми же видеофрагментами, но по зрительному каналу без аудиосопровождения. В данном случае среди доступных средств были – мимика (лицевая мимика, выражение глаз) и жестикуляция (активная, умеренная, отсутствие жестикуляции), движения корпуса (имеются, отсутствуют).

Испытуемые могли прослушать и просмотреть фрагменты неограниченное число раз.

Результаты

Распределение оценок ведущего эмоционального настроя коммуникантов на основе слухового восприятия, данных испытуемыми – носителями американской лингвокультуры, представлено на рис. 36–42.

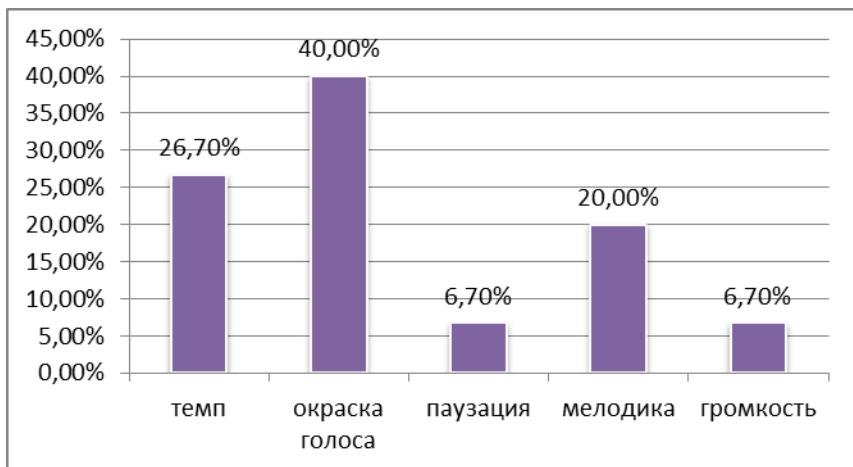

Рис. 36. Нейтральный эмоциональный настрой

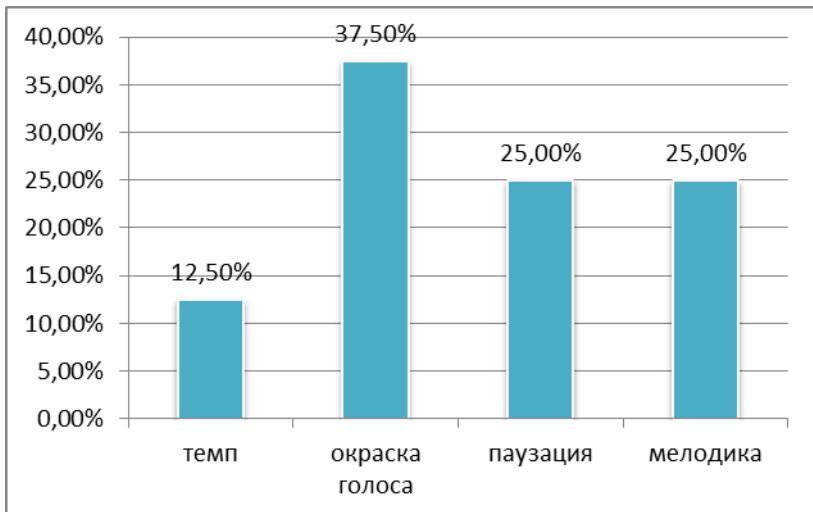

Рис. 37. Доброжелательно-непринужденный эмоциональный настрой

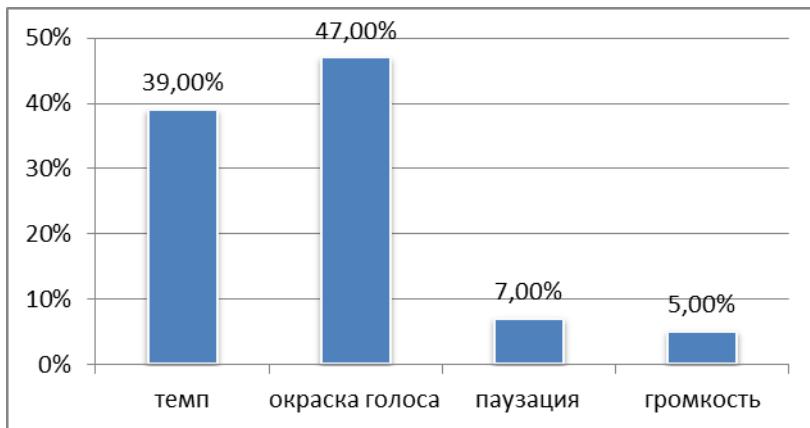

Рис. 38. Взволнованный эмоциональный настрой

Рис. 39. Подавленный эмоциональный настрой

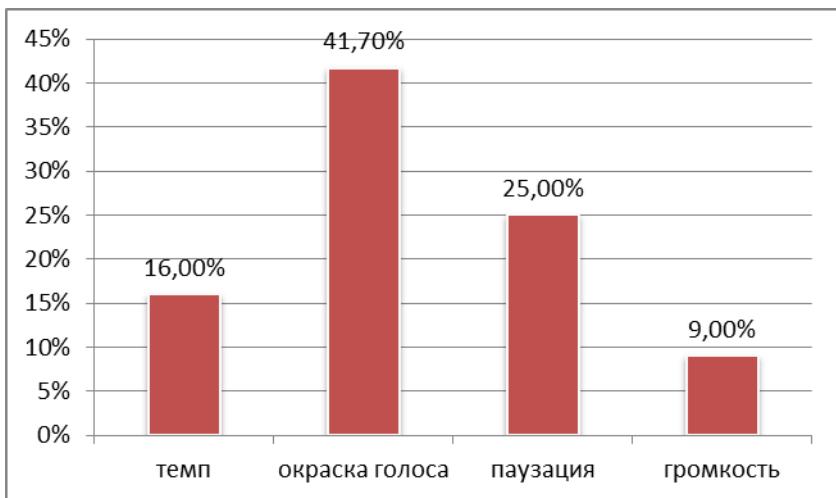

Рис. 40. Печальный эмоциональный настрой

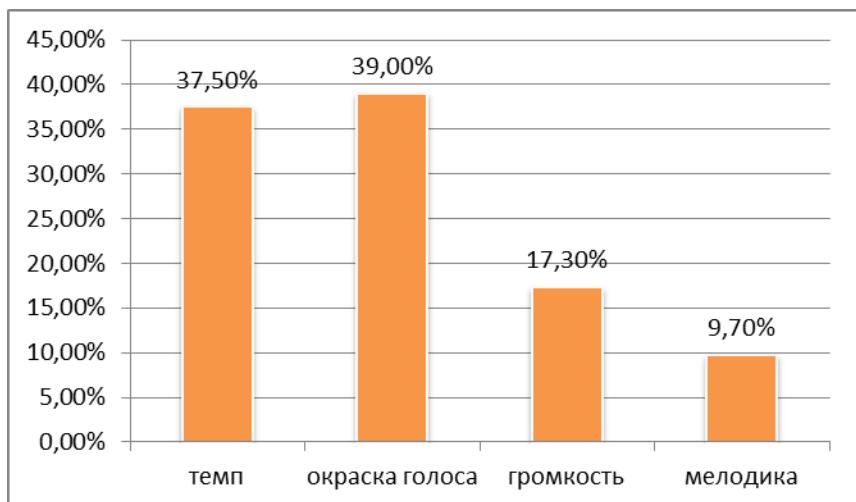

Рис. 41. Напряженный эмоциональный настрой

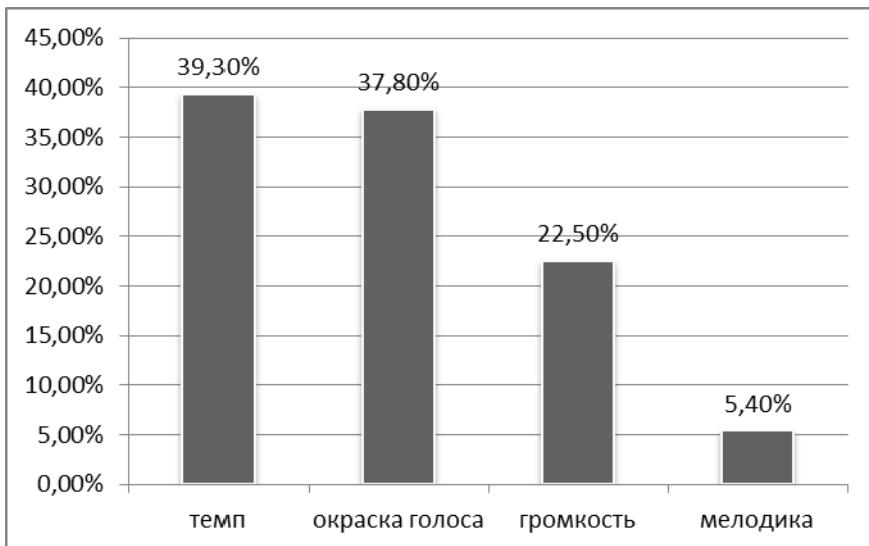

Рис. 42. Агрессивный эмоциональный настрой

Распределение оценок ведущего эмоционального настроя коммуникантов на основе зрительного восприятия, данных испытуемыми – носителями американской лингвокультуры – представлено на рис. 43–49.

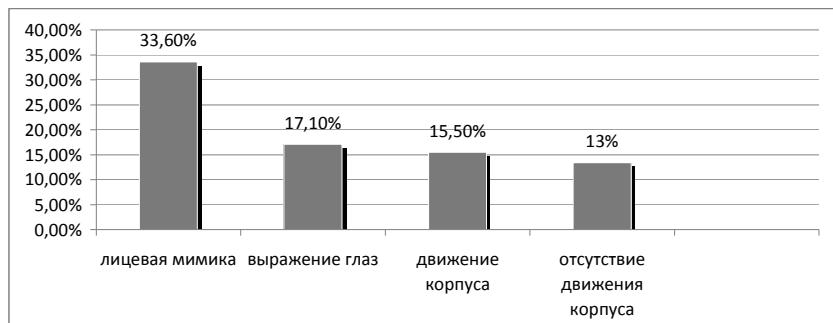

Рис. 43. Нейтральный эмоциональный настрой

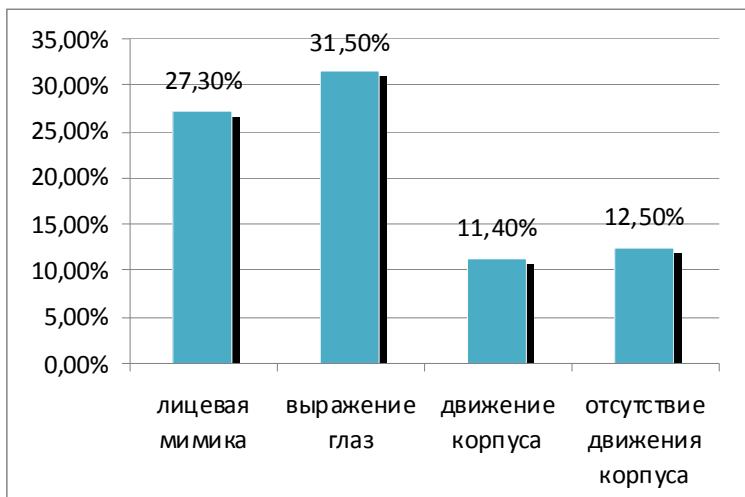

Рис. 44. Доброжелательно-непринужденный эмоциональный настрой

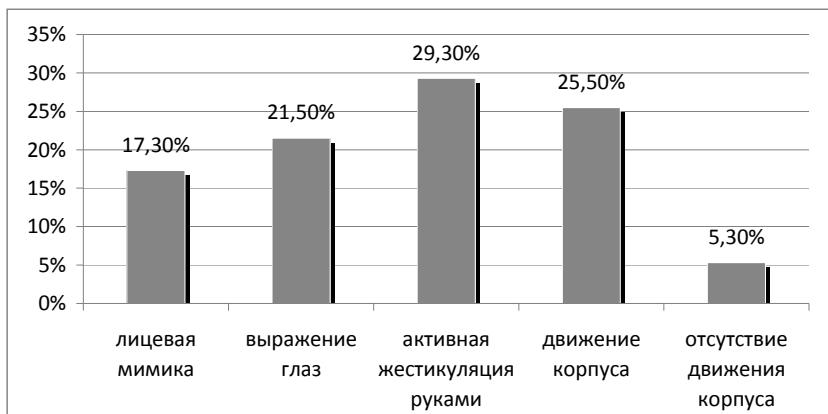

Рис. 45. Взволнованный эмоциональный настрой

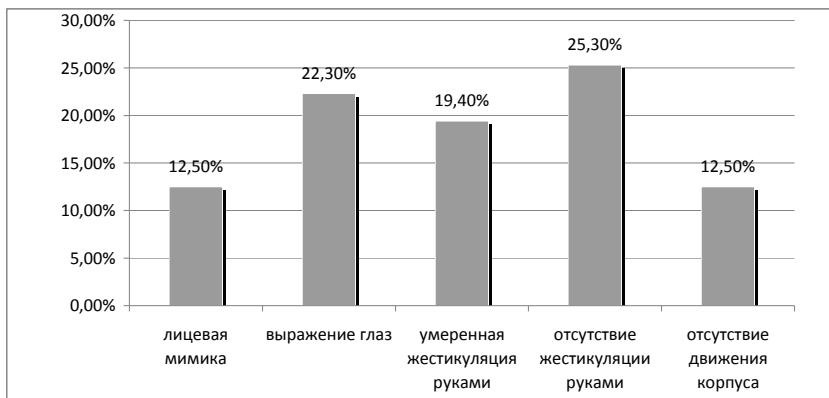

Рис. 46. Подавленный эмоциональный настрой

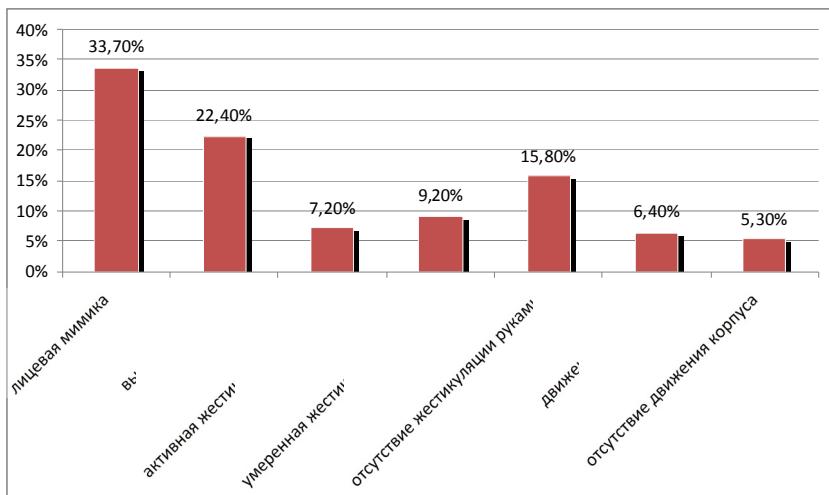

Рис. 47. Печальный эмоциональный настрой

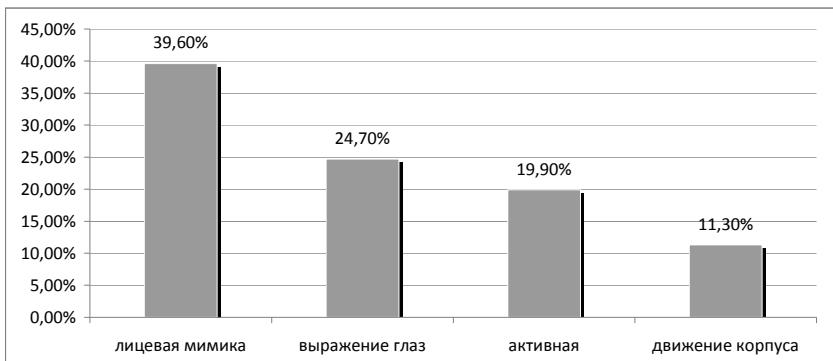

Рис. 48. Напряженный эмоциональный настрой

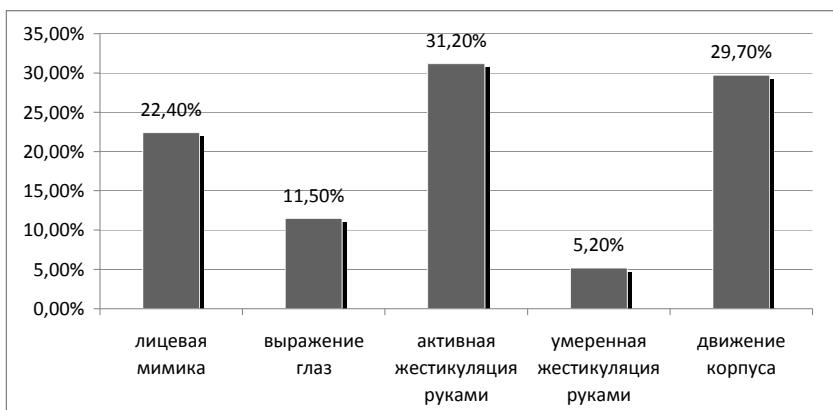

Рис. 49. Агрессивный эмоциональный настрой

Распределение оценок ведущего эмоционального настроя коммуникантов на основе слухового восприятия, данных испытуемыми – носителями русской лингвокультуры, – представлено на рис. 50–56.

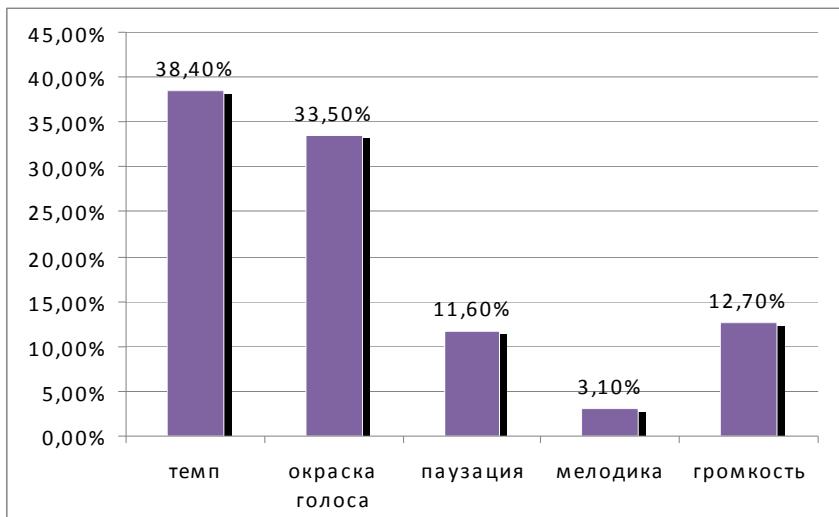
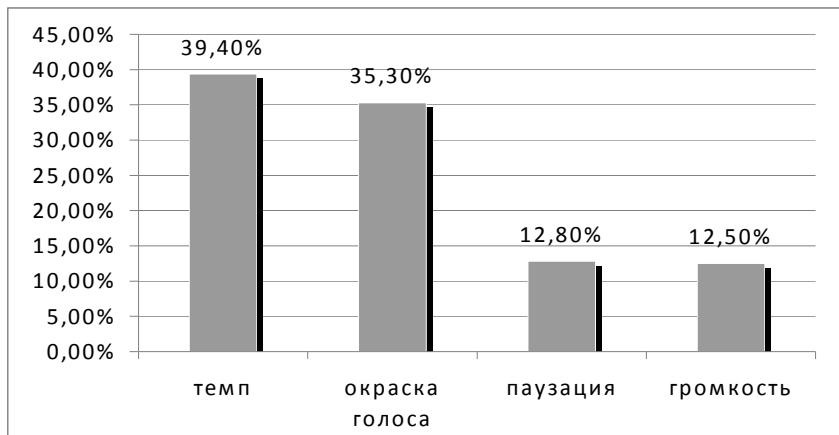

Рис. 50. Нейтральный эмоциональный настрой

**Рис. 51. Доброжелательно-непринужденный
эмоциональный настрой**

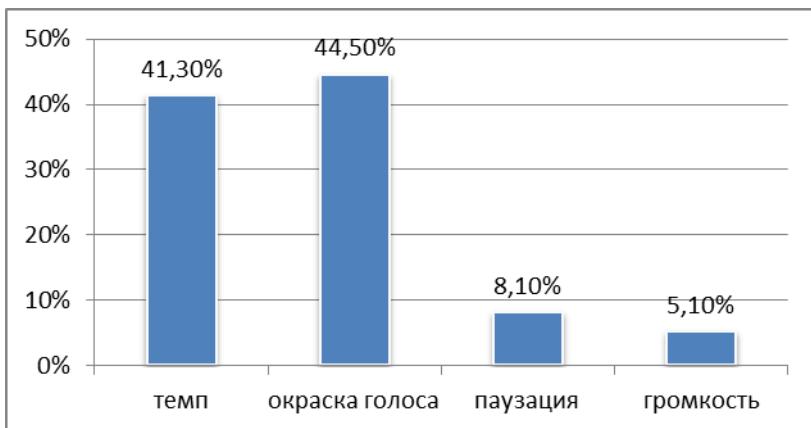

Рис. 52. Взволнованный эмоциональный настрой

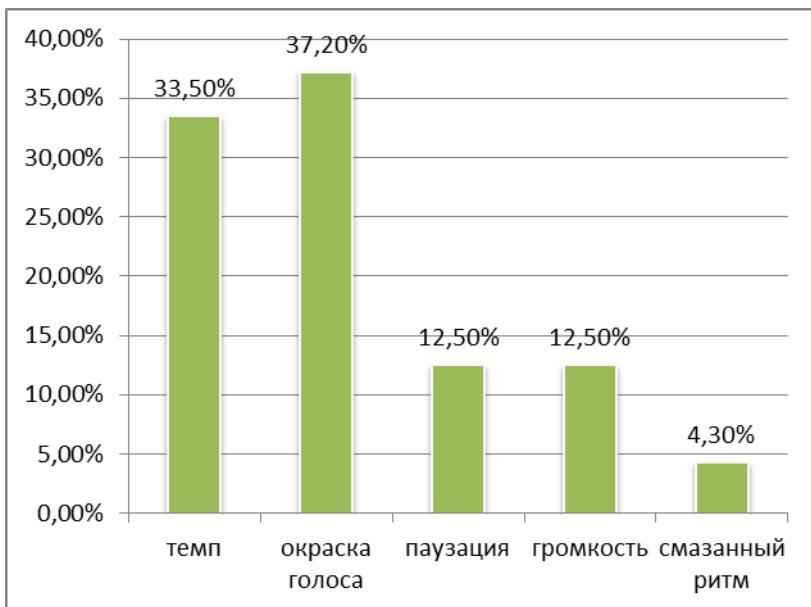

Рис. 53. Подавленный эмоциональный настрой

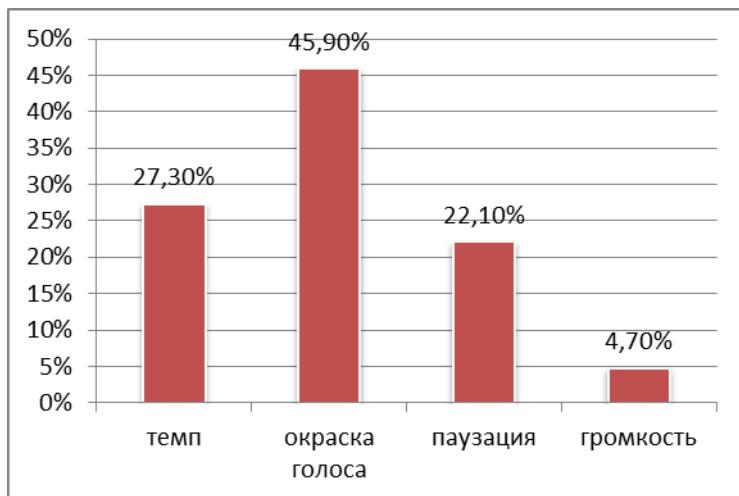

Рис. 54. Печальный эмоциональный настрой

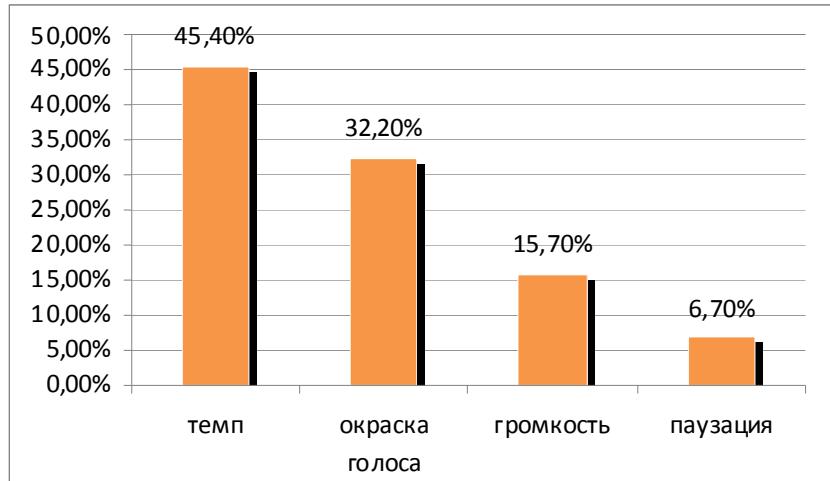

Рис. 55. Напряженный эмоциональный настрой

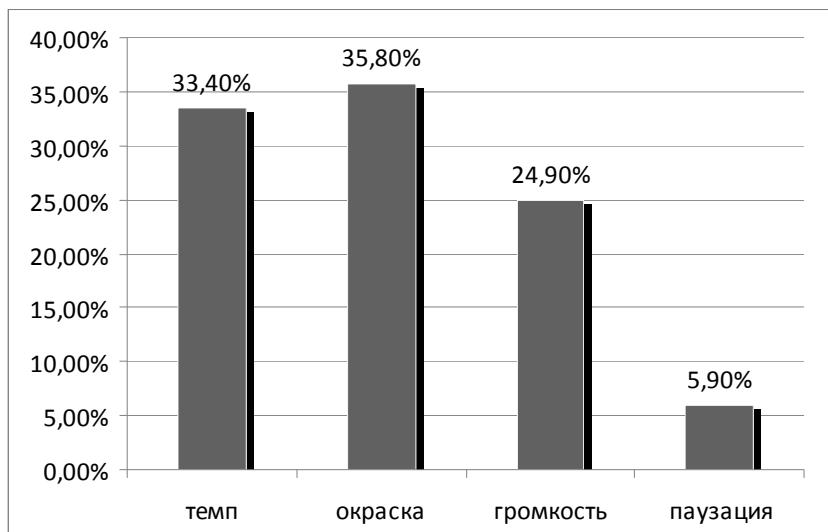
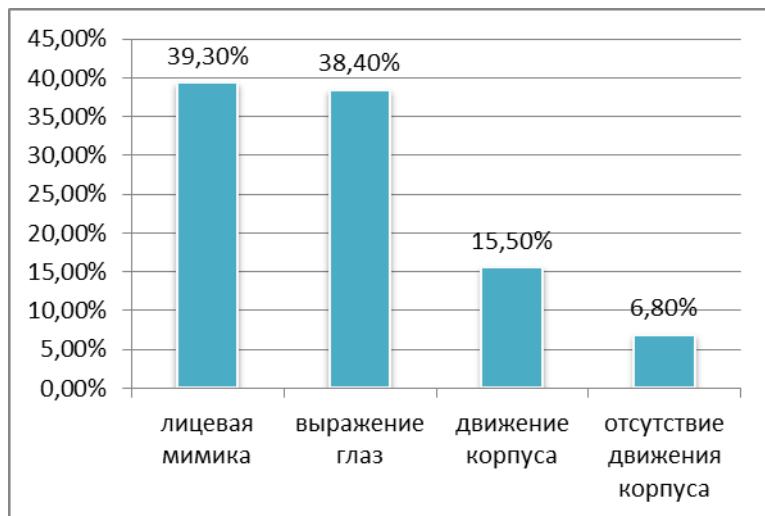

Рис. 56. Агрессивный эмоциональный настрой

Распределение оценок ведущего эмоционального настроя коммуникантов на основе зрительного восприятия, данных испытуемыми – носителями русской лингвокультуры, – представлено на рис. 57–63.

Рис. 57. Нейтральный эмоциональный настрой

**Рис. 58. Доброжелательно-непринужденный
эмоциональный настрой**

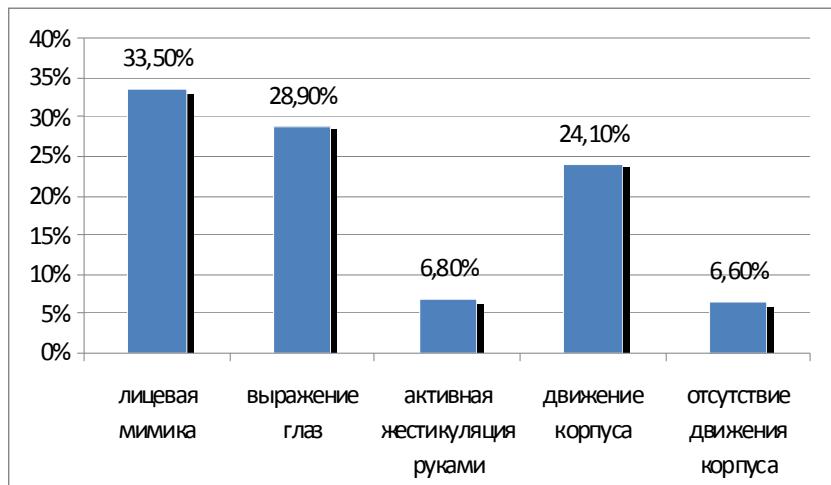

Рис. 59. Взволнованный эмоциональный настрой

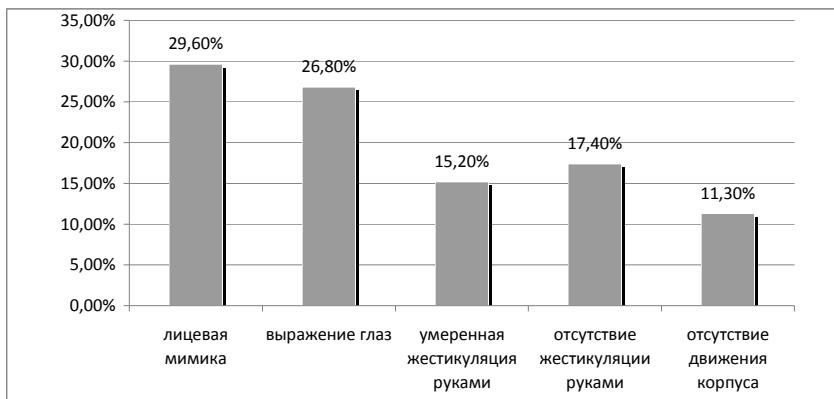

Рис. 60. Подавленный эмоциональный настрой

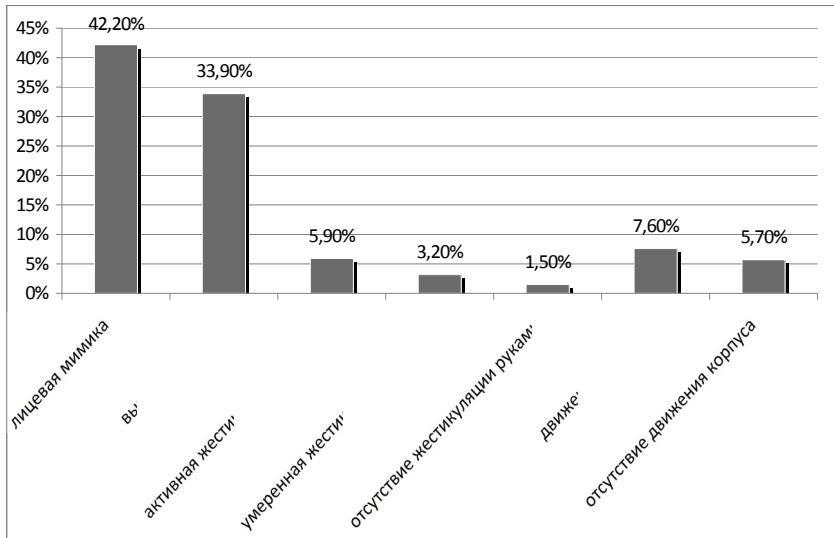

Рис. 61. Печальный эмоциональный настрой

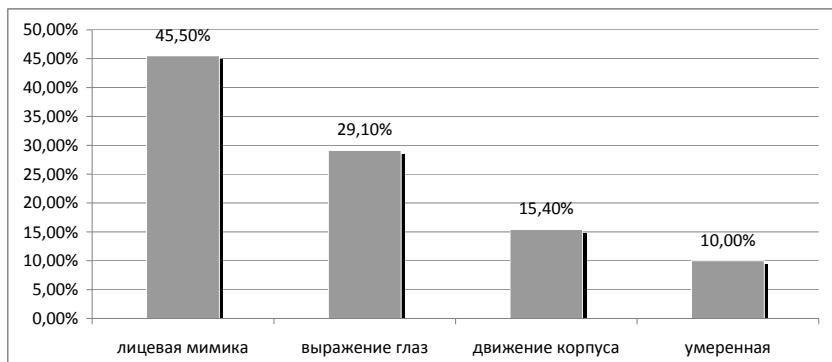

Рис. 62. Напряженный эмоциональный настрой

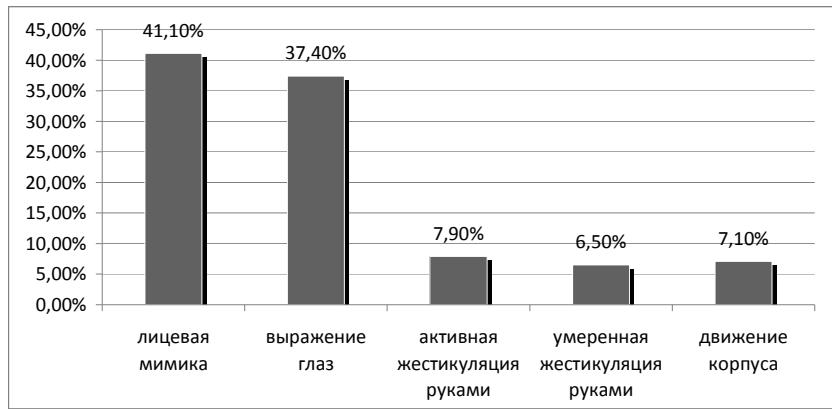

Рис. 63. Агрессивный эмоциональный настрой

Выводы

На основе анализа полученных результатов можно сделать следующие выводы.

При анализе звучащей речи англоговорящие испытуемые склонны обращать внимание (в большей степени) на следующие невербальные средства межличностного общения: темп речи, окраска голоса и мелодика. Остальные средства невербалики они отмечают лишь в отдельных случаях или для определения каких-то конкретных состояний (например, они отметили паузацию в определении доброжелательно-непринужденного и печального эмоционально-модальных состояний, громкость – при агрессии).

При анализе ответов, направленных на выявление тех невербальных средств, которые связаны с мимикой и жестами, наиболее распространенными оказалась лицевая мимика, движение корпуса (или его отсутствие) и жестикуляция руками. Здесь можно говорить о том, что англоговорящие испытуемые в равной степени отмечают все перечисленные средства невербального общения, относящиеся к мимике и жестам.

Русскоговорящие испытуемые со знанием английского языка при анализе звучащей речи в качестве наиболее частотных средств отмечают темп речи, окраску голоса, паузацию и громкость.

При анализе полученных ответов при просмотре видеофрагмента без звукового сопровождения русскоговорящие испытуемые в большей степени отмечали следующие невербальные средства: лицевую мимику и выражение глаз, в некоторых случаях они отмечали жестикуляцию руками и движение корпуса.

2.7. Реципрокная оценка эмоций по неверbalному поведению иноязычных коммуникантов (представители США и Китая)¹

В центре внимания вопрос о наборе параметров невербальной коммуникации, релевантных при определении эмоционального состояния собеседника – представителя иноязычной культуры.

¹ Активным участником проекта выступила А.И. Кривич.

Методика исследования

В качестве *испытуемых* привлекались студенты факультета обучения иностранных граждан Московского государственного лингвистического университета (см. табл. 12).

Таблица 12

Характеристика группы испытуемых

Кол-во	Лингвокуль- тура	Гендер	Возраст (лет)	Места проживания	Знание иц. языков
3	Американская	Мужчи- ны	23, 25 и 27	США, штаты Айова и Оклахома	Русский
6	Китайская	Женщи- ны	22–23	Китай, провинции Гуандун и Сычуань	Русский, английский

В качестве *материала* для исследования были отобраны десять видеофрагментов из недублированных художественных фильмов, произведенных в США, и десять фрагментов из недублированных художественных фильмов, произведенных в Китае (см. табл. 13). Длительность каждого фрагмента в среднем составляла 1–1,5 мин., общей длительностью для американских фрагментов 11 минут 45 секунд, для китайских фильмов – 16 минут.

Таблица 13

Характеристика материала исследования

Название, год выпуска	Страна происхождения
The Devil Wears Prada (2006)	США
Mamma Mia! (2008)	
Valentine's Day (2010)	
Under the Hawthorn Tree / 山楂树之恋 (2010)	Китай
Aftershock / 唐山大地震 (2010)	
Color Me Love / 爱出色 (2010)	

Стимульный материал представляет собой диалоги между двумя мужчинами, между двумя женщинами и между мужчиной и женщиной. Подбирались такие фрагменты, чтобы в них были ярко выражены эмоции коммуникантов при общении друг с другом, начиная с нейтрального эмоционального настроя и заканчивая

сильно выраженными отрицательными и положительными эмоциями. В каждом фрагменте каждый коммуникант мог проявлять больше одной эмоции. При выражении этих эмоций участники коммуникации прибегали к использованию многочисленных невербальных средств, среди которых как интонационные средства, так и элементы мимики, языка жестов, проксемики.

Эксперимент проводился в два этапа: сначала с участием испытуемых из Китая, а затем с участием испытуемых из США.

Эксперимент с каждой группой испытуемых был поделен на четыре части. Сначала проводился перцептивно-слуховой анализ фрагментов из американских фильмов, затем перцептивно-зрительный анализ тех же самых фрагментов из американских фильмов, третья часть эксперимента представляла собой перцептивно-слуховой анализ фрагментов из китайских фильмов, и в качестве заключительного этапа был проведен перцептивно-зрительный анализ десяти видеофрагментов из китайских фильмов. Во время проведения эксперимента каждый испытуемый работал индивидуально.

При проведении перцептивно-слухового анализа испытуемым было предложено прослушать аудио из отобранных видеофрагментов, но без зрительного сопровождения и определить общий эмоциональный настрой участников коммуникации (в анкете были представлены пять кластеров эмоций: нейтральный, добро-желательно-непринужденный, взволнованный (напряженный), давленный (печальный) и агрессивный эмоциональный настрой), а также определить те интонационные средства, которые, по мнению испытуемых, помогают им определить эти эмоции.

При проведении перцептивно-зрительного анализа испытуемые просматривали видео из тех же видеофрагментов, но уже без звукового сопровождения, им необходимо было определить эмоциональный настрой участников коммуникации и элементы мимики, кинесики, проксемики, которые, по их мнению, являлись релевантными для определения отмеченных эмоций.

Количество раз, которое испытуемым было разрешено прослушать или просмотреть фрагменты видео, было неограниченно. Было также разрешено помечать столько эмоциональных состояний говорящего и столько характеристик, сколько испытуемые считали нужным.

Результаты перцептивно-слухового анализа материала на американском варианте английского языка

Для китайских испытуемых релевантными характеристиками, играющими ведущую роль при опознавании ими любого эмоционального настроя, являются громкость и окраска голоса (37,8% и 35,6 соответственно для нейтрального эмоционального настроя, по 35,5 – для подавленного, 34,5 и 24,1% для взволнованного). Однако при идентификации доброжелательно-непринужденного эмоционального настроя испытуемые считали важной мелодику речи (24,2%), также при оценке данного эмоционального настроя присутствует параметр «четкий ритмический рисунок» (5,6%), который не наблюдается в ответах американских испытуемых. Интересным представляется результат по распознаванию агрессии: во всех случаях все испытуемые отмечали окраску голоса в качестве характеристики, влияющей на их восприятие.

Что касается распознавания эмоций тех же самых фрагментов при перцептивно-слуховом анализе американскими испытуемыми, то здесь наблюдаются некоторые различия. Так, по мнению американских испытуемых, основной интонационной характеристикой для определения эмоций коммуниканта является темп (30% и выше для каждого эмоционального настроя, 45,5% при идентификации агрессии). Однако, например, при распознавании нейтрального, доброжелательно-непринужденного, печального и взволнованного эмоциональных настроев, в качестве релевантных расцениваются параметры паузации и окраски голоса, а при распознавании агрессии и печали – параметр громкости (27,2 и 21,7% соответственно). Окраска голоса при идентификации агрессии и мелодика при определении доброжелательно-непринужденного настроя не были восприняты американскими испытуемыми настолько важными характеристиками для распознавания данных эмоций по сравнению с китайскими испытуемыми. Говоря о параметре мелодики, необходимо отметить, что обе группы испытуемых указывают его в качестве релевантного, хотя и в разных степенях при определении доброжелательно-непринужденного, печального и взволнованного эмоциональных настроев.

Заметно, что американские испытуемые больше внимания обращают на параметр паузации при идентификации эмоций, в то

время как для китайских испытуемых, если они и обращают на него внимание, то он играет незначительную роль (менее 6,9%).

Результаты перцептивно-слухового анализа материала на китайском языке

Для определения эмоций в коммуникации, осуществляющейся на китайском языке, китайские испытуемые в большей степени руководствовались окраской голоса (40% и выше, 56,2 – для нейтрального настроя и 53,8% для агрессии). Влияние параметра громкости уменьшилось, однако все равно было значительным (21,8% для нейтрального, 28,8 – для взволнованного и 23,1% для агрессивного эмоциональных настроев). Релевантность при определении печали и агрессии приобрел параметр темпа речи (21,1 и 23,1%, соответственно). Мелодика продолжала играть большую роль при идентификации испытуемыми доброжелательно-непринужденного эмоционального настроя (21,2%).

При оценке аудио из фрагментов китайских кинофильмов американские испытуемые руководствовались параметром «темп речи» для определения эмоций коммуникантов (в среднем 30%). Однако заметно увеличилась роль параметра «громкость голоса», что особенно заметно при восприятии испытуемыми агрессии (42,6%), нейтрального эмоционального настроя (30%), в то время как при идентификации нейтрального эмоционального настроя участников коммуникации в американских кинофильмах параметр громкости у американских испытуемых составлял только 7,7%. Если сравнивать оценки американских испытуемых по параметру «четкий ритмический рисунок», то можно заметить, что при идентификации эмоций в американских кинофильмах он хоть и в незначительной степени, но был важен (15,4% для нейтрального, 5,6 – для доброжелательно-непринужденного и 6,7% для взволнованного эмоционального настроя), а при восприятии фрагментов из китайских кинофильмов он оказывается релевантным только для определения печали (6%).

Интересно посмотреть на то, какие интонационные параметры и в какой степени помогали американским и китайским испытуемым идентифицировать доброжелательно-непринужденный эмоциональный настрой (рис. 64–65). Здесь можно наблюдать

почти зеркальное отображение степени релевантности одних и тех же параметров (за исключением четкого ритмического рисунка, отмеченного китайцами).

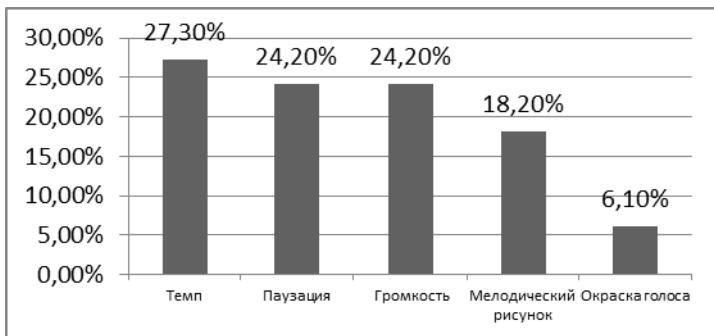

Рис. 64. Распределение интонационных средств при определении доброжелательно-непринужденного эмоционального настроя по аудио на китайском языке американскими испытуемыми

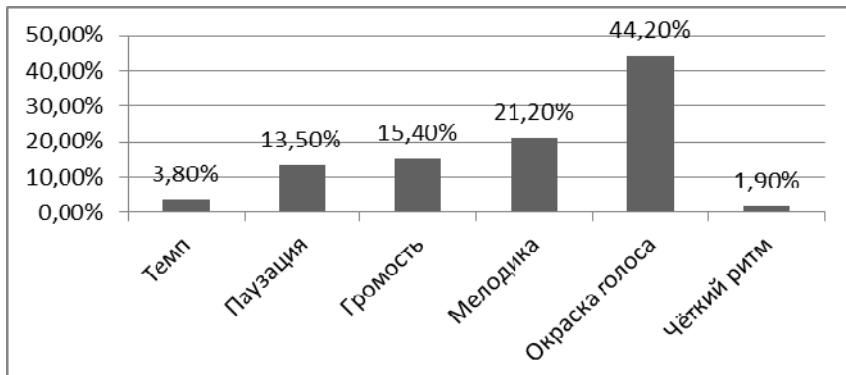

Рис. 65. Распределение интонационных средств при определении доброжелательно-непринужденного эмоционального настроя по аудио на китайском языке китайскими испытуемыми

Еще одним любопытным наблюдением можно считать и тот факт, что при идентификации нейтрального эмоционального настроя у американцев доля темпа речи составляет 37,5%, а у китайцев – всего 3,1, в то время как для параметра «окраска голоса»

можно заметить совершенно противоположную тенденцию: у китайцев – 56,2, а у американцев 12,5%.

При определении агрессии китайские испытуемые по сравнению с американскими считают важным еще один параметр, помимо темпа речи, громкости и окраски голоса, а именно параметр «паузация» (12,7%).

Если посмотреть на общую картину распределения интонационных средств при идентификации эмоций китайскими и американскими испытуемыми, то больше разнообразия в этом распределении можно наблюдать при определении ими эмоционального настроя представителей своей культуры. Однако при изучении результатов необходимо учитывать языковые способности испытуемых: по нашему мнению, все-таки преждевременно говорить об истинности и точности тех средств, которые были отмечены, например, американскими испытуемыми при прослушивании аудио из фрагментов американских кинофильмов, так как здесь нужно учитывать знание ими языка и тот факт, что об эмоциях коммуникантов они могли догадаться также, используя подсказки их вербального поведения, т.е. тексты самих диалогов. То же самое можно сказать и о китайских испытуемых, но в данном случае уже применительно к аудио из фрагментов как китайских, так и американских кинофильмов.

Результаты перцептивно-зрительного анализа материала на американском варианте английского языка

По данным перцептивно-зрительного анализа видео из фрагментов американских кинофильмов китайскими испытуемыми, можно сделать вывод, что при идентификации всех эмоциональных настроев, представленных в анкете, испытуемые руководствовались, главным образом, лицевой мимикой коммуникантов (более 30%). Это вполне согласуется с принципом, который был провозглашен еще Ч. Дарвином, об универсальности выражения эмоций ни лице человека. Данная группа испытуемых отметила релевантным параметром для того, чтобы распознать дружелюбно-непринужденный эмоциональный настрой, также улыбку (31,3%), что является, на наш взгляд, вполне предсказуемым результатом, так как в работах многих авторов указывается, что искренняя

улыбка / смех – это универсальный показатель того, что человек настроен дружелюбно по отношению к своему собеседнику [Доброда, 2010, с. 3–10; Пиз, 2010, с. 80–107; Мантеагаца, 2011, с. 143–156]. Для определения нейтрального, печального и агрессивного эмоциональных настроев испытуемые руководствовались выражением глаз участников коммуникации (21,6%, 13,2 и 25%, соответственно). При идентификации агрессии, взволнованного, нейтрального и доброжелательно-непринужденного эмоциональных настроев большую роль играла жестикуляция собеседников (25%, 21, 13 и 13,5%, соответственно, для печали только 9,4%). Эти результаты тоже вполне понятны, так как активная жестикуляция, по результатам многих исследований, сопровождает проявление сильных эмоций, которые в данном случае реализуются в форме агрессии и в виде взволнованности. Для нейтрального и доброжелательно-непринужденного эмоциональных настроев характерна умеренная жестикуляция, в то время как при проявлении печали люди редко прибегают к движениям рук и корпуса. Что заметно по результатам: для параметра «отсутствие движения корпуса» для печального эмоционального настроя – 9,4%. В отношении проксемики наблюдается тенденция к увеличению дистанции между собеседниками – 13,2%, сокращение расстояния тоже зарегистрировано, хотя и в меньшей степени – 3,8%.

При определении всех эмоций в рамках данной части эксперимента китайская группа испытуемых была «чувствительна» к тактильному контакту между американскими коммуникантами, так как азиатские культуры относятся к дистантным культурам, и у них не принято дотрагиваться до своего собеседника в процессе коммуникации. В то время как для американских испытуемых этот параметр оказался важен исключительно при идентификации агрессии и взволнованного эмоционального настроя.

Для группы китайских испытуемых интересно также заметить, что при определении взволнованного эмоционального настроя почти одинаковую роль играют как сокращение, так и увеличение дистанции (4,8 и 6,5%). А для доброжелательно-непринужденного господствует сокращение дистанции между коммуникантами (6,3%), что совпадает с восприятием тех же фрагментов американскими испытуемыми (7,6%).

Однако если для группы китайцев важнее при идентификации всех эмоций оказалась лицевая мимика, для американцев более релевантным было выражение глаз коммуникантов (около 30% для всех эмоциональных настроев, кроме доброжелательно-непринужденного, где доля выражения глаз составила 18,2%). Эта группа испытуемых также руководствовалась выражениями лица участников взаимодействия, но в меньшей степени, чем китайцы (только для определения печали доля параметра лицевой мимики составила 30%, во всех остальных случаях она была ниже 20%). По чувствительности к параметру жестикуляции американцы оказались близки к китайцам, но при определении агрессии для них большую роль сыграли движения корпуса коммуникантов, нежели их жестикуляция (25,8% по сравнению с 12,9%). Данная группа испытуемых так же, как и предыдущая, отметила улыбку как основной признак доброжелательно-непринужденного настроя собеседника (30,3%). Доля улыбки также велика и при идентификации ими нейтрального эмоционального настроя (23,5%).

Результаты перцептивно-зрительного анализа материала на китайском языке

Что касается восприятия эмоций по видео из фрагментов китайских кинофильмов, то здесь можно увидеть, что группы и китайских, и американских испытуемых отметили в качестве самого релевантного параметра лицевую мимику коммуникантов (для американских испытуемых от 23,9 до 33,8%, для китайских испытуемых – более 40, а для нейтрального эмоционального настроя 50%), с той разницей, что при идентификации агрессии американцы больше руководствовались движениями корпуса (26,1%). У китайцев движения корпуса тоже важны для определения агрессии (25%). Общим для этого эмоционального настроя для обеих групп испытуемых оказался также параметр жестикуляции (21,8% – для китайской группы, 17,4% – для американской). Помимо агрессии, параметр движения корпуса отмечен как релевантный у китайских испытуемых для взволнованного эмоционального настроя (17,9%), а у американцев – для определения нейтрального (12,5), доброжелательно-непринужденного (15,2) и взволнованного (19,1%) эмоциональных настроев. В одинаковой степени этот параметр ока-

зался важным обеим группам испытуемых при идентификации эмоции печали (8,8% для американцев и 7 – для китайцев). Что касается параметра жестикуляции, то он одинаково важен для американских и китайских испытуемых, когда они распознают нейтральный, доброжелательно-непринужденный и взволнованный настрои коммуникантов (от 8,1 до 19,5%). Различны результаты по этому параметру в отношении идентификации печали: для американцев (15,8%) этот параметр больше важен, чем для китайцев (5,3%).

В этой части эксперимента американцы оказались более чувствительными по сравнению с китайцами к тактильному контакту, при определении всех эмоциональных настроев, кроме доброжелательно-непринужденного. Для группы китайских испытуемых прикосновения были релевантными, когда они опознавали доброжелательно-непринужденный, взволнованный и печальный эмоциональные настрои участников коммуникации (3,4%, 13,1 и 7%, соответственно).

Согласно полученным данным, выражение глаз играет большую роль при определении нейтрального и печального эмоциональных состояний (для китайцев – 25% и 14, для американцев – 12,5 и 13,9%). Меньше выражение глаз было важным для испытуемых при определении взволнованного (для китайцев 9,5%, для американцев – 12,4) и доброжелательно-непринужденного (для китайцев – 4,6, для американцев 4,4%) эмоциональных настроев участников коммуникации.

По данным проведенного перцептивно-зрительного анализа, обе группы испытуемых руководствовались параметром «улыбка / смех» при идентификации нейтрального (для китайцев 12,5%, для американцев – 7,1) и доброжелательно-непринужденного (для китайцев – 24,1, для американцев 26,1%) настроев собеседников. Параметр «улыбка / смех» был отмечен американскими испытуемыми при определении взволнованного и печального эмоциональных состояний (1,9 и 3,5%, соответственно).

На этом этапе эксперимента испытуемые больше, чем при анализе видео из фрагментов американских кинофильмов, обращали внимание на положение тела говорящих (для китайцев при доброжелательно-непринужденном (9,2%), взволнованном (6), печальном (8,8) и агрессивном (6,3) эмоциональных состояниях, для

американцев – при нейтральном (3,6), доброжелательно-непринужденном (4,4), взволнованном (5,7) и печальном (7%) эмоциональных настроях).

Интересно отметить, что в то время как при идентификации печального эмоционального состояния китайские испытуемые продолжали руководствоваться увеличением дистанции между собеседниками (7%), для американцев более релевантным оказалось, наоборот, ее сокращение (7%). Если рассмотреть элементы проксемики, отмеченные американскими испытуемыми, то можно заметить, что они больше обращают внимание именно на сокращение расстояния (например, 15,2% при восприятии агрессии и 9,5 – при восприятии взволнованного эмоционального состояния), в то время как китайские испытуемые больше указывают на увеличение дистанции между партнерами по коммуникации (4,7% при идентификации взволнованного эмоционального настроя).

На основе анализа распределения неверbalных средств в этой части эксперимента можно прийти к выводу о том, что больше разнообразия наблюдается при анализе видеофрагментов, на которых изображена коммуникация представителей не своей, а чужой культуры.

2.8. Взаимная оценка эмоций по невербальному поведению иноязычных коммуникантов (представители США, Китая и России)¹

Исследование проводилось как продолжение экспериментов с участием представителей американской и китайской лингвокультур (см. параграф 2.7). В круг задач вошли следующие:

- определение средств невербального поведения, релевантных для восприятия определенных эмоций коммуникантов;
- определение средств невербального поведения, которые испытуемые считали важными при определении положительных и отрицательных эмоций;
- определение ведущих средств невербального поведения при восприятии коммуникации, участниками которой являются двое мужчин, две женщины, мужчина и женщина.

¹ Активным участником проекта выступила А.И. Кривич.

Методика исследования

В качестве *испытуемых* привлекались студенты факультета обучения иностранных граждан Московского государственного лингвистического университета (см. табл. 14).

Таблица 14

Характеристика группы испытуемых

Кол-во	Лингвокультура	Гендер	Возраст (лет)	Знание ин. языков
2	Американская	Мужчины	20 и 28	Русский
1	Американская	Женщина	20	Русский
2	Китайская	Мужчины	21 и 22	Русский, английский
6	Китайская	Женщины	20–22	Русский, английский
2	Русская	Мужчины	22	Английский
5	Русская	Женщины	21–22	Английский

В качестве *материала* для исследования были отобраны десять видео-фрагментов из недублированных художественных фильмов, произведенных в США, и десять фрагментов из недублированных художественных фильмов, произведенных в Китае (см. табл. 15). Длительность каждого фрагмента в среднем составляла 1–1,5 минуты, общей длительностью для американских фрагментов 11 минут 23 секунды, а для китайских фильмов – 11 минут 28 секунд.

Таблица 15

Характеристика материала исследования

Название, год выпуска	Страна происхождения
Definitely, Maybe (2008)	США
The Last Song (2010)	
I Am Number Four (2011)	
Just Go With It (2011)	
One Day / 有一天 (2010)	Китай
I Know A Woman's Heart / 我知女人心 (2011)	
Fall In Love / 一不小心爱上你 (2011)	

Материал представляет собой три фрагмента-диалога между двумя мужчинами, три фрагмента-диалога между двумя женщи-

нами и четыре фрагмента-диалога между мужчиной и женщиной. Подбирались такие фрагменты, чтобы в них были ярко выражены эмоции коммуникантов при общении друг с другом, начиная с нейтрального эмоционального настроя и заканчивая сильно выраженнымми отрицательными и положительными эмоциями. В каждом фрагменте каждый коммуникант мог проявлять больше одной эмоции. Причем при выражении этих эмоций участники коммуникации прибегали к использованию многочисленных невербальных компонентов, среди которых как интонационные средства, так и элементы мимики, языка жестов, проксемики.

Эксперимент проводился в три этапа сначала с участием испытуемых из Китая, испытуемых из США, а затем с участием испытуемых из России.

Эксперимент с каждой группой испытуемых был поделен на четыре части. Сначала проводился перцептивно-слуховой анализ фрагментов из американских фильмов, затем перцептивно-зрительный анализ тех же самых фрагментов из американских фильмов, третья часть эксперимента представляла собой перцептивно-слуховой анализ фрагментов из китайских фильмов, и в качестве заключительного этапа был проведен перцептивно-зрительный анализ десяти фрагментов из китайских фильмов. Во время проведения эксперимента испытуемым запрещалось советоваться и обсуждать результаты, каждый испытуемый работал индивидуально.

При проведении перцептивно-слухового анализа испытуемым было предложено прослушать аудио из отобранных видеофрагментов, но без зрительного сопровождения и определить общий эмоциональный настрой участников коммуникации (в анкете были представлены пять кластеров эмоций: нейтральный, доброжелательно-непринужденный, взволнованный (напряженный), подавленный (печальный) и агрессивный эмоциональные настрои), а также определить те интонационные средства, которые, по мнению участников эксперимента, помогают им определить эти эмоции. Помимо этого, испытуемые должны были определить общий эмоциональный настрой фрагмента: преобладали ли в нем отрицательные или положительные эмоции, слабые или сильные.

При проведении перцептивно-зрительного анализа испытуемые просматривали видео из тех же самых видеофрагментов, но

уже без звукового сопровождения, им необходимо было определить эмоциональный настрой участников коммуникации и элементы мимики, кинесики, проксемики, которые, по их мнению, являлись релевантными для определения отмеченных ими эмоций, а также общий эмоциональный настрой фрагмента (положительные / отрицательные эмоции, сильные / слабые эмоции).

Количество раз, которое испытуемым было разрешено прослушать или просмотреть фрагменты видео, было неограничено. Также было разрешено помечать столько эмоциональных состояний говорящего и столько характеристик, сколько испытуемые считали нужным.

Результаты перцептивно-слухового анализа материала на американском варианте английского языка

По результатам первой части эксперимента, который заключался в перцептивно-слуховом анализе аудио из фрагментов американских фильмов, можно сделать вывод, что для студенток из Китая основными параметрами при определении эмоций коммуникантов были окраска голоса и темп речи (около 50–60% в сумме для каждого эмоционального состояния). Однако важными являлись также параметры громкости и мелодики, последний был наиболее релевантным при определении доброжелательно-непринужденного настроя коммуникантов (28,6%). Все предложенные в анкете параметры были отмечены испытуемыми в качестве параметров, играющих роль при восприятии и определении эмоций, однако необходимо отметить, что ритм (как четкий, так и нечеткий) играл при этом наименьшую роль. В общем, можно сказать, что результаты данного эксперимента частично подтверждают данные предшествующего (п. 2.7), так как в первом в качестве наиболее релевантных параметров были отмечены окраска голоса и громкость речи, мелодика также выступала на первый план при идентификации доброжелательно-непринужденного эмоционального настроя.

Для испытуемой из США основным параметром, присущим в определении всех эмоциональных настроев была мелодика речи (более 20%), при идентификации нейтрального и доброжелательно-непринужденного эмоциональных состояний в качестве важных параметров были отмечены также громкость и

четкий ритмический рисунок (33,3 и 20% соответственно). Однако при определении взволнованного и подавленного состояний важную роль играли окраска голоса и паузация (около 60% в сумме). Интересным результатом является то, что при идентификации агрессии наиболее релевантными параметрами оказались окраска голоса (57,1%) и мелодика речи (21,4%).

Испытуемых женского пола из России сближает с участницами эксперимента из Китая и США то, что окраска голоса оказалась важным параметром при идентификации эмоциональных состояний и для них (около 20%). Даже при определении доброжелательно-непринужденного настроя она оказалась более релевантной, чем мелодика (24,1 и 19% соответственно). Среди параметров, играющих ведущую роль при идентификации эмоций, были отмечены также громкость голоса и темп речи, оказавшиеся более важными, чем окраска голоса, при определении агрессии (громкость 19,5%, темп и окраска голоса – 17,1). При определении подавленного эмоционального настроя студентки из России выделили паузацию как один из основных параметров (21,4%).

Результаты перцептивно-слухового анализа американских кинофильмов мужской частью испытуемых несколько отличаются от результатов, полученных с испытуемыми женского пола. Так, для испытуемых из Китая окраска голоса была наименее релевантным параметром при определении эмоций (кроме агрессивного эмоционального настроя – 15,625%), более важным оказался темп речи (для всех эмоциональных состояний), четкий ритмический рисунок и паузация (для нейтрального, взволнованного и подавленного состояний), а также громкость (для доброжелательно-непринужденного, взволнованного и агрессивного эмоциональных состояний). Интересно, что при определении доброжелательно-непринужденного состояния мелодика не являлась главенствующим параметром (13%). Так, можно заметить, что эти результаты очень близки к результатам предшествующего эксперимента (п. 2.7), которые были предоставлены испытуемыми мужского пола из США.

В настоящем эксперименте участники из США частично подтвердили результаты первого эксперимента: темп не является больше ведущим параметром, однако он присутствует в числе основных при идентификации всех эмоций (в среднем около 20%),

кроме печали. Наиболее релевантным параметром в этом эксперименте оказалась громкость речи (более 20% для каждого эмоционального настроя), что отчасти подтверждает предыдущие данные, где громкость была отмечена испытуемыми в качестве релевантной при определении агрессии и печали. То же самое можно сказать и о паузации, что сближает восприятие эмоций испытуемыми мужского пола из Китая и США. Мелодика здесь так же, как и в случае с испытуемыми из США, не играет особо важной роли при определении доброжелательно-непринужденного эмоционального настроя.

Что касается русских испытуемых, то здесь представлены наиболее разнообразные данные. Каждое эмоциональное состояние характеризуется своим набором параметров, важных для идентификации эмоций. Темп речи и окраска голоса оказались релевантными для определения нейтрального и взволнованного настроя (50 и 40,3%, соответственно). Нечеткий ритм является ведущей характеристикой доброжелательно-непринужденного и подавленного состояний (28,6 и 33,3%). Мелодике при определении доброжелательно-непринужденного настроя отводится второе место (14,2%), что несколько отличает восприятие фрагментов русскими испытуемыми от восприятия тех же самых фрагментов испытуемыми из Китая и США. При идентификации агрессии испытуемые отметили только три параметра (окраска голоса и громкость – 40 и четкий ритмический рисунок 20%).

Далее был проведен анализ результатов с целью выяснения того, какие характеристики являются наиболее важными при определении испытуемыми положительных и отрицательных эмоций.

Для студенток из Китая в качестве трех наиболее важных параметров были выявлены темп речи, окраска голоса и речевая мелодика (около 80% в сумме). Интересным результатом оказалось то, что испытуемая из США не отметила ни одного фрагмента, в котором, по ее мнению, реализуется коммуникация с положительным общим эмоциональным настроем. Для отрицательных эмоций основными параметрами оказались окраска голоса, речевая мелодика и паузация (более 70% в сумме). Студентки из России оказались близки к участникам эксперимента из Китая, наиболее релевантными параметрами для них оказались окраска голоса, темп речи и громкость голоса коммуникантов (более 50% в сумме).

Результаты мужской части испытуемых снова слегка отличаются от данных, полученных с женской частью. Для испытуемых из Китая наибольшую роль при определении как положительных, так и отрицательных эмоций играл темп речи (около 20%), также был важен четкий ритмический рисунок (19,4 и 15,7%), однако при идентификации положительных эмоций испытуемые больше руководствовались окраской голоса (15), а при идентификации отрицательных эмоций – паузацией (19,1%). Более однородными являются результаты этой части эксперимента для студентов из США: три наиболее релевантные параметра для определения всех эмоций – громкость голоса, речевой темп и паузация (более 50% в сумме). Для испытуемых мужского пола из России параметром, присутствующим при определении всех эмоций, оказалась окраска голоса (в общем случае около 20%), при определении положительных эмоций большую роль играли нечеткий речевой ритм и паузация (22,2 и 17,5%), а при определении отрицательных эмоций – громкость голоса и темп речи (18,1 и 16,7%), что сближает их результаты с результатами, полученными в ходе эксперимента со студентками из России.

И наконец, третьим объектом исследования было изучение того, какие характеристики воспринимаются испытуемыми для определения эмоций в зависимости от гендерной принадлежности коммуникантов.

Было выявлено, что студентки из Китая обращают большее внимание на окраску голоса, речевой темп и мелодику коммуникантов с небольшой разницей в процентном соотношении вне зависимости от их гендерной принадлежности. Для испытуемой из США мелодика и окраска голоса оказалась важна при определении эмоций мужчин во всех фрагментах и женщин в диалогах-фрагментах «мужчина – женщина», в то время как в диалогах «женщина – женщина» релевантными характеристиками оказались окраска голоса и паузация (по 33,3%), мелодика была отмечена в 2 раза реже (16,7%). Интересным является то, что для мужчин характерным оказался четкий ритм, в то время как для женщин – нечеткий (по 16,7%). Студентки из России отметили в качестве основных характеристик в диалогах между двумя мужчинами и двумя женщинами окраску голоса, речевой темп и громкость голоса (около 40% в сумме). В диалогах «мужчина – женщина» для

мужчины релевантными оказались параметры темпа (20%), паузации и громкости (по 16), для женщины – параметры темпа (20,3), мелодики и окраски голоса (по 18,6%). Таким образом, снова наблюдается близость ответов, данных русскими испытуемыми, с ответами испытуемых из Китая.

У испытуемых мужского пола из Китая наблюдается разнобразие в характеристиках, отмеченных в качестве релевантных для каждого типа диалога. В диалогах типа «мужчина – мужчина» тремя основными параметрами являются паузация (24,2%), громкость (21,2) и четкий ритм (18,2%). В диалогах типа «женщина – женщина» основную роль играют параметры темпа речи (21,2%), паузации (18,2) и окраски голоса (15,2%). Темп также оказывается ведущим параметром при определении эмоций у мужчин в диалогах типа «мужчина – женщина» (29,1%), в отличие от женщин в том же типе диалога для мужчин характерен нечеткий ритм (20,8), для женщин – четкий ритм (23,8), темп также является релевантным (19,1%). Для мужчин важна громкость (16,7%), для женщин – окраска голоса (14,3%).

Студенты из США отметили в качестве важных интонационных характеристик при определении эмоций в диалогах между двумя мужчинами паузацию (30%), громкость (23,3) и темп (20%), что схоже с картиной, наблюдавшейся у испытуемых из Китая. Паузация и громкость также релевантны при определении эмоций у женщин в диалогах между мужчиной и женщиной (по 22,7%), третьим по важности параметром здесь оказалась окраска голоса (18,2%). В диалогах «женщина – женщина» у испытуемых из США важную роль играют темп и окраска голоса, как у испытуемых из Китая, но вместо паузации в качестве одной из основных характеристик отмечена громкость речи (37,5%). Для мужчин в диалогах «мужчина – женщина» темп также является ведущим параметром (25%), важны мелодика, громкость и окраска голоса (по 18,75%), что тоже сближает испытуемых из США с испытуемыми из Китая.

Для студентов мужского пола из России главной интонационной характеристикой во всех диалогах оказалась окраска голоса (в среднем 20%). Нечеткий ритм был отмечен в качестве ведущей характеристики в диалогах типа «мужчина – мужчина», «женщина – женщина» и «мужчина – женщина» при определении эмоций у

мужчин. Для последнего случая наибольшую роль играл также темп речи коммуникантов, что характерно и для испытуемых из США и Китая. Для определения эмоций женщин в диалогах типа «мужчина – женщина» важным являлся также параметр громкости (17,6%), что сближает испытуемых из России с испытуемыми из США.

Результаты перцептивно-слухового анализа материала на китайском языке

Во второй части эксперимента испытуемые прослушивали аудио из фрагментов китайских кинофильмов. Студентки из Китая опять же частично подтвердили результаты предшествующего эксперимента (п. 2.7), окраска голоса оказывается опять ведущим параметром при определении всех эмоциональных состояний (от 20 до 30%). Темп является также одним из релевантных параметров для идентификации всех эмоций (от 18 до 26%). Для определения агрессии третьим по важности параметром оказалась паузация (14,3%). Для идентификации всех остальных эмоциональных состояний таким параметром оказывается мелодика, однако она не играет ведущей роли при определении доброжелательно-непринужденного настроя, как это было в прошлом эксперименте.

Испытуемая из США не отметила ни одного случая нейтрального эмоционального настроя коммуникантов. Для всех остальных случаев одним из главных интонационных параметров продолжает оставаться мелодика (от 30 до 42,8% для доброжелательно-непринужденного настроя), в случае определения доброжелательно-непринужденного, взволнованного и агрессивного эмоциональных настроев большую роль играет окраска голоса, что сближает данные результаты с результатами, полученными в эксперименте с испытуемыми женского пола из Китая. Однако для подавленного настроя важным оказывается параметр паузации (20,8%).

Темп является наиболее релевантной характеристикой при определении нейтрального, взволнованного, агрессивного и доброжелательно-непринужденного настроя коммуникантов студентками из России (от 17,6 до 33,3%), при идентификации нейтрального и доброжелательно-непринужденного настроя важным

параметром оказалась также мелодика (25 и 20,8%), при определении доброжелательно-непринужденного, взволнованного и подавленного настроя испытуемые обратили внимание на окраску голоса говорящих, при определении печали – на паузацию (22,6%), что сближает русских испытуемых с испытуемой из США, а при идентификации агрессии – на громкость (23,7%).

Для участников эксперимента мужского пола из Китая мелодика играет существенную роль при определении таких эмоциональных состояний, как нейтральное, доброжелательно-непринужденное и подавленное, т.е. проявляется сходная картина с результатами эксперимента студенток из Китая. Однако окраска голоса отмечается здесь как нерелевантная характеристика, последними в этом случае оказывается громкость и темп при определении взволнованности и агрессии коммуниканта (по 23,3% и 22,2 и 16,7%, соответственно). Четкий речевой ритм является важным при определении нейтрального настроя (21%), а паузация – при идентификации печали (26,7%). Речевой темп также оказывается релевантным при определении доброжелательно-непринужденного эмоционального настроя (16,7%).

Результаты предшествующего эксперимента (п. 2.7) по большей части подтверждаются результатами эксперимента с привлечением испытуемых мужского пола из США: основная характеристика, отмеченная участниками эксперимента при определении всех пяти эмоциональных состояний. Главную роль при идентификации агрессии и взволнованности играет громкость голоса (33,3 и 30%, соответственно). При определении подавленного эмоционального настроя у испытуемых из США проявляется почти одинаковая картина с испытуемыми из Китая: мелодика и паузация – ведущие параметры (28,125 и 21,875%). Паузация оказывается релевантной также при определении нейтрального и доброжелательно-непринужденного настроя (23,4 и 20,8%). Однако при идентификации доброжелательности мелодика перестает играть основную роль (12,5%), уступая место темпу, паузация – окраске голоса и четкому ритму (около 70% в сумме).

Для студентов из России наблюдается разнообразие характеристик, отмеченных в качестве основных при определении тех же самых эмоций. Для нейтрального и подавленного состояний важными оказываются паузация и четкий ритм (около 60% в сум-

ме), мелодика и окраска голоса релевантны при идентификации доброжелательно-непринужденного настроя (60% в сумме), эти же результаты были получены в эксперименте с испытуемыми женского пола из России: сходство также проявляется и в определении характеристик для идентификации агрессии – это темп и громкость голоса (50% в сумме). Темп также играет существенную роль при определении взволнованности коммуникантов (22,2%).

При определении положительных и отрицательных эмоций, представленных в фрагментах китайских кинофильмов студентки из Китая руководствовались параметрами окраски голоса, мелодики и темпа (более 65% в сумме). Те же параметры были отмечены в качестве релевантных и испытуемой из США, с той лишь разницей, что мелодика для нее играла наиболее важную роль при определении отрицательных эмоций коммуникантов (37,5%). Основным параметром, отмеченным русскими студентками, оказался темп речи (24,3% для положительных эмоций, 23,5 – для отрицательных эмоций), при определении положительных эмоций были также выделены параметры мелодики (20,6) и громкость речи (15,3), для отрицательных эмоций – окраска голоса (19,7) и пауза (15,9%).

При определении положительных и отрицательных эмоций китайскими испытуемыми мужского пола наблюдается схожая картина результатов, что и у китайских испытуемых женского пола: мелодика и темп считаются наиболее существенным характеристиками (около 40% в сумме), с той разницей, что при определении отрицательных эмоций студенты из Китая также руководствуются окраской голоса (13,6), а при идентификации положительных эмоций – паузацией (15,3%).

Для испытуемых мужского пола из США основными параметрами в этом аспекте исследования являются темп и паузация (в сумме около 40%), однако для положительных эмоций важным оказывается параметр четкого ритмического рисунка (15,7), а для отрицательных эмоций – параметр громкости голоса (21,7%).

В определении темпа как одной из основных характеристик студенты из России показывают близость к восприятию фрагментов китайскими и американскими испытуемыми (14,3% для положительных эмоций и 17,2 – для отрицательных эмоций), то, что восприятие русских испытуемых занимает промежуточную пози-

цию по отношению к испытуемым из США и Китая также можно увидеть и в том, что, как и китайские испытуемые, они выделяют параметры речевой мелодики и окраски голоса (около 35% в сумме), но в то же время паузация важна для них так же, как и для испытуемых из США (в среднем по 20%).

При анализе результатов эксперимента по гендерному признаку обнаружились следующие результаты.

Студентки из Китая отметили в качестве основных характеристик речевой темп, мелодику и окраску голоса (в сумме более 60%). Мелодика оказалась главным параметром у испытуемой из США (30% и более для каждого типа диалога). Важными оказались также темп и окраска голоса для всех типов диалога, кроме «женщина – женщина», где темп уступил место паузации (28,6%). Те же самые параметры темпа, окраски голоса и мелодики отмечены русскими студентками при восприятии диалогов типа «мужчина – женщина», однако для диалогов между двумя женщинами более существенную роль играют параметры темпа, мелодики и громкости (27,1% и по 17,1, соответственно), а для диалогов между двумя мужчинами – параметры темпа (21,9), окраски голоса и громкости (по 17,8%).

Важным параметром для диалогов всех типов у китайских испытуемых мужского пола является мелодика (от 18,2 до 27,7%). Темп занимает второе место в диалогах типа «мужчина – мужчина» и «женщина – женщина» (18,2, 21,6%, соответственно). Параметр громкости важен при определении эмоций у женщин в диалогах типа «мужчина – женщина» (20%) и «мужчина – мужчина» (18,2%). Паузация релевантна в диалогах между двумя женщинами и между мужчиной и женщиной при определении эмоций у мужчины (17,4 и 22,2%).

Студенты из США отметили темп и паузацию в качестве основных параметров для диалогов всех типов (35% и более). Однако при определении эмоций женщин большую роль также играет мелодика (20 и 13%), а в диалогах между двумя мужчинами – окраска голоса (20%).

Среди характеристик, отмеченных русскими студентами, наиболее важными оказались мелодика, темп, паузация и окраска голоса при определении эмоций у мужчин: мелодика, окраска голоса и нечеткий речевой ритм – при определении эмоций в диало-

гах между двумя женщинами; паузация, окраска голоса и четкий речевой ритм при определении эмоций женщин в диалогах типа «мужчина – женщина».

Если посмотреть на общую картину распределения интонационных средств при идентификации эмоций китайскими, американскими и русскими испытуемыми, то можно увидеть, что испытуемые воспользовались всем спектром предложенных им интонационных средств.

Результаты перцептивно-зрительного анализа материала на американском варианте английского языка

Основными наиболее релевантными параметрами при определении всех пяти эмоциональных настроев коммуникантов испытуемыми из Китая женского пола оказались лицевая мимика (около 30% для каждого эмоционального настроя), выражение глаз (от 23,1 до 27,8%). Постоянно в ответах присутствовали такие характеристики, как жестикуляция руками и движение корпуса, что вполне оправданно для определения таких эмоциональных состояний, как взволнованность и агрессия, но довольно удивительно для идентификации печали, где процент ответов составил 12,1 и 6,9% соответственно. При определении доброжелательно-непринужденного настроя в качестве важного параметра была также отмечена улыбка, что тоже является вполне предсказуемым результатом. Большая роль также отводится тактильным контактам, что снова показывает принадлежность китайской культуры к дистантным культурам, чрезвычайно чувствительным к прикосновениям.

Испытуемая из США обратила внимание на прикосновения только при определении подавленного настроя (6,7%). В качестве основных параметров она отметила лицевую мимику, выражение глаз и жестикуляцию руками для всех эмоций. Улыбка, которая была одним из постоянно отмечаемых параметров у китайских студенток, здесь появляется только при определении доброжелательно-непринужденного эмоционального настроя (11,1%).

Русские студентки подтвердили важность тех же самых параметров, которые отметили испытуемые из Китая и США, а именно выражение глаз и лицевую мимику, так же как и улыбку при идентификации доброжелательно-непринужденного эмоци-

нального настроя (18%). Однако большее внимание было уделено сокращению дистанции между собеседниками при определении всех эмоциональных настроев, так же как и группой испытуемых из Китая, в качестве релевантных параметров были выделены прикосновения, что показывает, что Россия тоже относится больше к дистантным культурам, чем к контактным. При определении агрессии существенную роль снова играли движение корпуса (17,7%) и жестикуляция руками (22,6%).

Для испытуемых из Китая мужского пола лицевая мимика и выражение глаз также остаются важными параметрами при определении эмоций, точно так же, как и жестикуляция руками (9,7%) и движение корпуса (12,9) при идентификации агрессии, и смех (11,25%) при идентификации доброжелательно-непринужденного настроя. Однако в отличие от испытуемых женского пола, испытуемые мужского пола обратили внимание на сокращение дистанции между коммуникантами.

Испытуемые из США показали по большей части такие же результаты, что и испытуемые из Китая, выделив лицевую мимику выражение глаз и сокращение дистанции в качестве основных параметров и улыбку в качестве ведущего параметра при идентификации доброжелательно-непринужденного эмоционального настроя (21,2%). Интересным и отличным от всех предыдущих результатов является то, что при определении печального настроя испытуемые из США мужского пола отметили отсутствие движения корпуса как релевантную характеристику (10,4%). Большее внимание по сравнению со своей соотечественницей эти испытуемые уделили также прикосновениям.

Результаты, которые дали студенты из России, несколько отличаются от результатов других участников эксперимента. Так, лицевая мимика и выражение глаз оказываются важными для них только при идентификации доброжелательно-непринужденного, взволнованного и печального настроев. Для доброжелательно-непринужденного настроя существенным является также параметр улыбки (18,4%). Однако при определении агрессии параметр выражения глаз отсутствует, важными, помимо лицевой мимики, здесь оказались жестикуляция руками, сокращение дистанции и прикосновения (все по 25%). При идентификации нейтрального эмоционального настроя лицевая мимика и выражение глаз играют

меньшую роль по сравнению с определением остальных эмоциональных настроев, здесь более существенными являются отсутствие жестикуляции руками (21,4), а также отсутствие движения корпуса (14,3%).

При определении положительных и отрицательных эмоций испытуемые женского пола из Китая руководствовались лицевой мимикой, выражением глаз и жестикуляцией руками. Однако идентифицируя положительные эмоции, одним из основных параметров они отмечали улыбку (13,2), а идентифицируя отрицательные эмоции – движение корпуса (9,9%).

Результатом, достойным упоминания, является то, что испытуемая из США не отметила ни одного фрагмента как фрагмента с общим положительным эмоциональным настроем, хотя во многих фрагментах отмечала настрои коммуникантов как нейтральные и доброжелательно-непринужденные. Что касается определения отрицательных эмоций, то здесь, по ее мнению, большую роль снова играют мимика, выражение глаз и жестикуляция руками (в сумме более 80%).

По сравнению с испытуемыми из Китая и США, студентки из России обращали меньше внимания на выражение глаз коммуникантов, руководствуясь при определении как положительных, так и отрицательных эмоций больше лицевой мимикой и жестикуляцией. В отличие от испытуемой из США группа русских участниц эксперимента продолжает быть более чувствительной к тактильным контактам коммуникантов, в чем сближается по результатам с группой испытуемых из Китая.

Испытуемые мужского пола из Китая показали, что для них релевантными параметрами также являются лицевая мимика и выражение глаз. Однако третий параметр, на который они обратили внимание при просмотре видео из американских кинофильмов, оказался сокращение дистанции между собеседниками (12,2% при определении положительных эмоций, 12,4 – при определении отрицательных эмоций). Улыбка не играла для них решающей роли при идентификации положительных эмоций (8,9%).

Лицевая мимика продолжает оставаться ведущим параметром для студентов мужского пола из США при определении и положительных, и отрицательных эмоций, однако выражение глаз оказывается важным только для определения отрицательных эмо-

ций коммуникантов (13,2%). Также стоит заметить, что эта группа испытуемых расценила улыбку скорее как показатель отрицательного эмоционального настроя человека (10,8%), чем положительного (9,1%). В равной степени важными параметрами эта группа испытуемых отметила как движение корпуса, так и отсутствие движения корпуса, когда они идентифицировали положительные эмоции (по 12,1%).

По распределению параметров лицевой мимики и выражения глаз группа испытуемых мужского пола из России оказывается ближе студентам из США: для них выражение глаз оказывается важным исключительно при определении отрицательных эмоций (19%). Однако обращение внимания на жестикуляцию и сокращение дистанции при идентификации как отрицательных, так и положительных эмоций сближает русских студентов с участниками эксперимента из Китая.

Анализ данных по типам диалогов показал, что для испытуемых женского пола из Китая релевантными характеристиками при определении эмоций как женщин, так и мужчин, оказались лицевая мимика, выражение глаз и жестикуляция руками. Однако идентифицируя женские эмоции, испытуемые также обратили внимание на улыбку коммуникантов (9,8 – для диалогов «женщина – женщина», 12,5% – для диалогов «мужчина – женщина»). Те же самые параметры были расценены в качестве основных испытуемой из США, с той лишь разницей, что параметр улыбки был отмечен ею при определении эмоций у мужчин в диалогах типа «мужчина – мужчина» (6,7%).

Лицевая мимика продолжает оставаться ведущим параметром для группы студенток из России вне зависимости от того, чьи эмоции они определяли. В диалогах типа «мужчина – женщина» важными оказались также выражение глаз и жестикуляция руками, а в диалогах между двумя женщинами – выражение глаз и движение корпуса (13,9 и 12,9%, соответственно). В диалогах между двумя мужчинами большее внимание было удалено жестам собеседников (15,3) и сокращению дистанции между ними (12,6%).

Испытуемые мужского пола из Китая при определении эмоций у мужчин руководствовались лицевой мимикой, выражением глаз и жестикуляцией коммуникантов, однако при определении эмоций женщин вместо жестикуляции на первый план вышли па-

раметры сокращения дистанции и улыбка. Интересно, что сокращение дистанции между собеседниками было отмечено также и мужчинами в диалогах типа «мужчина – женщина» (10%), группа китайских испытуемых снова продемонстрировала свою принадлежность к дистантному типу культур.

Группа испытуемых мужского пола из США тоже отметила лицевую мимику и выражение глаз собеседников как ведущие параметры, однако необходимо сказать, что в то время как, по их мнению, коммуникация со стороны мужчины была менее эмоциональной (что подтверждается такими ответами как «отсутствие движения корпуса» (13,1%) и «отсутствие жестикуляции руками» (12,9%)), коммуникация со стороны женщины сопровождалась большим проявлением чувств и эмоций (жестикуляция руками – 11,9 и 17,2%, сокращение дистанции 14,3%). Последнее подтверждается исследованиями о том, что женщины намного чаще, чем мужчины, проявляют свои эмоции посредством невербального поведения [Potapova, 2011, с. 11].

Группа испытуемых мужского пола из России руководствовалась параметрами лицевой мимики, выражения глаз и сокращения дистанции при определении эмоций как женщин, так и мужчин.

Результаты перцептивно-зрительного анализа материала на китайском языке

При определении пяти эмоциональных состояний коммуникантов на основе анализа видеофрагментов из китайских кинофильмов группа испытуемых из Китая женского пола руководствовалась двумя основными параметрами, а именно: лицевой мимикой и выражением глаз (в сумме 50% и более). Идентифицируя нейтральный и доброжелательно-непринужденный настрой, они также отмечали улыбку в качестве релевантной характеристики (14,9 и 25,7%). На улыбку также было обращено внимание при определении печали (9,375%). При определении агрессии и взъяренности важным оказалось наличие жестикуляции руками и движения корпуса собеседников (в сумме более 20%).

Испытуемая из США отметила в качестве главных параметров, помогающих ей определять все эмоциональные настрои коммуникантов лицевую мимику и выражение глаз, а также улыбку

при идентификации нейтрального, доброжелательно-непринужденного и подавленного настроев (33,3%, 29 и 23% соответственно). При определении агрессии и взволнованности она руководствовалась также такими параметрами, как жестикуляция руками (14,3% и 18,7) и движение корпуса (14,3 и 6,25%). Таким образом, можно сделать вывод, что как испытуемые из Китая, так и испытуемая из США считают одни и те же параметры важными при определении эмоций собеседников – представителей китайской культуры.

Участницы эксперимента из России меньше обращали внимание на выражение глаз коммуникантов (исключение – подавленный эмоциональный настрой (15,7%)), больше на лицевую мимику (для всех эмоциональных настроев), улыбку (так же, как и две предыдущие группы испытуемых, при идентификации нейтрального, доброжелательно-непринужденного и подавленного настроев), жесты и движения корпуса (при идентификации агрессии и взволнованности), прикосновения (при определении доброжелательно-непринужденного и печального настроев) и отсутствие жестов и движения корпуса (при идентификации нейтрального состояния коммуникантов).

Группа испытуемых мужского пола из Китая показала результаты близкие к предыдущим, т.е. и для них мимика и выражение глаз были наиболее релевантными характеристиками, так же как улыбка была показателем либо нейтрального, либо доброжелательно-непринужденного, либо подавленного состояний, а жесты и движение корпуса – взволнованности и агрессии, проявляемой коммуникантами. Однако отличие состоит в том, что при определении нейтрального и доброжелательно-непринужденного эмоциональных настроев испытуемые руководствовались также параметром сокращения дистанции (10,5 и 12,2%).

То же самое можно сказать о результатах, полученных после анализа данных, предоставленных студентами из США, разница лишь в том, что когда они определяли доброжелательно-непринужденный настрой собеседников, ведущую роль при принятии решения у них играл параметр улыбки (25,8%).

Результаты мужчин – испытуемых из России схожи с результатами их соотечественниц, они тоже считают, что нейтраль-

ное эмоциональное состояние сопровождается в большинстве случаев отсутствием жестов руками (20%).

При анализе данных на предмет выявления, какие параметры испытуемых рассматривали как наиболее важные при определении положительных и отрицательных эмоций, можно наблюдать похожую картину результатов группы для испытуемых как женского, так и мужского пола из Китая и испытуемой из США. Все отметили мимику, выражение глаз, смех и жесты в качестве релевантных характеристик для определения положительных и отрицательных эмоций.

Результаты для группы русских испытуемых женского пола представлены на рис. 66–67.

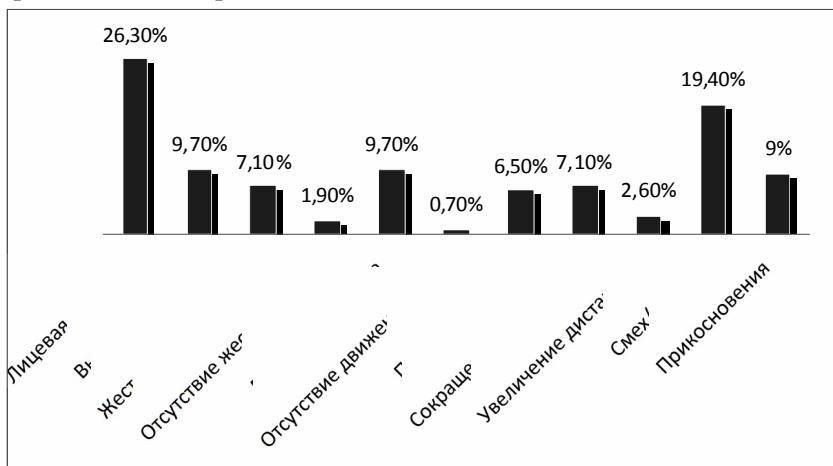

Рис. 66. Распределение средств мимики, кинесики, проксемики и т.д. при перцептивно- зрительном анализе русскими испытуемыми женского пола фрагментов китайских кинофильмов для определения положительных эмоций коммуникантов

Для группы испытуемых мужского пола из США также характерно выявление лицевой мимики и жестов в качестве основных параметров, однако при идентификации положительных эмоций они обратили особое внимание на параметры улыбки (21,4%) и прикосновения (10), а при определении отрицательных эмоций –

на параметры жестов, положения тела и улыбки (по 12,1%) в равной степени.

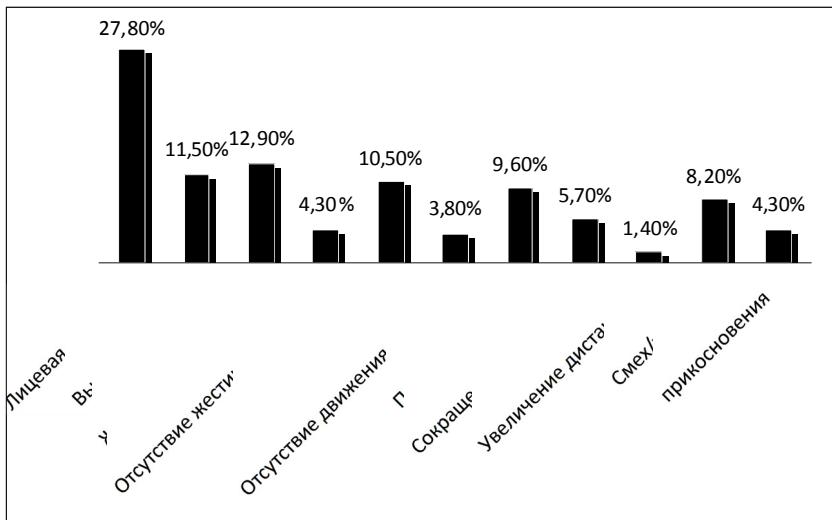

Рис. 67. Распределение средств мимики, кинесики, проксемики и т.д. при перцептивно-зрительном анализе русскими испытуемыми женского пола фрагментов китайских кинофильмов для определения отрицательных эмоций коммуникантов

Студенты из России тоже отметили мимику и выражения глаз как ведущие параметры для определения обоих типов эмоций, но идентифицируя положительные эмоции, они руководствовались параметром улыбки (17,1%), а идентифицируя отрицательные эмоции, – параметром жестикуляции (13,4) и движения корпуса (8,4%).

Что касается анализа данных по типам диалога, то можно заметить, что для всех трех групп испытуемых как женского, так и мужского пола характерны примерно одни и те же результаты: для всех типов диалога в качестве ведущих параметров, правда с несколько отличающимся процентным соотношением, были выделены параметры лицевой мимики, выражения глаз, жестикуляции руками и смеха / улыбки.

Список литературы

- Доброва Е.В.* Язык жестов. – М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2010. – 158 с.
- Крейдлин Е.Г.* Механизмы взаимодействия вербальных и невербальных единиц в диалоге II Б. Дейктические жесты и речевые акты // Труды Международной конференции «Диалог 2008». – 2008. – С. 248–253. – URL: <http://www.dialog-21.ru/media/1759/38.pdf>
- Мантегачча П.* Физиогномика и выражение чувств. – М.: Профит Стайл, 2011. – 448 с.
- Пиз А., Пиз Б.* Язык телодвижений. Расширенная версия / пер. с англ. Т. Новиковой. – М.: Эксмо, 2010. – 464 с.
- Потапова Р.К., Потапов В.В.* Восприятие эмоционального поведения иноязычных и инокультурных коммуникантов // Фонетика и нефонетика: к 70-летию Сандро Кодзасова. – М., 2008. – С. 602–616.
- Цалиева Е.А.* Некоторые средства невербалики в акте межличностной коммуникации (применительно к британскому и американскому вариантам английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – М.: МГЛУ, 2013. – № 12 (673). – С. 215–223. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19316026>
- Это – Англия. – URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/197450/> (дата обращения: 20.09.2019 г.).
- Made for minds. – URL: www.dw-world.de (дата обращения: 20.09.2019).
- Potapova R.K., Potapov V.V.* Kommunikative Sprechfähigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich. – Köln: Böhlau Verlag, 2011. – 312 S.
- YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/> (дата обращения: 20.09.2019).

References

- Dobrova, E.V. (2010). *Jazyk zhestov*. Moscow: AST; Vladimir: VKT.
- Mantegacca, P. (2011). *Fiziognomika i vyrazhenie chuvstv*. Moscow: Profit Stajl.
- Kreidlin, G.E. (2008). Mechanisms of interaction between verbal and nonverbal units in a dialog II B. Deictic gestures and speech acts. In: *Dialogue 2008* (pp. 248–253). <http://www.dialog-21.ru/media/1759/38.pdf>
- Pease, A., Pease, B. (2010). *Jazyk telodvizhenij. Rasshirennaja versija*. Moscow: Jek-smo.
- Potapova, R.K., Potapov, V.V. (2008). Vosprijatie jemocional'nogo povedenija ino-jazychnyh i inokul'turnykh kommunikantov. In: *Fonetika i nefonetika. K 70-letiju Sandro V. Kodzasova* (pp. 602–616). Moscow: Jazyki slavjanskih kultur.
- Tsalieva, E.A. (2013). Nekotorye sredstva neverbaliki v akte mezhlichnostnoj kommu-nikacii (primenitel'no k britanskemu i amerikanskemu variantam anglijskogo jazyka). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universi-teta*, 12(673), 215–223. <https://elibrary.ru/item.asp?id=19316026>
- Jeto – Anglija. Retrieved from <https://www.kinopoisk.ru/film/197450/>

Глава 2. К опыту субъективного декодирования мультимодальной моно- и полиглоссической коммуникации

Made for minds. Retrieved from www.dw-world.de

Potapova, R.K., Potapov, V.V. (2011). *Kommunikative Sprechfähigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich*. Köln: Böhlau Verlag.

YouTube. Retrieved from www.youtube.com

Глава 3.

ИНТЕРНЕТ-ОПОСРЕДОВАННАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК МУЛЬТИМОДАЛЬНАЯ ПОЛИКОДОВАЯ СРЕДА¹

Аннотация. Мультимодальная речевая коммуникация оказывает влияние не только на непосредственных участников общения, но и на сторонних наблюдателей. В условиях интернет-опосредованной межличностной коммуникации очевидцами становится неограниченное число пользователей, которые, согласно результатам исследований, представленных в третьей главе, испытывают эмоционально-модальные состояния, которые испытывают непосредственные партнеры по коммуникации, активно вовлекаются во вторичную коммуникацию и отстаивают различные позиции. Кроме того, письменная речевая коммуникация на интернет-площадках социальных сетей выступает индикатором социальной напряженности, которая воспроизводится в обсуждаемой тематике и тактиках речевого взаимодействия.

Ключевые слова: мультимодальность; речевая коммуникация; Интернет; письменная речь; гендер; социальные интернет-сети; эмоционально-модальное состояние; речевое воздействие; эмоциональная реакция; агрессия; очевидец; полилогическая речь; речевой жанр.

Chapter 3.

INTERNET-MEDIATED COMMUNICATION AS MULTIMODAL POLY-CODE ENVIRONMENT²

Abstract. Multimodal speech communication influences not only interlocutors, but also on by-standers. According to the results of the studies presented in the chapter 3, in the context of Internet-mediated

¹ © Комалова, Л.Р., 2020

² © Komalova, L.R., 2020

interpersonal communication an unlimited number of users become those who experience emotional-modal states similar to those emotional-modal states experienced by interlocutors. By-standers actively involve in secondary communication and defend various points of views. In addition, quality of written speech communication on social network sites is an indicator of social tension, which is reflected in the topics discussed and speech genres applied.

Keywords: multimodality; speech communication; Internet; written speech; gender; social network sites; emotional-modal state; speech influence; emotional reaction; aggression; by-stander; polylogical speech; speech genre.

3.1. Многоаспектность феномена мультимодальность и поликодовость применительно к речевой коммуникации

О многоголосии, полифонии как свойстве текста писал М.М. Бахтин; об отношении языка к другим системам коммуникации и о многократном кодировании текста и культуры, полиглотизме рассуждали Р. Якобсон, Р. Барт и Ю.М. Лотман; понятие вербальной музыки предложил еще в 60-е годы XX века С.П. Шер, а экспериментам с синтезом искусств находилось место практических в любую эпоху. К настоящему времени креолизованные тексты, живописность и музыкальность литературного произведения, а также ряд других проявлений поликодовости стали традиционным объектом изучения [Сергеева, 2015, с. 182–183].

В научный оборот вошли такие понятия, как креолизованный текст (Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.С. Валгина, Л.Г. Кайда и др.), гибридный¹ текст, супертекст; бимедиальный² / полимеди-

¹ Гибридность проявляется в способности дискурса сочетать в себе как в едином целом разнородные языковые средства: элементы разных стилей, элементы разных языков, разные жанры или их признаки (текстовые модели, особенности их языкового наполнения). Креолизованность является результатом соединения в дискурсе элементов разных семиотических кодов: вербального, иконического, музыкального, кинесического и др. [Анисимова, 2013, с. 9, цит. по: Торопкина, 2018, с. 248].

² Понятие медиальность (или медийность) 1) подразумевает наличие технического носителя информации, т.е. она связана с технически опосредованни

альный, мультимедиальный текст, мультитекст (В.В. Прозоров); полимодальный текст (Е.Д. Некрасова, О.С. Иссерс), лингво-визуальный текст (Л.Н. Большиянова), поликодовый текст (В.Е. Чернявская, А.-М. Ариас, Н.Г. Комиссарова, А.Г. Сонин, О.И. Максименко) контаминированный текст (Ю.А. Бельчиков, А.П. Сквородников), изовербальный комплекс (А.А. Бернадская), интерсемиотический текст, лингво-визуальный комплекс (Л.М. Большиянова), изоверб (А.В. Михеева), видео-вербальный текст (О.В. Пойманова и др.), семиотически осложненный текст (А.В. Протченко) [Чернявская, 2010; Галло, 2013; Омельяненко, Ремчукова, 2018; Торопкина, 2018; Шикина, 2018]. В зарубежной лингвистике доминирующим является термин мультимодальный текст (G. Kress, T. Van Leeuwen, C. Jewitt, M. Bednarek, J.R. Martin, E. Ventola, E. Adami, F. Serafini, M. Walsh и др.). В области нарратологии употребляют терминологические сочетания «мультимодальный нарратив», «визуальный нарратив» (M. Bal) или «графический нарратив» (L. Dong), что позволяет учитывать оформление (шрифтовое, иллюстративное и т.д.) и актуализирует привлечение одновременно различных каналов восприятия информации [Омельяненко, Ремчукова, 2018, с. 67].

«В современном культурном пространстве мультимодальный способ создания текста или какого-либо другого произведения искусства становится ведущим художественным методом креативной личности. Он находит отражение не только в литературе периода постмодернизма¹, но и во многих современных инсталляциях, перформансах, хеппенингах и требует от интерпретатора особых затрат – многоканального восприятия, необязательно идентичного авторскому» [Сергеева, 2015, с. 184].

явлениями в современной коммуникации; 2) служит для обозначения формы, способа передачи информации, коммуникативного канала; 3) коррелирует с понятием коммуникативного кода, если понимать под кодом систему условных обозначений, символов, знаков, правил их комбинации между собой для передачи, обработки, запоминания и хранения информации в наиболее оптимальной для этого форме [Чернявская, 2013, с. 122].

¹ В эпоху постмодернизма действует установка на расширение текстовых границ, игровое переосмысление формальных и содержательных характеристик текста, смешение языковых и культурных кодов [Торопкина, 2018, с. 248].

Когда речь заходит о комплексном изучении речевой коммуникации, операциональными, как правило, становятся понятия «мультимодальность» и «поликодовость». В рамках настоящей работы мы разделяем данные понятия, приписывая мультимодальности связь с основными органами восприятия (слухом, зрением, обонянием, осязанием и вкусом), поликодовости – с знаковыми системами, с помощью которых передаются сообщения (например, зрительно воспринимаемое сообщение может содержать текст и изображение).

Теория мультимодальности формулируется в последние два десятилетия. Сквозь призму теоретического конструкта «множественная модальность» предпринимается попытка учесть различные ресурсы, используемые в коммуникации для выражения смысла. Как феномен коммуникации мультимодальность включает комбинацию различных семиотических ресурсов или модусов (модальностей¹), актуализируемых в текстах и коммуникативных событиях. К таким семиотическим ресурсам относятся неподвижное и движущееся изображение, речь, письмо, макет, жест и / или проексымика [Adami, 2017]. Модальности, являясь семиотическими ресурсами, способствуют симультанной реализации дискурса и различных видов (интер) акции [Kress, van Leeuwen, 2001, p. 21].

В рамках теории мультимодальности исследователи основываются на следующих допущениях [The Routledge handbook ..., 2009, p. 14–15; Zamparini, Lurati, 2017, p. 9]:

1) любая форма коммуникации основана на множестве модальностей, каждая из которых в равной степени способствует формированию значения;

2) каждая из этих модальностей располагает различными возможностями в силу различия в средствах презентации значения;

¹ По мнению В.З. Демьянкова, понятие «модальность» связано с ограничением формы сообщения от собственно содержания текста, в связи с этим модальность предопределяет связность дискурса. «Различаются канальные и надканальные виды модальности, дающие в своей совокупности широкую гамму возможностей межканальной и надканальной адаптации сообщения, в том числе, и адаптации дискурсов к различным идеологическим системам» [Демьянков, 2019].

3) люди «дирижируют» процессом формирования значения посредством выбора сочетания модальностей;

4) значение мультимодального знака находится в сильной зависимости от социального контекста, в котором оно формируется.

«Мультимодальность представляется неотъемлемым свойством любой коммуникации, осуществляющейся, как минимум, по трем информационным каналам: вербальному, визуальному и просодическому» [Сергеева, 2015, с. 183].

«Поликодовость – это существенный принцип человеческой коммуникации. Ведь даже в устной речи (в устном дискурсе) при, казалось бы, максимальной выраженности языковых знаков собственно вербальное сопровождается (или предваряется) такими паравербальными средствами, как ритм, тембр, мимика, жесты и т.п.» [Чернявская, 2013, с. 124]. При этом паравербальное существует как часть дискурса [Adamzik, 2004, р. 76; цит. по: Чернявская, 2010]. «Существует мнение о том, что “подлинная” коммуникация между автором и адресатом осуществляется в устном дискурсе, когда реципиент сообщения получает информацию в ее поликодовости: наряду с восприятием речи он видит мимику, жесты, позу адресанта и т.п., участвующие в создании коммуникативного и эмотивного смысла и направляющие его декодирование» [Чернявская, 2013, с. 124].

Определяя термин «мультимодальный», А.А. Кибрик опирается на принятное в нейрофизиологии и информатике понимание модальности как «типа внешнего стимула, воспринимаемого одним из чувств человека, в первую очередь зрением и слухом» [Кибрик, 2010, с. 135]. «Мультимодальный текст» представляет собой многокомпонентное смысловое и функциональное единство, элементы которого могут быть представлены как эксплицитно, так и имплицитно, а информация передается по вербальному, визуальному и просодическому¹ каналам с помощью разных семиотиче-

¹ Важность просодики переоценить трудно, так как единицы сверхсегментного уровня (паузы, акценты, тон, темп, высота, долгота звука, особенности произношения и другие речевые характеристики) не только повышают информативность верbalного канала, но и создают образ, почти не уловимый при зрительном восприятии текста, как это имеет место при декламации художественного произведения [Сергеева, 2015, с. 183].

ских кодов. Облегчая восприятие произведения, наличие разных кодов вместе с тем требует от интерпретатора фоновых знаний, рефлексии и створчества [Сергеева, 2015, с. 188].

Современная тенденция медиапотребления заключается в том, что реципиент должен постоянно декодировать смыслы, извлекать их из сообщения. В результате этого процесса между создателем контента и его потребителем возникает тесная связь. Медиапотребление больше не ориентируется на пассивное, практически «слепое» чтение информации [Пиле, 2017, с. 73]. Не только особенности соединения языковых знаков в текстовую ткань, но и графическое, шрифтовое, визуальное, цветовое оформление – то, что называют текстовым дизайном, попадает в сферу интересов лингвистов и обуславливает выводы относительно функционирования текстовых смыслов [Чернявская, 2010, с. 115].

Современное медийное словотворчество характеризуется наличием следующих частотных явлений поликодового характера [Торопкина, 2018, с. 249–251]: активное применение визуальных средств; капитализация, т.е. выделение заглавными буквами (например, *ВВПьют всю кровь, затЭФИленное телевидение*); акцентировка определенных сем при помощи дефиса (например, *долго-жданные, не-то*); парентезис, заключение форманта или неморфемной части в скобки для включения / исключения отрезка слова из его структуры (например, *Не тех о(б)суждается!*). Поликодовые новообразования используются в современных СМИ как средство воздействия, причем за счет графических элементов реализуется одновременно вербальное и визуальное влияние, что усиливает воздействующий эффект. В зависимости от структуры и контекста поликодовые образования выполняют различные функции [Торопкина, 2018, с. 251]: функция привлечения внимания; развлекательная функция; функция организации активной роли читателя, вовлечения его в разгадывание скрытого смысла словообразовательной игры; функция создания оценочности текста.

Анализ российских глянцевых изданий в части рекламных сообщений подтверждает современную тенденцию к поликодовости применительно к текстовой информации. В качестве наиболее частотных поликодовых рекламных текстов в работе [Шикина, 2018, с. 355–359] выделяются следующие модели:

- 1) текст и изображение (вербальный компонент, представленный текстом, и невербальный – иконический);
- 2) текст, изображение и особый материал / формат страницы;
- 3) текст, изображение и запах;
- 4) текст, изображение и пробный экземпляр рекламируемого продукта (вброска).

Размер, цвет, форма, обонятельный и осязательный компоненты и др. выступают дополнительными способами суггестии, фасцинации и установления контакта с потребителем.

С появлением теории мультимодальности в языкоznании разрушается представление о центральном положении речи и письма в социально-семиотическом мире (A.P. Baldry, J. Callaghan, E. McDonald, R. Iedema, C. Jewitt, M. Bednarek, J.R. Martin, G. Kress, T. van Leeuwen, J.L. Lemke, K. O'Halloran, F. Serafini, T. Royce, P.J. Thinbault, L. Unsworth, M. Walsh и др.). С позиций социальной семиотики, невозможно передать значение с помощью только одного ресурса семиотической системы¹. Доминирующее ранее в качестве основного носителя информации слово заменяется образом² [Омельяненко, Ремчукова, 2018, с. 68].

Основоположники теории мультимодальности, Г. Кресс и Т. ван Лиувен, выделяют следующие основные теоретические положения мультимодальности [Kress, van Leeuwen, 2001, p. 77; цит. по: Омельяненко, Ремчукова, 2018, с. 69].

1. Мультимодальность допускает, что репрезентация и содержание высказывания всегда основывается на взаимодействии модусов. Это конструируется с помощью анализа и описания полного спектра средств для создания значений, которыми люди пользуются (визуальный, разговорный, жестикуляционный, письменный, 3D и др.) в различных контекстах.

¹ «Words conjure images, images are verbally mediated, writing is a visual form, algebra shares much of the syntax and semantics of natural language...» [Lemke 2002 a] – Слова вызывают озвучиваемые образы, письмо есть их изображение; алгебра более похожа на синтаксис и семантику естественно языка» (пер. по: [Омельяненко, Ремчукова, 2018, с. 68]).

² Явление, когда изобразительные единицы проникают в социальные сферы бытия человека и признаются самостоятельными носителями реальности, обозначено как pictorial turn, magic turn или iconic turn – иконический поворот [Boehm, Mitchell, 2009, цит. по: Омельяненко, Ремчукова, 2018, с. 68–69].

2. Мультимодальность предполагает, что существуют определенные экстралингвистические, семиотически неоднородные ресурсы для достижения определенной цели.

3. Мультимодальность допускает, что именно нормы и правила, действующие в момент создания значения, являются базисом при отборе и конфигурации модусов для создания этого.

Теория мультимодальности нашла наибольшую применимость в XX в., что связано с развитием информационных и коммуникационных технологий, а также с беспрецедентным развитием цифровых технологий в конце XX – начале XXI в., когда сущностным стало понятие экранности.

Экранное изображение несет огромное количество конкретной визуальной и аудиоинформации. Картинку или ситуацию, для описания которых писателю понадобилось бы несколько абзацев (и даже страниц), зритель воспринимает за несколько секунд [Тарковский, 1993, с. 56]. По своей природе любое экранное изображение является иконографическим, в нем реципиент сразу распознает инвариант знакомых ему объектов. Знак может носить одновременно и символический характер, передавая при этом разную информацию. Известно, что физиологические и психологические особенности восприятия различных цветов и их комбинаций во многом соотносятся с чисто физическими законами, касающимися света и цвета, чем активно пользуются при создании визуального компонента поликодового текста. Масштаб активно используется для придания экспрессивности изобразительному компоненту поликодового текста. Это, в частности, изменение размера и формы шрифта [Тихомирова, 2018, с. 553].

Коммуникация, осуществляемая на интернет-площадках организована, как правило, по принципу мультимодальности, так как удовлетворяет следующим условиям: наличие гетерогенного контента, возможность свободного доступа к этому контенту, возможность симультанного обновления гетерогенного контента в рамках одного интерфейса [Borges Gomes, de Oliveira Silva, 2018].

Большинству элементов интернет-коммуникации присуща поликодовость¹, т.е. сочетание «в едином графическом простран-

¹ Поликодовость интернет-коммуникации выражается также в сочетании двух или нескольких языков в пределах одного высказывания [Тихомирова, 2018, с. 552].

стве семиотически гетерогенных составляющих – вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [Сонин, 2005, с. 117; цит. по: Тихомирова, 2018, с. 551].

К.Л. О’Халлоран [Multimodal discourse analysis ..., 2004] отмечает, что цифровые технологии приводят к появлению новых теорий и практик в области математики и точных наук, и для этого целесообразно использовать мультимодальный дискурс-анализ (SFMDA). Пример использования мультимодального дискурс-анализа предлагает Ф. Бенсон при изучении YouTube-контента. Такой анализ учитывает [Discourse ..., 2015, р. 83–84, цит по: Омельяненко, Ремчукова, 2018, с. 72]:

- комплекс семиотических модусов (*multiple semiotic mode*): меняющиеся картинки, устная и письменная коммуникация, музыка, различные активные ссылки, иконки и т.п.;
- многообразие участников и способов участия в производстве и воспроизводстве дискурсов (*multiple authorship*): не только комментарии пользователей-подписчиков, но и реклама, возможность передавать информацию через *liking* и *disliking* и т.д.;
- высокая динамичность дискурса (постоянно меняющийся (*highly dynamic*) контент).

В коммуникации, осуществляющей с привлечением нескольких модальностей (модусов), между модальностями выстраивается определенные отношения. Например, в вербально-аудиальном тексте возможны следующие типы семиотико-семантических отношений [Чернявская, 2010, с. 121]:

1) *дополнительные отношения*, при которых изображение (картинка) и слово выражают в общем одно содержание, конкретизируя и иллюстрируя друг друга;

2) *интегративные взаимообусловливающие отношения*, когда визуальный компонент раскрывает смысл верbalного, снимая потенциальную многозначность последнего (без картинки смысл языкового выражения неясен);

3) *отношения двойного кодирования*, при которых вербальное сообщение ясно и вполне однозначно может интерпретироваться адресатом, а визуальный компонент передает то же содержание параллельно с языковым кодом, усиливая его воздействующий эф-

фект (предметное / денотативное содержание поддерживается своего рода эмоциональной коннотацией).

В процессе восприятия и понимания явлений окружающей действительности происходит обработка информации, интегрированной из различных модальностей. Такого типа информация повышает точность восприятия и уменьшает двусмысленность передаваемого сообщения [Multimodal integration..., 2014]. Множественная модальность обеспечивает доставку сообщения без потери смысла, в то время как в процессе передачи сообщения по одной из модальностей может возникнуть ситуация потери значения из-за перекрытия шумом, существующим в среде [Hauser, 1997] или шумом в перцептивной системе получателя [Ay, Flack, Krakauer, 2007, p. 441]. Таким образом, мультимодальная стратегия одновременно увеличивает разнообразие информации, поступающей в приемник, и повышает надежность сигнала [там же].

Наряду с этим экспериментальные исследования показали, что человек может сталкиваться с серьезными затруднениями, пытаясь усвоить информацию, предлагаемую в поликодовой форме [Сонин, 2006, с. 65; цит. по: Тихомирова, 2018, с. 552].

3.2. Экспериментальное исследование воздействия мультимодальной поликодовой коммуникации в социальных интернет-сетях на реципиентов, не вовлеченных в процесс общения¹

Появление всемирной сети Интернет способствовало значительному развитию новых форм и видов коммуникации, экономическому, научному прогрессу, в целом, и развитию лингвистического знания, в частности. Благодаря большому объему текстов, доступных в Интернете, их актуальности и относительной простоте обработки стали активно развиваться такие лингвистические направления, как корпусная и компьютерная лингвистика, основ-

¹ На основе материала, представленного в: Komalova L. Social network sites as digital heterotopias: textual content and speech behavior perception // Digital transformation and global society, CCIS. DTGS 2018 / Ed. by D. Alexandrov, A. Boukhanovsky, A. Chugunov, Y. Kabanov, O. Koltsova. – Cham: Springer, 2018. – Vol. 859. – P. 43–54. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-02846-6_4.

ными задачами которых является обработка естественного языка, извлечение смысловой информации, семантический анализ текста и т.п. (см. подробнее: [Hee van, Lefever, Hoste, 2018; Goodspeed, 2017; Wang, Winstead, 2016; Researching language..., 2014; Fletcher, 2012; Zappavigna, 2012; Crystal, 2003]). Иными словами, всемирная сеть Интернет открыла новые горизонты перед лингвистами.

Использование социальных сетей стало повседневным делом для миллионов жителей по всему миру [Dark personality, 2017; Han, 2018; Ivanova, 2018; Park, Conway, Chen, 2018; Roig-Marín, 2017; Ridder de, Bauwel van, 2013; Runions, 2013; Kaplan, 2010; Ellison, 2007]. Наряду с этим интернет-площадки стали местом, где циркулирует зачастую ложная, недостоверная или непроверенная информация (обман, слухи, пропаганда, полуправда), которая с легкостью становится достоянием пользователей интернет-ресурсов, и может повлиять на мнения, которые данные пользователи формируют на ее основе, и, как следствие, привести к неверным действиям с их стороны [Han, 2018; Kumar, 2014].

К тому же постоянная включенность в информационные потоки с применением современных технологий оказывает влияние и на эмоционально-психологическое состояние пользователей [Txt-ing selves, 2002]. То, что изначально разрабатывалось как инструмент, упрощающий жизнь человека (например, решающий задачу быстро установить контакт с территориально удаленными субъектами), переросло свои функции (например, социальные интернет-сети в настоящее время не используются только для установления контакта, напротив, сама среда вынуждает пользователей вкладывать дополнительные ресурсы, время для того, чтобы создавать свои виртуальные образы). Вовлеченность в подобные практики среди современных подростков считается обязательным требованием времени.

Однако ведение виртуальной жизни влечет за собой определенные риски: если на заре интернет-коммуникаций пользователи рассматривали виртуальность как возможность избежать ранящей реальности, то сейчас они вынуждены совладать с негативным воздействием виртуальной среды. Интернет-коммуникация стала средой для проявления всего разнообразия деструктивного (в том числе речевого) поведения (кибербуллинга, троллинга, киберстalkingа) [Dark personality, 2017; Kaakinen, Oksanen, Räsänen, 2018;

Ben-David, Matamoros-Fernandez, 2016]. В силу того, что виртуальное пространство нематериально, эмоционально-психологическая сфера человека чаще всего становится объектом вредоносных интервенций.

В настоящем исследовании предпринята попытка проанализировать эмоциональные реакции (предмет исследования) не вовлеченных в коммуникацию пользователей социальных интернет-сетей. Объектом исследования выступает деструктивное речевое поведение, реализуемое в дискурсе социальных интернет-сетей, в которых обсуждаются социальные преобразования, политические решения и глобальные катастрофы.

Исходным постулатом исследования является утверждение о том, что устная и письменная формы речи являются продуктом комплексной деятельности человека, включающей все компоненты психофизиологической, функционально-двигательной и когнитивно-интеллектуальной систем [Потапова, 2014, с. 21].

При анализе речевого материала учитывались следующие переменные: 1) текущее эмоциональное состояние испытуемых; 2) гендер испытуемых; 3) тип стимульного материала (текстовое содержание сообщения, речевое поведение коммуникантов). Составлялись данные, полученные от группы испытуемых в составе четырех женщин и трех мужчин. Задача состояла в том, чтобы зафиксировать реакции испытуемых на русскоязычный контент социальной интернет-сети «ВКонтакте» (20 образцов письменной полилогической квазиспонтанной речи). На предэкспериментальной стадии исследования отобранный стимульный материал был квалифицирован как дискурс деструктивного типа (см. подробнее критерии в: [Potapova, Komalova, 2013; Потапова, Комалова, 2014; Комалова, 2020]).

Дизайн экспериментального исследования подразумевал применение непараметрических критериев статистической достоверности [Сидоренко, 2007; Social Science Statistics]:

- критерий χ^2 Фридмана – для проверки достоверности распределения трех типов эмоциональных реакций испытуемых (отрицательных, нейтральных и положительных) на стимульный контент;

- *T-критерий Вилкоксона* – для оценки различий между эмоциональными реакциями на текстовое содержание сообщения и речевое поведение коммуникантов;
- *U-критерий Манна-Уитни* – для оценки различий между ответами мужчин и женщин;
- r_s коэффициент ранговой корреляции Спирмена – для того, чтобы найти связи между эмоциональными реакциями испытуемых на стимулы и тремя переменными «текущее эмоциональное состояние испытуемых», «речевое поведение коммуникантов», «текстовое содержание дискуссий».

Стимульный материал

Стимульный материал для экспериментального исследования отбирался из базы данных, описанной в: [Potapova, Komalova, 2018]. Отдельная единица базы данных представляет собой ветку сообщений в одной из социальных интернет-сетей. Сообщения помимо текстовой информации включают графические изображения (фотографии, рисунки, таблицы), движущие или статичные изображения с текстовым сопровождением (мемы в формате gif), звукозаписи (подкасты), видеофрагменты. Характеристики стимульного материала представлены в таблице 16.

Таблица 16

Характеристики стимульного материала

<i>Характеристики</i>	<i>Ветки сообщений (социально-сетевая коммуникация):</i>	
	<i>№ 1–10</i>	<i>№ 11–20</i>
<i>Название ресурса</i>	vk.com	
<i>Основные темы</i>	<i>Внешняя политика</i>	<i>Внутренняя политика</i>
<i>Подтемы</i>	<i>Взаимоотношения между Россией, Европой и США по поводу ситуации в Сирии и Украине</i>	<i>Решения действующей власти и оппозиции</i>
<i>Временной период публикации сообщений</i>	<i>Ноябрь 2015 – февраль 2016</i>	<i>Декабрь 2015 – февраль 2016</i>
<i>Эмоциональная окраска сообщений</i>	<i>Эмоционально смешанные и сбалансированные: негативные, нейтральные и позитивные</i>	

Группа испытуемых

Для отбора стимульного материала на предэкспериментальной стадии была задействована группа респондентов (девять мужчин, 21 женщина, средний возраст = 20 лет), отличная от группы испытуемых (три мужчины, четыре женщины, средний возраст = 20 лет), работавшей со стимульным материалом. Участниками эксперимента стали учащиеся 3-го курса Московского государственного лингвистического университета, носители русского языка.

Мы предполагаем, что молодежь в этом возрасте является наиболее пластичной в отношении восприятия и интерпретации социальных преобразований, а также более склонна проявлять политическую активность в социальных сетях, которые в современном обществе стали еще одним пространством социализации [Miconi, 2013; Kennedy, 2013] и самоидентификации (формирование самооценки и образа себя) [Durán Sánchez, 2015, p. 50, с. 70]. Б. Робардс утверждает, что для многих молодых людей участие в социальных интернет-сетях является обязательным для принятия в группу сверстников [Robards, 2012].

Процедура эксперимента

Испытуемые дали согласие на участие в исследовании и были вольны покинуть его в любое время. Стимульный материал был очищен от видео и аватарок. Ник-неймы были заменены на нейтральные номинации так, чтобы они не указывали на гендерную или расовую принадлежность коммуникантов.

Испытуемым ($n = 7$) предлагалось прочитать ветки сообщений (20 фрагментов социально-сетевого дискурса, см. табл. 1), проанализировать содержание коммуникации и зафиксировать свое эмоциональное состояние до и после ознакомления со стимульным материалом. В целях оценки текущего эмоционального состояния испытуемых применялся сокращенный психологический тест А.Е. Уэссмана и Д.Ф. Рикса [Wessman, Ricks, 1966; Tanski, 1968]. Самооценка текущего эмоционального состояния производилась по следующим шкалам: спокойствие – тревожность, энергичность – усталость, приподнятость настроения – подавленность, чувство уверенности в себе – чувство беспомощно-

сти. Испытуемые также указали сведения о своем социальном положении.

В ходе эксперимента было получено 140 матриц, в которых отражаются эмоциональные реакции испытуемых в ответ на ознакомление со стимульным материалом. В силу того, что полученные данные были гетерогенными (иногда испытуемые указывали несколько разных реакций на одну ветку сообщений), была применена процедура нормализации данных. Все расчеты производились с нормализованными данными.

Результаты и обсуждение

Как показано в таблице 2, испытуемые склонны эмоционально реагировать на обсуждения политических преобразований в социальных интернет-сетях. Ни один из них не остался равнодушным к темам, обсуждаемым в стимульном материале. Каждый из 20 фрагментов социально-сетевого дискурса спровоцировал сдвиг в текущем эмоциональном состоянии испытуемых. Большинство зафиксированных эмоциональных реакций являются негативными (см. табл. 17, доминанты выделены полужирным шрифтом).

Примеры реакций испытуемых на стимульный материал:

- негативная эмоциональная реакция: «*Неприятно читать. Переход на личности не добавляет убедительности*» (Ж), «*Проявление агрессии в полилоге по отношению к другим участникам полилога не может не вызывать отрицательные эмоции*» (Ж), «*Мое настроение изменилось в худшую сторону после прочтения данного полилога. Люди настроены слишком агрессивно к друг другу, другим странам. Они не ищут пути мирного решения конфликта*» (Ж), «*Г-н ОЛЕ своей агрессивной манерой общения вызывает некоторое раздражение*» (М), «*Большинство реплик участников полилога вызывает у меня легкое раздражение. Во-первых, их позиции довольно одномерны, во-вторых, способ выражения собственного мнения довольно неадекватен*» (М), «*Настроение изменилось в худшую сторону, потому что жестокость людей, ставших жертвой пропаганды СМИ пугает*» (М);

• нейтральная эмоциональная реакция: «*Полилог никак не повлиял на мое эмоциональное состояние. Мнения участников но-*

выми или необычными не являются» (М), «Впечатления этот полилог на меня не произвел. Тема полилога, как и мнения участников не представляют для меня особого интереса. Эмоциональное сопоставление – нейтральное» (М), «Этот полилог в целом не оказал на меня никакого влияния. Однако, участники настроены довольно агрессивно к представителям власти» (Ж), «Настроение осталось нейтральным, участники полилога вели спокойную беседу» (Ж).

• позитивная эмоциональная реакция: «Обрадовалась, что люди еще умеют дискутировать без оскорблений друг друга» (Ж), «Интересно. На такие темы редко можно увидеть адекватное обсуждение» (Ж), «В целом, мнения некоторых участников полилога и их манеры выражения мыслей вызывают симпатию» (М), «Радость от того, что некоторые люди еще могут адекватно рассматривать текущую политическую ситуацию» (М).

Таблица 17

Эмоциональные реакции испытуемых на стимульный материал

Гендер испытуемого	Эмоциональная реакция		
	негативная	нейтральная	позитивная
Ж1	.113	.049	.014
Ж2	.078	.014	.042
Ж3	.113	.007	.035
Ж4	.016	.021	.028
М1	.056	.063	.021
М2	.042	.016	0
М3	.063	0	.021

По результатам проверки с применением критерия χ^2 Фридмана статистически значимых различий в соотношении негативных, нейтральных и позитивных реакций не было выявлено ($\chi^2 = 3,4286$, при $\rho = 0,18009$).

Испытуемые фиксировали следующие эмоциональные состояния, которые они испытывали в ответ на стимульный материал: негативные – раздражение (7), издевка (7), грусть (6), усталость (5), страх (5); позитивные – радость (5), интерес (4). Согласно отчетам испытуемых, позитивные эмоции мотивировали их на поис-

ки новой информации по обсуждаемой теме, чтение специализированной литературы и детальное изучение вопроса. Напротив, когда испытуемые испытывали негативные эмоциональные состояния, они ловили себя на мысли прекратить чтение стимульного материала и желании покинуть исследование.

В ходе анализа было выявлено, что испытуемые чаще ссылаются на содержание сообщений в качестве основания эмоциональной реакции (табл. 18, доминанты выделены полужирным). Проверка при помощи *T*-критерия Вилкоксона подтвердила статистическую достоверность полученных данных при $\rho = 0,05$ (сумма разностей = 23.86, сумма рангов положительных сдвигов = 3, сумма рангов отрицательных сдвигов = 25, $Z = -1.8593$, $W = 3$).

Таблица 18

Основания эмоциональной реакции испытуемых на содержание сообщений в стимульном материале

Гендер испытуемого	Основание эмоциональной реакции	
	<i>речевое поведение коммуникантов</i>	<i>содержание сообщений</i>
Ж1	.099	.068
Ж2	.022	.016
Ж3	.045	.122
Ж4	.015	.122
М1	.045	.091
М2	.038	.145
М3	.015	.061

Проверка при помощи *U*-критерия Манна-Уитни и критерия χ^2 Фридмана не выявила статистически значимых различий в данных между мужчинами и женщинами. Вне зависимости от гендера испытуемые склонны испытывать схожие эмоциональные состояния в ответ на предъявляемый в эксперименте стимульный материал.

Несмотря на то, что проверка данных при помощи r_s коэффициента ранговой корреляции Спирмена не выявила статистически достоверную корреляцию между эмоциональной реакцией испытуемых и тремя переменными (см. табл. 19, серая заливка указывает на обратные связи): 1) результатами по психологическому тесту Уэссмана-Рикса, 2) оценками речевого поведения

Глава 3. Интернет-опосредованная коммуникация как мультимодальная поликодовая среда

коммуникантов и 3) содержанием анализируемых сообщений, – обсуждение полученных результатов представляется интересным.

Таблица 19

Корреляция между эмоциональными реакциями испытуемых и исследуемыми переменными

Эмоциональная реакция испытуемых	Значения теста Уэссмана – Рикса	Основание эмоциональной реакции	
		речевое поведение коммуникантов	содержание сообщений
Негативная	.509	.596	.445
Нейтральная	.036	.490	.198
Позитивная	.309	.293	.381

Отмечаются следующие связи: повышение значений теста Уэссмана – Рикса коррелирует с понижением значений негативных и позитивных эмоциональных реакций на стимульный материал. Данную связь можно объяснить тем, что, находясь в приподнятом или сниженном текущем эмоциональном состоянии, люди являются более устойчивыми к негативным эмоциям (в первом случае это происходит в силу эффекта компенсации, во втором – в силу эффекта сглаживания).

Снижение значений по параметрам «деструктивное речевое поведение коммуникантов» и «деструктивное содержание сообщений» коррелируют с ростом значений по параметру «позитивные эмоциональные реакции на коммуникацию». Увеличение значений по параметру «деструктивное речевое поведение коммуникантов» и снижение значений по параметру «деструктивное содержание сообщений» коррелирует с ростом значений по параметру «негативные эмоциональные реакции». На основе выявленных корреляций можно сделать вывод о более сильном эффекте воздействия воспринимаемого речевого поведения (по сравнению с воздействием содержания сообщений) на эмоциональные реакции испытуемых.

В жизни современного человека общение в социальных интернет-сетях стало обыденной практикой, которая становится фактором воздействия на эмоциональную сферу не только непосредственных партнеров по коммуникации, но и не вовлеченных в общение сторонних наблюдателей. Проведенное исследование ос-

новывалось на допущении, что обсуждение социально значимых событий, к которым относятся политические преобразования, выступает потенциальным конфликтогеном в коммуникации. Подобные обсуждения могут спровоцировать также отрицательные эмоционально-психологические состояния не только у участников коммуникации, но и сторонних наблюдателей.

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о том, что не вовлеченные в коммуникацию участники социальных интернет-сетей эмоционально реагируют на контент деструктивного типа. Полученные реакции можно разделить на две группы: 1) эмоциональное реагирование на речевое поведение коммуникантов 2) эмоциональные реакции, вызванные содержанием сообщений. Полученные результаты соотносятся с данными: [Комалова 2016; Komalova 2018], подтверждая тот факт, что при восприятии коммуникации, реализуемой на виртуальных площадках, испытываемые дают схожие эмоциональные отклики, что и при восприятии коммуникации в реальных условиях взаимовоздействия.

Заключение

Целью настоящего исследования было определение того, какие эмоциональные реакции возникают у участников социальных интернет-сетей, не вовлеченных в коммуникацию; какого типа реакции возникают в ответ на стимулы в виде социально-сетевого дискурса деструктивного типа; и что является основанием для подобных реакций. Были проанализированы сдвиги в эмоциональном состоянии испытуемых до и после ознакомления со стимульным материалом, что позволило определить характер реакций на содержание сообщений и на речевое поведение коммуникантов.

Следует отметить значимость исследования восприятия сторонними наблюдателями различных событий (в том числе в виртуальной среде, в том числе на материале социально-сетевого дискурса), так как количество не вовлеченных участников обычно значительно превышает число вовлеченных. И если восприятие деструктивного речевого поведения и деструктивного содержания сообщений влияет на эмоциональное состояние наблюдателя, значит пагубное влияние агрессоров распространяется гораздо шире, чем только на непосредственную жертву.

3.3. Эмпирическое исследование «следов» депривации по письменной речевой коммуникации пользователей социальной интернет-сети¹

Согласно социально-когнитивной теории (теории социального обучения) А. Бандуры [Bandura, 1973; Бандура, 2000], на функционирование личности оказывают влияние взаимодействие трех групп факторов: 1) поведенческих, 2) когнитивных, 3) средовых. Когнитивные способности человека позволяют ему моделировать возможные изменения внешней среды и адаптировать свое поведение соответственным образом. Следуя логике исследователя, можно предположить, что в случае невозможности предвидеть / предсказать средовые изменения человек будет действовать неэффективно, возможно, его поведение будет непродуктивным, что, в свою очередь, может повлечь снижение уровня уверенности в своих силах, привести к ухудшению эмоционально-психологического самочувствия человека, привести к смятению чувств. Иными словами, подобная неспособность может стать фрустрирующим фактором. С другой стороны, «сбой» когнитивных способностей может быть вызван влиянием различного рода депривационных факторов. Адаптивный процесс требует выработки определенных реакций на ситуации стресса и фruстрации, и если уйти или конструктивно действовать не удается, то возможной реакцией может стать нападение на фрустратор или стрессор (см., например: [Налчаджян, 2000]).

Т.Р. Гарр, анализируя социальные и психологические акты деструктивности, побуждающие индивидов к политическому насилию, разрабатывает понятие относительной депривации (relative deprivation). Согласно его концепции, относительная депривация ощущается индивидом в результате восприятия и характеризуется расхождением между ценностными экспектациями и ценностными возможностями воспринимающего субъекта (индивидуального,

¹ Материал публикуется с разрешения редакции научного журнала «Вопросы психолингвистики». Комалова Л.Р. Вербальная реализация агрессии как продукт социально-когнитивной депривации // Вопросы психолингвистики. – М.: НОУ ВО МИЛ, 2016. – № 4 (30). – С. 103–115. – URL: <https://iling-ran.ru/library/voprosy/30.pdf>

группового, массового). «Ценностные экспектации – это блага и условия жизни, на которые, как убеждены люди, они могут с полным правом претендовать. Ценностные возможности – это блага и условия, которые люди, по их мнению, могли бы получить и удерживать» [Гарр, 2005, с. 61]. Можно предположить, что в понятии «относительная депривация» автор пытается передать комплексный характер данного психического явления и его взаимосвязь с социальными последствиями, отразить факт взаимопроникновения различных видов депривации и формирования в реальности гибридных форм активности, детерминированных депривационными стимулами. Одной из возможных форм реакции на различные депривирующие условия реальности может выступать агрессия, в том числе речевая.

В зависимости от того, какая потребность не удовлетворяется, исследователи выделяют различные виды депривации. Обобщая существующие типологии и классификации, Е.Г. Алексеенкова вслед за Й. Лангмайер и З. Матейчек описывает следующие виды депривации [Лангмайер, Матейчек, 1984; цит. по: Алексеенкова, 2009]:

- *сенсорная (стимульная) депривация* – пониженное количество сенсорных стимулов или их ограниченная изменчивость и модальность;

- *когнитивная (информационная) депривация (депривация значений)* – слишком изменчивая, хаотичная структура внешнего мира без четкого упорядочения и смысла, которая не дает возможности понимать, предвосхищать и регулировать происходящее извне;

- *депривация эмоционального отношения (эмоциональная депривация)* – недостаточная возможность для установления интимного эмоционального отношения к какому-либо индивиду или разрыв подобной эмоциональной связи, если таковая была создана ранее;

- *депривация идентичности (социальная депривация)* – ограниченная возможность для усвоения автономной социальной роли.

К депривации, выступающей объектом исследования в лингвистике, традиционно относят сенсорную (зрительную, слуховую, тактильную) и эмоциональную виды депривации. Несмотря на то что современная лингвистика обладает развитым инструментарием

соотнесения речевых индикаторов с эмоционально-модальными признаками депривации [Potapova, 2015], распознавания изменений в языковом сознании и поведения носителей различных лингвокультур (см., например: [Национально-культурная специфика..., 1977; Исследование речевого мышления..., 1985; Язык и сознание..., 1993; Уфимцева, 2011]), построения речевого портрета конкретного индивида [Потапова, 2015; Потапова, Потапов, 2006]), социальная и когнитивная виды депривации, связанные с внешними факторами среды и общества, играющие немаловажную роль в развитии полноценной личности, а также выступающие ведущими условиями в периоды социальной нестабильности, экономических кризисов, революционных изменений, остаются зачастую неохваченными.

Актуализировавшиеся в последнее десятилетие военные действия на территории стран постсоветского пространства создают условия для возникновения социальной и когнитивной депривации граждан стран в зоне военно-экономического конфликта, а также подтверждают тот факт, что информационная война «затевается» в квазианонимной среде Интернета. Дефицит достоверной информации, информации в целом или перенасыщение информацией определенного типа в условиях отсутствия критической оценки может приводить к ошибкам в суждениях о фактах действительности, построению ложных выводов о текущих событиях / субъектах, искажению актуальной картины мира.

И если в случае кратковременного воздействия возможна актуализация конструктивных способов реагирования на депривацию, то длительная депривация ведет к таким негативным последствиям как развитие чувства тревоги, необоснованного страха, депрессивных состояний и сопутствующих их когнитивных расстройств, актуализации экзистенциональных проблем личности, принятие нелегитимных паттернов поведения. Длительная неспособность справиться с возникшими трудностями (фрустрация) и лишениями (депривация) приводит к снижению общей активности и формированию негативной картины мира – формированию установки, что окружающая реальность изначально враждебна. Иной способ совладания с эмоционально-психологическим напряжением, порождаемым депривацией, – это уход в виртуальный мир.

Постулат о том, что человеческое сознание формируется посредством конструирования образа реальной действительности и через дискуривные практики, и факт того, что в современном мире человек приобретает опыт бытия в основном опосредованно, через тексты / дискурсы, раскрывает потенциальные угрозы вербальной актуализации агрессии в интернет-дискурсе социальных сетей.

Прогнозирование агрессивного поведения участника подобного дискурса в реальной жизни по продуцируемым сообщениям представляется весьма затруднительным в силу того, что практически невозможно проверить прогноз на практике. Однако определить эффект заражения настроениями, передаваемые в сообщении, и транслирование заложенных в сообщение концептов – задача вполне реальная.

Методика и процедура исследования

Целью настоящего исследования является описание речевого профиля автора сообщения, речевая продукция которого обусловлена воздействием депривационных факторов (внешняя информационная блокада страны, внутренняя политика переворота, экономический кризис, общая социальная нестабильность) и провоцирует эмоционально-психологическое напряжение, а также «заражает» агрессивными установками других участников коммуникации (в социальной сети «ВКонтакте»).

Анализируемый речевой материал, интернет-общение пользователей социальных сетей (полилоги, тематика которых входит в семантическое поле «агрессия»), следует рассматривать в рамках концепции социально-сетевого дискурса (по Р.К. Потаповой). Согласно данной концепции, социально-сетевой дискурс (ССД) является «особым электронным макрополилогом, рассматриваемым как результат сочетания устной и письменной разновидностей конкретного языка» [Потапова, 2015, с. 20–22]. Р.К. Потапова отмечает следующие свойства, отличающие социально-сетевой дискурс [там же]:

- необратимость;
- ситуативность;
- динамичность;

- нарушение иерархии социальных отношений (демократичность / псевдодемократичность);
- комбинаторикаmonoхронности и полихронности ввиду высокой скорости (темперы) распространения информации;
- комбинаторика высказываний представителей культуры с низким контекстом и культуры с высоким контекстом;
- увеличение межличностного пространства;
- тематическая неограниченность;
- казуальная обусловленность;
- манипулирование сознанием реципиента;
- эмоционально-модальная насыщенность.

Рассматриваемые полилоги ($n=5$) были отобраны для анализа методом сплошной выборки из авторской базы данных¹ «Русскоязычный агрессогенный дискурс социальных сетей (с учетом специальных параметров аннотирования)»[©] [Потапова, Комалова, 2015]. Тематикой данных полилогов было обсуждение участниками революционных событий на Украине (март 2014 года).

Участниками полилогов выступили 102 мужчины и 32 женщины; 36 участников идентифицировали себя с русской и 24 – с украинской лингвокультурами. У одиннадцати участников не удалось определить гендерную принадлежность, у 85 – принадлежность к лингвокультуре. В рассматриваемых полилогах участники общались на русском языке, в очень редких случаях переходя на украинский язык. Смена языкового кода обусловливается стремлением участника резко сменить подтему обсуждения, перевести внимание на свои сообщения и наглядно разделить группу на «своих» и «чужих».

Уже на данном шаге можно отметить, что русскоязычные участники были склонны к более открытой позиции в полилоге, предъявляли свое мнение более уверенно и в более культурной форме. Это может объясняться, в первую очередь, тем, что социальная сеть «ВКонтакте» является российским ресурсом, что дает участникам, идентифицирующимися с русской лингвокультурой, повод чувствовать себя «принимающей стороной».

¹ Подробнее о принципах формирования базы данных семантического поля «агgression», о разработке аннотированных корпусов по данной тематике см.: [Потапова, Комалова, 2013; 2014; 2015; Potapova, Komalova, 2013, 2014].

При составлении речевого профиля каждого из участников полилогов учитывались такие показатели его / ее речевой активности, как:

- общее число постов всех участников полилога;
- общее число постов каждого участника в полилоге;
- число сообщений каждого участника полилога, которые послужили стимулами для агрессивной речевой реакции друг (ого/их) участник (а/ов);
- жанр сообщений-стимулов;
- число сообщений, в которых реализовывалась ответная агрессивная речевая реакция других участников полилога на сообщения-стимулы каждого участника полилога;
- число сообщений каждого участника полилога, в которых реализовывалась ответная агрессивная речевая реакция данного участника полилога на сообщения-стимулы других участников;
- жанр сообщений-реакций.

Результаты исследования

При подсчете реплик-стимулов и реплик-реакций учитывались только реплики с агрессивным речевым компонентом, а также гендер участника полилога. Об общей активности в полилоге конкретного участника свидетельствует соотношение числа всех его постов к общему числу постов всех участников. Речевой профиль участников полилогов конструировался на основе определения показателей общей речевой активности каждого участника (OPA), его провокационной речевой активности (PPA), его реакционной речевой активности (PPA), соотношения провокационной и реакционной активностей данного участника (Δ), а также показателя речевой агрессии для каждого участника полилога (PAg). В таблице 20 представлены полученные в результате анализа данные по каждому из полилогов в соотношении участников-мужчин и участников-женщин.

Таблица 20

**Обобщенные показатели агрессивной речевой активности
участников полилогов**

Анализируемый полилог № 1					
(частота, в %)	ОРА	ПРА	РРА	Д	РАг
Мужчины	3,5	0,1	3,5	Р	3,6
Женщины	5,1	0,3	5,3	Р	5,6
Анализируемый полилог № 2					
	ОРА	ПРА	РРА	Д	РАг
Мужчины	9,7	0,8	9,4	Р	10,2
Женщины	7,5	0,2	8,3	Р	8,5
Анализируемый полилог № 3					
	ОРА	ПРА	РРА	Д	РАг
Мужчины	2,6	0,1	3,2	Р	3,3
Женщины	4,7	0,1	2,1	Р	2,2
Анализируемый полилог № 4					
	ОРА	ПРА	РРА	Д	РАг
Мужчины	5,6	0,4	5,5	Р	5,9
Женщины	3,9	4,3	4,3	Р	4,4
Анализируемый полилог № 5					
	ОРА	ПРА	РРА	Д	РАг
Мужчины	1,6	0,1	0	–	0
Женщины	2,5	0,1	0	–	0

Хотя в целом анализируемые полилоги по содержанию можно охарактеризовать как агрессивный тип коммуникации, среднее число агрессивных стимулов и реакций в их структуре не превышает 10%. Из таблицы 20 видно, что выделить тенденции в агрессивном речевом поведении участников полилога, определяемые гендером, не удалось: в зависимости от темы обсуждения и от количества участников полилога **агрессивная речевая инициатива** может проявляться как в речи мужчин, так и в речи женщин.

Таблица 21

Обобщенные показатели речевой активности участников полилогов по принципу «стимул – реакция»

№ полилога	Пол участника	Тип речевой деятельности (Δ^1)		
		П	Р	Н
1)	мужчина	4	7	5
	женщина	0	6	3
2)	мужчина	1	6	1
	женщина	1	2	0
3)	мужчина	1	14	11
	женщина	1	3	2
4)	мужчина	0	11	4
	женщина	0	3	1
5)	мужчина	1	0	38
	женщина	1	0	9

Доминирующим типом речевой активности в анализируемых полилогах является **агрессивная речевая реакция** на речевую провокацию другого коммуниканта (см. табл. 21). В свою очередь, сообщение, которое воспринимается как речевая провокация, не всегда является инициальной речевой агрессией и может представлять собой сообщение с нейтральным по содержанию контентом, провокативный потенциал которого актуализируется за счет общего контекста коммуникации или обусловливается позицией коммуникантов, как по отношению друг к другу, так и по отношению к предмету коммуникации.

В силу того что любая реплика в социально-сетевом полилоге имплицитно адресована всем участникам коммуникации, нельзя с уверенностью сказать, на кого именно направлен стимул, но можно отследить участников, которые отвечают на речевую провокацию.

Согласно полученным данным (табл. 22), в исследуемых полилогах мужчины более подвержены речевым провокациям и бо-

¹ Условные обозначения: П – в речевой деятельности участника переписки преобладает провокативность, Р – преобладает реактивность; Н – участник переписки не реагирует на провокации со стороны других участников и / или не продуцирует агрессивные речевые стимулы. Данные указаны в абсолютных единицах.

лее склонны отвечать на провокации в виде речевой агрессии. Ответная речевая агрессия более вероятно будет направлена на провокатора того же пола, что и адресант. Так, мужчины более склонны вербально агрессивно реагировать на речевые провокации мужчин, женщины, соответственно, – на речевые провокации женщин.

Таблица 22

**Соответствие речевых стимулов и речевых реакций
участников исследуемых полилогов**

Стимул со стороны	Частота связи	Ответная речевая агрессия со стороны
мужчины	0,53	женщины
	0,84	мужчины
женщины	0,47	женщины
	0,16	мужчины

Остановимся подробнее на определении жанровой составляющей сообщений, провоцирующих речевую реакцию в виде речевой агрессии, и непосредственно жанрах ответной речевой агрессии (с учетом гендера коммуникантов) (рис. 67–68).

**Рис. 67. Жанровая составляющая сообщений,
провоцирующих ответную речевую агрессию
(чем меньше порядковый номер,
тем большее перлокуттивная сила сообщения;
обозначения: — женщины, — мужчины)**

В результате анализа исследуемых полилогов было выявлено, что наиболее частотными речевыми жанрами, провоцирующими ответную речевую агрессию, являются жанры обвинения, оскорблений, язвительности. Например¹:

(1) Мужчина коллективному адресату: *О боже, одни дауны не способные думать* (оскорбление). <...> *Быдло* (оскорбление). *Гандона свергли, еще больше гандонов у власти стало* (обвинение).

(2) Мужчина женщине: ...*если не ваша тупая россия у нас бы этих проблем бы не было* (обвинение) *ваша страна проблема для всех стран мира вам же ЛОХам* (оскорбление) *делать нефиг так давай нашу страну лезть* (обвинение).

(3) Мужчина мужчине: *Валерий, ой как же вы узко мыслите* (язвительность).

(4) Мужчина мужчине: *малыш* (язвительность) *давай не говорить кто узко мыслит.*

(5) Женщина женщине: *Елизавета,))) не умеете красиво проигрывать спор?* (язвительное обвинение) *Или вы тайный фанат Виктренко?))).*

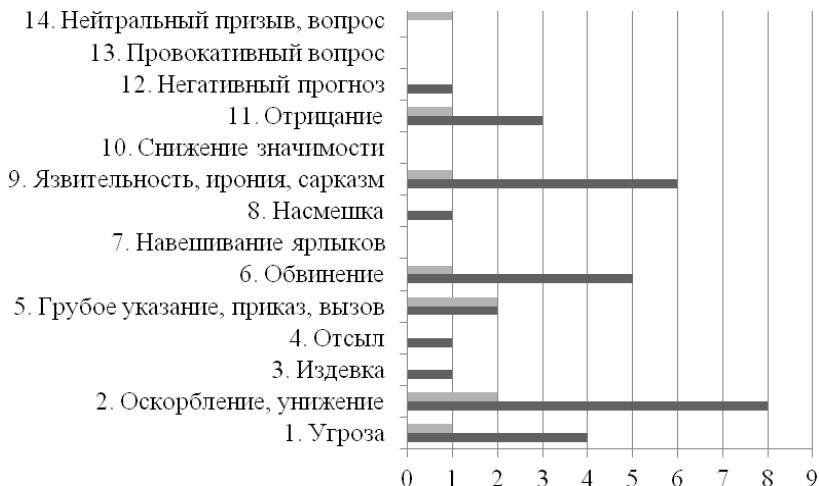
(6) Женщина коллективному адресату: *У хохлов* (оскорбление) *совсем нет ни логики, ни мозгов* (обвинение); *ни какой связи проследить не могу, тупые* (оскорбление).

В результате анализа жанров ответной речевой агрессии было выявлено, что женщины еще менее активно вербально проявляют себя в ответ на речевые провокации. Наиболее частотным жанром ответной речевой агрессии мужчин являются жанры оскорблений, язвительности, обвинения и угрозы. Например:

(7) Мужчина женщине: *Арина, если российские солдаты начнут в нас стрелять, хоть даже по приказу, вы уж извините, ответ будет достойным* (угроза ответных действий), *еще одной Абхазии не будет).*

(8) Мужчина коллективному адресату: ...*Украину Россие продали моральные уроды* (обвинение-оскорбление).

¹ Примеры приводятся в оригинальной редакции авторов сообщений исследуемых полилогов. Полужирным оформлением текста выделены единицы, идентифицирующие речевой жанр сообщения. В скобках указано наименование данного жанра.

**Рис. 68. Жанры ответной речевой агрессии
(чем меньше порядковый номер,
тем больше перлокутивная сила сообщения;
обозначения: — женщины, — мужчины)**

(9) Женщина женщине: *Арина, это ты решила что КРЫМ ваши???? большая а в сказки веришь* (язвительность). *вы же типа пришли защищать от кого то* (язвительность). *а сейчас что получается уже завоевывать* (обвинение) **ПОДЛЫЕ ПРЕДАТЕЛИ** (обвинение-оскорбление).

(10) Мужчина мужчине: *...ище будешь хуйню писать по ебалу получешь* (угроза) **гандон москаля!** (оскорблениe)

(11) Женщина женщине: *Алина, ну ты вообще предательница* (обвинение) *нашей страны!!*

(12) Мужчина женщине: *Арина, если вы «свое» возвращаете то почему не забираете Аляску, и или против Америки очко играет* (язвительность). *<...> я костями ляжу ну не когда над моей головой не будет* (угроза) *возвышаться Русский флаг!*

(13) Мужчина мужчине: *Дима. Посмотри нашу историю у нас всегда так было есть и будет. Что одного вора убрали другой придет. тк власть всегда была у нас такая* (обвинение, негатив-

ный прогноз). Кроме царей которых с раннего детства готовили управлять страной. А вы пошли на поводу у бандитов (обвинение) и гибли за них, так что теперь получайте лучшую жизнь.... (язвительность)

(14) Женщина коллективному адресату: ...Ваше правительство делает ми*ет США и ЕС, а вы радуетесь... Вы были в Европе не в курортных городах??? Видели как живет простой люд в деревнях???? Нет??? Да, в ж*пе они видели этот ЕС, да только тепеев ни кто их оттуда не выпустит!!! помините мое слово через пару лет, если вы ступите в ЕС.... (угроза, негативный прогноз)

(15) Женщина женщине: ...ты вообще кто такая, да ты никто, чтоб судить нашу нацию и зовут тебя никак) (оскорбление).

(16) Женщина женщине: Ну если это КВН, то ты просто ДУРА (оскорбление). Я даже извиняться не стану. Разговор окончен (отказ от коммуникации). Читай свои сказки (приказ) про Тягнибока.

(17) Мужчина мужчине: Руслан, ты только скажи, когда вас будут продавать, назовешь свой ценник... Я тебя куплю, будешь мне обувь чистить (издевка).

(18) Мужчина мужчине: русских тут всегда уважали и любили, но сейчас из-за вашего вождя-спасателя, захотевшего получить Крым для своих целей, все меняется в худшую сторону (язвительное обвинение).

(19) Мужчина женщине: Путлер (оскорбление) ввел свои войска в Крым, ни одна страна мира этого не одобряет, тем более Украина, не уберет своих – им помогут убраться, начнется война (угроза, негативный прогноз), это весь мир уже знает, кроме России.

(20) Мужчина мужчине: ...вам что сложно нормально выбрать президента хорошего из народа а не очередного олигарха у которого все активы и все бабло за бугром (обвинение) и который как марионетка от европы зависит что ему скажет то и делает (обвинение) <...> вы не видите очевидных фактов (обвинение), вы утонули во лжи (обвинение) подаваемой вашими СМИ.

(21) Мужчина мужчине: ...вам есть с чем идти в бой то?
И айдете ли вы на россию матушку? Смотрите как бы она не показала оскол свой)) мало думаю вам не покажется (угроза).

(22) Мужчина коллективному адресату: **Украинские СМИ – гениратор оккупационной лжи!** (обвинение)

(23) Женщина коллективному адресату: *Не кому не желаю такого для своей страны. Все товарищи возвращается, и эта кость (Крым) вам еще поперек горла станет!!!* (угроза).

Выводы

На основе полученных в ходе настоящего исследования данных можно заключить, что следами социально-когнитивной депривации в письменной речи индивидов, актуальная жизненная ситуация которых детерминирована продолжительной многофакторной депривацией (лишения в социальной, экономической, политической, когнитивной, эмоционально-психологической сферах жизнедеятельности), является частотное использование речевых жанров агрессивного типа при актуализации в процессе речевой коммуникации тем, ассоциируемых с фактами депривации.

По сравнению с участниками-женщинами участники-мужчины более свободны в использовании речевых жанров агрессивного типа, как в качестве речевой провокации, так и для ответной речевой агрессии. Отмеченная тенденция проявляется как в репертуаре используемых жанров, так и в частоте их актуализации в процессе коммуникации. Иными словами, можно отметить, что в исследуемых полилогах у агрессора мужское лицо.

Следует также отметить, что для нападения и защиты коммуниканты-мужчины и коммуниканты-женщины применяют схожий перечень речевых жанров агрессивного типа. К тройке наиболее часто используемых относятся такие жанры как оскорблечение, обвинение, язвительность. Интерес представляет и тот факт, что речевой жанр оскорблений может быть рассмотрен в качестве предмета судебного разбирательства, т.е. может повлечь юридическую ответственность, в то время как регулирование функционирования жанров обвинения и язвительности происходит, как правило, в сфере бытового общения.

Список литературы

- Алексеенкова Е.Г.* Личность в условиях психической депривации. – СПб.: Питер, 2009. – 96 с.
- Анисимова Е.Е.* О гетерогенности религиозного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 675. – С. 9–22.
- Бандура А.* Теория социального обучения. – СПб.: Евразия, 2000. – 320 с.
- Галло Я.* Гетерогенность текста как лингвистическая проблема // Язык и культура. – 2013. – № 15. – URL: www.ff.unipo.sk/jak/15_2013/gallo.pdf
- Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.
- Демьянков В.З.* Согласование и адаптация модальностей // Когнитивные исследования языка. – Тамбов: РАЛК, 2019. – № 38. – С. 88–99. – URL: <http://cognitiveres.ralk.info/issues/vypusk-xxxviii/ii-polimodalnye-issledovaniya-v-kognitivnoy-lingvistike/soglasovanie-i-adaptatsiya-modalnostey.html>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=41350282>
- Исследование речевого мышления в психолингвистике / под ред. Е.Ф. Таракова. – М.: Наука, 1985. – 240 с.
- Кибрик А.А.* Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. – 2010. – № 4. – С. 134–152.
- Комалова Л.Р.* Агрессогенный дискурс: типология мультилингвальной вербализации агрессии. – 2-е изд., стереотип. – М.: Спутник +, 2020. – 275 с.
- Комалова Л.Р.* Межличностная коммуникация: от конфликта к консенсусу. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – 180 с. – URL: http://inion.ru/site/assets/files/2556/2016_mon_mezhlichnostnaia_kommunikaciia-1.pdf
- Лангмайер Й., Матейчик З.* Психическая депривация в детском возрасте. – Прага: Авиценум: Медицинское издательство, 1984. – 336 с.
- Налчаджян А.А.* Этнопсихологическая самозащита и агрессия. – Ереван: Огебан, 2000. – 408 с.
- Национально-культурная специфика речевого поведения / под ред. А.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Таракова. – М.: Наука, 1977. – 350 с.
- Омельяненко В.А., Ремчукова Е.Н.* Поликодовые тексты в аспекте теории мульти-модальности // Коммуникативные исследования.–2018. – № 3 (17). – С. 66–78. – DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.66–78.
- Пиле И.А.* Текст как поликодовое явление // Дизайн СМИ: тренды XXI века. – 2017. – № 3. – С. 67–76. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36590512>
- Потапова Р.К.* Речь: коммуникация, информация, кибернетика. – Изд. стереотип. – М.: Либроком, 2015. – 600 с.
- Потапова Р.К.* Социально-сетевой дискурс как объект междисциплинарного исследования // Материалы Второй международ. научн. конф. «Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы». – М.: МГЛУ, 2014. – С. 20–22.
- Потапова Р.К., Комалова Л.Р.* База данных русскоязычных текстов, содержащая единицы семантического поля «агgression» // Вестник Московского госу-

Глава 3. Интернет-опосредованная коммуникация как мультимодальная поликодовая среда

- дарственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2014. – № 19 (705). – С. 112–121. – URL: <http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/Vest-19z.pdf>
- Потапова Р.К., Комалова Л.Р.* База данных «Русскоязычный агрессогенный дискурс социальных сетей (с учетом специальных параметров аннотирования)»[©]. – 2015. – (28 Мб., 277 тыс. словоформ, 208 полилогов).
- Потапова Р.К., Комалова Л.Р.* Вербальная структура коммуникативного акта агрессии: Тематический толковый словарь. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – Вып. 1. – 146 с.
- Потапова Р.К., Комалова Л.Р.* Лингвокогнитивное исследование состояния «агрессия» в межъязыковой и межкультурной коммуникации: письменный текст // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 15(675). – С. 164–175.
- Потапова Р.К., Потапов В.В.* Язык, речь, личность. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.
- Сергеева Ю.Б.* Мультимодальный текст: читать, смотреть и / или слушать // Studia Linguistics. – 2015. – № 24. – С. 182–189.
- Сидоренко Е.В.* Методы математической обработки в психологии. – СПб.: Речь, 2007. – 350 с.
- Сонин А.Г.* Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2006. – 323 с.
- Сонин А.Г.* Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкоznания. – 2005. – № 6. – С. 115–123.
- Тарковский А.* Уроки режиссуры. – М.: ВИППК, 1993. – 90 с.
- Тихомирова М.С.* Поликодовый текст как часть интернет-коммуникации // Цифровая культура открытых городов: материалы Международ. науч.-практич. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Екатеринбург, 27–29 июня 2018 г.). – Екатеринбург, 2018. – С. 551–554. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36923840>
- Торопкина В.А.* Поликодовость и гибридность современного медийного словотворчества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 6. – С. 248–255.
- Уфимцева Н.В.* Языковое сознание: динамика и вариативность. – М.: Институт языкоznания РАН, 2011. – 252 с.
- Чернявская В.Е.* Медиальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты // Вестник ИГЛУ. – 2013. – № 2 (23). – С. 122–127. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20283709>
- Чернявская В.Е.* Поликодовость коммуникации как объект речеведения // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.П. Котюровой. – Пермь: Перм. гос. нац.-исслед. ун-т, 2010. – С. 113–124. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19623672>
- Шкина Д.С.* О терминах «поликодовость» и «креолизация» в описании рекламного текста глянцевых журналов // Вестник Московского государственного областного университета. – 2018. – № 2. – С. 351–363.

- Язык и сознание: парадоксальная рациональность / под ред. Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова (отв. ред.), Н.В. Уфимцевой. – М.: Институт языкоznания РАН, 1993. – 175 с.
- Adami E.* Multimodality // Oxford Handbook of Language and Society / Ed. by O. García, N. Flores, M. Spotti. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190212896.013.23.; URL: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780190212896.001.0001/oxfordhb-9780190212896-e-23>
- Adamzik K.* Textlinguistik. – Tübingen: Niemeyer, 2004. – 235 S.
- Ay N., Flack J., Krakauer D.C.* Robustness and complexity co-constructed in multimodal signalling networks // Philosophical Transactions of the Royal Society. – B., 2007. – Vol. 362. – P. 441–447. – DOI: 10.1098/rstb. 2006.1971 <http://europepmc.org/backend/ptpmcrender.fcgi?accid=PMC2323562&blobtype=pdf>
- Bandura A.* Aggression: A social learning analysis. – Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall, 1973. – 390 p.
- Ben-David A., Matamoros-Fernandez A.* Hate speech and covert discrimination on social media: Monitoring the Facebook pages of extreme-right political parties in Spain // International Journal of Communication. – 2010. – N 10. – P. 1167–1193. <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/3697>
- Boehm G., Mitchell W.J.T.* Pictorial versus iconic turn: two letters // Culture, Theory and Critique. – 2009. – Vol. 50. – P. 103–121.
- Borges Gomes F.W., de Oliveira Silva A.P.* Multimodality and persuasion in an audio-visual advertising piece // EntrePalabras. – 2018. – Vol. 8 (2). – P. 55–79.
- Crystal D.* Language and the Internet. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 272 p.
- Dark personality on Facebook: Harmful online behaviors and language / Bogolyubova O., Panicheva P., Tikhonov R., Ivanov V., Ledovaya Ya. // Computers in Human Behavior. – 2017. – No 78. – P. 151–159. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.09.032> <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563217305587?via%3Dhub>
- Discourse and digital practices: doing discourse analysis in the digital era / Ed. by R.H. Jones, A. Chik, C.A. Hafner. – London; New York: Routledge, 2015. – 262 p.
- Durán Sánchez C.A.* Aspectos interventores en la participación política y electoral de jóvenes. Una reflexión sobre la información, interacción y difusión de contenidos en redes sociales para futuras investigaciones en Santander // Desafíos. – 2015. – N 27 (1). – P. 47–81. – DOI: dx.doi.org/10.12804/desafios.27.01.2015.02. <https://revistas.urosario.edu.co/index.php/desafios/article/view/3630/2652>
- Ellison N.B.* Social network sites: Definition, history, and scholarship // Journal of Computer Mediated Communication. – 2007. – N 13. – P. 210–230. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x>. <https://academic.oup.com/jcmc/article/13/1/210/4583062>

Глава 3. Интернет-опосредованная коммуникация как мультимодальная поликодовая среда

- Fletcher W.H.* Corpus analysis of the World Wide Web // Encyclopedia of Applied Linguistics / Ed. by M. Hundt, N. Nesselhauf, C. Biewer. – London: Wiley-Blackwell, 2012. – DOI: 10.1002/9781405198431. <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download;jsessionid=098072500C15FBA6E587DABEC8C7BF94?doi=10.1.1.360.9984&rep=rep1&type=pdf>
- Goodspeed R.* Community and urban places in a digital world // City & Community. – 2017. – N 16 (1). – DOI: 10.1111/cico.12218. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/cico.12218>
- Han K.* How do you perceive this author? Understanding and modeling authors' communication quality in social media // PLoS ONE. – San Francisco, 2018. – N 13 (2). – DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0192061> <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0192061>
- Hauser M.D.* The evolution of communication. – Cambridge, MA: MIT Press, 1997. – 776 p.
- Hee van C., Lefever E., Hoste V.* Exploring the fine-grained analysis and automatic detection of irony on Twitter // Lang Resources & Evaluation. – 2018. – N 52. – P. 707–731. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s10579-018-9414-2> <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10579-018-9414-2>
https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metadc130967/m2/1/high_res_d/n_03702.pdf
(дата обращения: 06.07.2019).
- Ivanova A.A.* Directness in the blogs of English celebrities: IX International Conference «Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects (WUT2018)» // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. – Moscow: Future Academy, 2018. – P. 531–536. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.75> <https://www.futureacademy.org.uk/files/images/upload/WUT2018F75.pdf>
- Kaakinen M., Oksanen A., Räsänen P.* Did the risk of exposure to online hate increase after the November 2015 Paris attacks? A group relations approach // Computers in Human Behavior. – 2018. – N 78. – P. 90–97. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.09.022> L: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563217305484?via%3Dihub>
- Kaplan A.M., Haenlein M.* Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media // Business horizons. – 2010. – N 53. – P. 59–68. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2009.09.003>. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0007681309001232?via%3Dihub>
- Kennedy J.* Rhetorics of sharing: Data, imagination, and desire // Unlike Us Reader: Social media monopolies and their alternatives / Ed. by G. Lovink, M. Rasch. – Amsterdam: Institute of Network Cultures, 2013. – P 127–136. – URL: https://monoskop.org/images/7/7b/Lovink_Geert_Rasch_Miriam_eds_Ulike_Us_Reader_Social_Media_Monopolies_and_Their_Alternatives.pdf
- Komalova L.* Social network sites as digital heterotopias: textual content and speech behavior perception // Communications in Computer and Information Sciences. – 2018. – Vol. 859. – P. 67–79. – DOI: 10.1007/978-3-030-02846-6_4. https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-030-02846-6_4

- Kress G.R., van Leeuwen T. Multimodal discourse: the modes and media of contemporary communication. – London: Edward Arnold, 2001. – 152 p.
- Kumar K.K., Geethakumari G. Detecting misinformation in online social networks using cognitive psychology // Human-centric Computing and Information Sciences. – 2014. – N 4 (14). – DOI: <https://doi.org/10.1186/s13673-014-0014-x>. <https://hcis-journal.springeropen.com/articles/10.1186/s13673-014-0014-x>
- Lemke J.L. Multimedia genres for Science Education and Scientific Literacy // Developing Advanced Literacy in First and Second Languages / Ed. by M.J. Schleppegrell, M.C. Colombi. – 2002. – URL: <http://www.jaylemke.com/storage/MultimediaGenres-Science-2002.pdf>
- Miconi A. Under the skin of the networks: How concentration affects social practices in web 2.0 environments // Unlike Us Reader: Social media monopolies and their alternatives / G. Lovink, M. Rasch. – Amsterdam: Institute of Network Cultures, 2013. – P. 89–102. – URL: https://monoskop.org/images/7/7b/Lovink_Geert_Rasch_Miriam_eds_Ulike_Us_Reader_Social_Media_Monopolies_and_Their_Alternatives.pdf
- Multimodal integration learning of robot behavior using deep neural networks / Noda K., Arie H., Suga Yu., Ogata T. Robotics and Autonomous Systems, 2014. – N 62 (6). – P. 721–736. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.robot.2014.03.003>. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0921889014000396?via%3Dihub>
- Multimodal discourse analysis. Systemic-functional perspectives / Ed. by K.L. O'Halloran. – New York: London: Continuum Publ., 2004. – 252 p.
- Park A., Conway M., Chen A. Examining thematic similarity, difference, and membership in three online mental health communities from reddit: a text mining and visualization approach // Computers in Human Behavior. – 2018. – N 78. – P. 98–112. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.09.001>. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563217305186?via%3Dihub>
- Potapova R. From deprivation to aggression: Verbal and non-verbal social network communication // Global Science and Innovation: materials of the VI International Scientific Conference (Chicago, November 18–19 th, 2015). – Chicago, 2015. – Vol. 1. – P. 129–137.
- Potapova R., Komalova L. Lingua-cognitive survey of the semantic field «aggression» in multicultural communication: Typed text // SPECOM 2013, LNAI / Ed. By M. Železný, I. Habernal, A. Ronzhin. – Heidelberg: Springer, 2013. – Vol. 8113. – P. 227–232. – DOI: [10.1007/978-3-319-01931-4_30](https://doi.org/10.1007/978-3-319-01931-4_30) http://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-319-01931-4_30#
- Potapova R., Komalova L. On principles of annotated databases of the semantic field «aggression» // SPECOM 2014, LNCS / Ed. by A. Ronzhin, R. Potapova, V. Delic. – Cham: Springer, 2014. – Vol. 8773. – P. 322–328. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-11581-8_40. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-11581-8_40
- Potapova R.K., Komalova L.R. Russian SND full-text annotated polylogues database: «political transformations» sub-corpus // Вестник Московского государст-

Глава 3. Интернет-опосредованная коммуникация как мультимодальная поликодовая среда

- венного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 6 (797). – С. 84–98. – URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/6_797.pdf
- Researching language and social media: A student guide / *Page R., Barton D., Unger J. W., Zappavigna M.* – New York: Routledge, 2014. – 202 p.
- Ridder de S., Bauwel van S.* Commenting on pictures: Teens negotiating gender and sexualities on social networking sites // Sexualities. – 2013. – N 16 (5 / 6). – P. 565–586. – DOI: 10.1177/1363460713487369.
- Robards B.* Leaving MySpace, joining Facebook: ‘Growing up’ on social network sites // Continuum: Journal of Media & Cultural Studies. – 2012. – N 26 (3): Mediated Youth Cultures. – P. 385–398. – DOI: <https://doi.org/10.1080/10304312.2012.665836>. <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10304312.2012.665836>
- Roig-Marin A.* Keeping up with the digital age: New data sources in research on languages for specific purposes // Ibérica. – 2017. – N 34. – P. 283–292. – URL: <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=287053467014>
- Runions K.C.* Toward a conceptual model of motive and self-control in cyberaggression: Rage, revenge, reward, and recreation // Journal of Youth and Adolescence. – 2013. – N 42. – P. 751–771. – DOI: 10.1007/s10964-013-9936-2.
- Social Science Statistics. – URL: <http://www.socscistatistics.com/tests/Default.aspx> (дата обращения: 06.07.2019)
- Tanski T.S.* The personal feeling scales as related to the DRAW-A-group projective techniques: Master degree thesis. – Denton: North Texas State University, 1968. – URL: https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metadc130967/m2/1/high_res_d/n_03702.pdf (дата обращения: 06.07.2019)
- The Routledge handbook of multimodal analysis / Ed. by C. Jewitt. – 1st ed. – London: Routledge, 2009. – 340 p.
- Txt-ing selves: Cellphones and Philippine modernity / *Pertierra R., Ugarte E., Pingol A., Hernandez J., Dacanay N.* – Manila: De La Salle University Press, 2002. – 197 p.
- Wang C., Winstead L.* Handbook of research on foreign language education in the digital age. – Hershey; New York: IGI Global, 2016. – 460 p.
- Wessman A.E., Ricks D.F.* Mood and personality. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1966. – 317 p.
- Zamparini A., Lurati F.* Being different and being the same: Multimodal image projection strategies for a legitimate distinctive identity // Strategic Organization. – 2017. – Vol. 15 (1). – P. 6–39. – DOI: 10.1177/1476127016638811. <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1476127016638811>
- Zappavigna M.* Discourse of Twitter and social media. – London: Bloomsbury, 2012. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-17948-3_13. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-319-17948-3_13 (дата обращения: 06.07.2019).

References

- Alekseenkova, E.G. (2009). *Lichnost v uslovijah psihicheskoy deprivacii* [Personality in conditions of physical deprivation]. Saint-Petersburg.: Piter.
- Anisimova, E.E. (2013). O heterogennosti religioznogo diskursa. *MSLU Bulletin. Humanitarian aspects*, 675, 9–22.
- Bandura, A. (2000). *Teoriya socialnogo nauchenija* [A social learning theory]. Saint-Petersburg: Evrazija.
- Gallo, Ja. (2013). *Geierogennost teksta kak lingvisticheskaja problema*. Jazyk i kultura, 15. Retrieved from www.ff.unipo.sk/jak/15_2013/gallo.pdf
- Garr, T.R. (2005). *Pochemu ljudi buntujut* [Why does people rebel]. Saint-Petersburg: Piter.
- Demyankov, V.Z. (2019). Modality agreement and adaptation. *Cognitive Studies of Language*, 38, 88–99. <https://elibrary.ru/item.asp?id=41350282>
- Issledovanie rechevogo myshlenija v psiholingvistike* [The study of verbal reasoning in psycholinguistics] / E.F. Tarasov (ed.). (1985). Moscow: Nauka.
- Kibrik, A.A. (2010). Multimodalnaja lingvistika. *Kognitivnye issledovaniya*, 4, 134–152.
- Komalova, L.R. (2020). *Aggressogen discourse: The multilingual aggression verbalization typology* [Aggressogennyj diskurs: Tipologiya mul'tilingval'noj verbalizatsii agressii] (2nd ed.). Moscow: Sputnik+.
- Komalova, L.R. (2016). *Interpersonal communication: From conflict to consensus* [Mezhlichnostnaya kommunikatsiya: ot konflikta k konsensusu]. Moscow: INION RAN. http://inion.ru/site/assets/files/2556/2016_mon_mezhlichnostnaya_kommunikaciia-1.pdf
- Langmejer, J., Matejcek, Z. (1984). *Psihicheskaja deprivacija v detskom vozraste* [Physical deprivation in children's age]. Praga: Avicenum, Medicinskoje izdatelstvo.
- Nalchadzhjan, A.A. (2000). *Jetnopsihologicheskaja samozashhita i agressija* [Ethno-psychological self-defense in aggression]. Erevan: Ogeban.
- Nacionalno-kulturnaja specifika rechevogo povedenija* [National-cultural specifics of speech behavior] / A.A. Leont'ev, Ju.A. Sorokin, E.F. Tarasov (eds.) (1977). Moscow: Nauka.
- Omeljanenko, V.A., Remchukova, E.N. (2018). Polikodovye teksty v aspekte teorii multimodalnosti. *Kommunikativnye issledovaniya*, 3(17), 66–78. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.66–78.
- Pile, I.A. (2017). Tekst kak polikodovoe javlenie. *Dizajn SMI: trendy XXI veka*, 3, 67–76. <https://elibrary.ru/item.asp?id=36590512>
- Potapova, R.K. (2015). *Rech: kommunikacija, informacija, kibernetika* [Speech: communication, information, cybernetics]. Moscow: Librokom.
- Potapova, R.K. (2014). Socialno-setevoj diskurs kak objekt mezdisciplinarnogo issledovaniya [Social network discourse as the object of interdisciplinary research]. In: *Materialy Vtoroj mezhdunarod. nauchn. konf. «Diskurs kak socialnaja dejatelost: prioritety i perspektivy»* [Materials of the II International scientific

Глава 3. Интернет-опосредованная коммуникация как мультимодальная поликодовая среда

- conference «Discourse as the social activity: priorities and perspectives»] (pp. 20–22). Moscow: Rema.
- Potapova, R.K., Komalova, L.R. (2015). *Baza dannyh «Russkojazychnyy agressogennyj diskurs social'nyh setej (s uchetom special'nyh parametrov annotirovaniya)»* [Database «Russian aggressive-gen discourse of social network (with the special parameters of annotation)»] (28 Mb., 277 000 word forms, 208 polylogues).
- Potapova, R.K., Komalova, L.R. (2014). Baza dannyh russkojazychnyh tekstov, soderzhashhih edinicy semanticeskogo polja «agressija» [Database of Russian texts containing items of the semantic field «aggression】. *MSLU Bulletin. The Humanities* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 19(705), 112–121. <http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/Vest-19z.pdf>
- Potapova, R.K., Komalova, L.R. (2015). *Verbalnaja struktura kommunikativnogo akta agressii: Tematicheskij tolkovyj slovar. Vyp. 1* [Verbal structure of communicative act of aggression: Thematic explanatory dictionary. Vol. 1]. Moscow: INION RAN.
- Potapova, R.K., Komalova, L.R. (2013). Lingvokognitivnoe issledovanie sostojanija «agressija» v mezhhazykovoj i mezhlkul'turnoj kommunikacii: pis'mennyj tekst [Lingua-cognitive research of the emotional state of «aggression» in the interlanguage and cross-cultural communication: written text]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 15(675), 164–175.
- Potapova, R.K., Potapov, V.V. (2006). *Jazyk, rech, lichnost* [Language, speech, personality]. Moscow: Jazyki slavjanskoy kultury.
- Sergeeva, Ju.V. (2015). Multimodalnyj tekst: chitat, smotret i / ili slushat. *Studia Linguistics*, XXIV, 182–189.
- Sidorenko E.V. (1996). *Mathematical methods in psychology* [Методы математической обработки в психологии]. Saint-Petersburg: Rech.
- Sonin, A.G. (2005). Jeksperimentalnoe issledovanie polikodovyh tekstov: osnovnye napravlenija. *Voprosy jazykoznanija*, 6, 115–123.
- Sonin, A.G. (2006). *Modelirovanie mehanizmov ponimanija polikodovyh tekstov*. (Doctoral dissertation). Moscow.
- Tarkovskij, A. (1993). *Uroki rezhissury*. Moscow: VIPPK.
- Tihomirova, M.S. (2018). Polikodovyj tekst kak chast internet-kommunikacii. In: *Tsifrovaja kultura otkrytyh gorodov* (pp. 551–554). <https://elibrary.ru/item.asp?id=36923840>
- Toropkina, V.A. (2018). Polikodost i gibridnost sovremennoj medijnogo slovotvorchestva. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 6, 248–255.
- Ufimtseva, N.V. (2011). *Jazykovoe soznanie: dinamika i variativnost* [Language consciousness: dynamics and variability]. Moscow: Institut jazykoznanija RAN.
- Chernjavskaja, V.E. (2010). Polikodost kommunikacii kak objekt rechevedenija. In: Kotjurovoj, M.P. (ed.) *Stereotipnost i tvorchestvo v tekste*. Perm: Perm. gos. nac.-issled. un-t (pp. 113–124). <https://elibrary.ru/item.asp?id=19623672>

- Chernjavskaja, V.E. (2013). Medialnyj poverot v lingvistike: polikodovye i gibrnidnye teksty. *Vestnik IGLU*, 2(23), 122–127. <https://elibrary.ru/item.asp?id=20283709>
- Shikina, D.S. (2018). O terminah «polikodovost» i «kreolizacija» v opisanii reklamnogo teksta gljancevyh zhurnalov. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 2, 351–363.
- Jazyk i soznanie: paradoksalnaja racionalnost* [Language and consciousness: the paradox rationality] / Ju.A. Sorokin, E.F. Tarasov, N.V. Ufimceva (eds.) (1993). Moscow: Institut jazykoznanija RAN.
- Adami, E. (2017). Multimodality. In: García, O., Flores, N., Spotti, M. (eds.) *Oxford Handbook of Language and Society*. Oxford, Oxford University Press. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190212896.013.23. Retrieved from <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780190212896.001.0001/oxfordhb-9780190212896-e-23>
- Adamzik, K. (2004). *Textlinguistik*. Tübingen: Niemeyer.
- Ay, N., Flack, J., Krakauer, D.C. (2007). Robustness and complexity co-constructed in multimodal signalling networks. *Phil. Trans. R. Soc. B*, 362, 441–447 (2007). DOI: 10.1098/rstb. 2006.1971. <http://europepmc.org/backend/ptpmcrender.fcgi?accid=PMC2323562&blobtype=pdf>
- Bandura, A. (1973). *Aggression: A social learning analysis*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.
- Ben-David, A., Matamoros-Fernandez, A. (2010). Hate speech and covert discrimination on social media: Monitoring the Facebook pages of extreme-right political parties in Spain. *International Journal of Communication*, 10, 1167–1193. DOI: 1932–8036/20160005. <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/3697>
- Boehm, G., Mitchell, W.J.T. (2009). Pictorial versus iconic turn: two letters. *Culture, Theory and Critique*, 50, 103–121.
- Borges Gomes, F.W., de Oliveira Silva, A.P. (2018). Multimodality and persuasion in an audiovisual advertising piece. *ENTREPALAVRAS*, 8 (2), 55–79.
- Crystal, D. (2003). *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jones, R.H., Chik, A., Hafner, C.A. (eds.) (2015). *Discourse and digital practices: doing discourse analysis in the digital era*. London; New York: Routledge.
- Bogolyubova, O., Panicheva, P., Tikhonov, R., Ivanov, V., Ledovaya, Ya. (2017). Dark personality on Facebook: Harmful online behaviors and language. *Computers in Human Behavior*, 78, 151–159. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.09.032>. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563217305587?via%3Dihub>
- Durán Sánchez, C.A. (2015). Aspectos interventores en la participación política y electoral de jóvenes. Una reflexión sobre la información, interacción y difusión de contenidos en redes sociales para futuras investigaciones en Santander. *Desafíos*, 27(1), 47–81. DOI: dx.doi.org/10.12804/desafios27.01.2015.02. <https://revistas.urosario.edu.co/index.php/desafios/article/view/3630/2652>
- Ellison, N.B. (2007). Social network sites: Definition, history, and scholarship. *Journal of Computer Mediated Communication*, 13, 210–230. DOI: <https://doi.org/>

Глава 3. Интернет-опосредованная коммуникация как мультимодальная поликодовая среда

- 10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x. <https://academic.oup.com/jcmc/article/13/1/210/4583062>
- Fletcher, W.H. (2012). Corpus analysis of the World Wide Web. Hundt, M., Nesselhauf, N., Biewer, C. (eds.) *Encyclopedia of Applied Linguistics*. London: Wiley-Blackwell. DOI: 10.1002/9781405198431. wbeal0254. <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download;jsessionid=098072500C15FBA6E587DABEC8C7BF94?doi=10.1.1.360.9984&rep=rep1&type=pdf>
- Goodspeed, R. (2017). Community and urban places in a digital world. *City & Community*, 16(1). DOI: 10.1111/cico.12218. Retrieved from <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/cico.12218>
- Han, K. (2018). How do you perceive this author? Understanding and modeling authors' communication quality in social media. *PLoS ONE*, 13(2). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0192061>. Retrieved from <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0192061>
- Hauser, M.D. (1997). *The evolution of communication*. Cambridge: MA: MIT Press.
- Hee van, C., Lefever, E., Hoste, V. (2018). Exploring the fine-grained analysis and automatic detection of irony on Twitter. *Lang Resources & Evaluation*, 52, 707–731. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10579-018-9414-2>. <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10579-018-9414-2>
- Ivanova, A.A. (2018). Directness in the blogs of English celebrities. In: IX International Conference «Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects (WUT2018)». *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences* (pp. 531–536). Moscow: Future Academy. DOI: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.75>. <https://www.futureacademy.org.uk/files/images/upload/WUT2018F75.pdf>
- Kaakinen, M., Oksanen, A., Räsänen, P. (2015). Did the risk of exposure to online hate increase after the November 2015 Paris attacks? A group relations approach. *Computers in Human Behavior*, 78, 90–97. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.09.022>. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563217305484?via%3Dihub>
- Kaplan, A.M., Haenlein, M. (2010). Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media. *Business horizons*, 53, 59–68. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2009.09.003>. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0007681309001232?via%3Dihub>
- Kennedy, J. (2013). Rhetorics of sharing: Data, imagination, and desire. In: Lovink, G., Rasch, M. (eds.) *Unlike Us Reader: Social media monopolies and their alternatives* (pp. 127–136). Amsterdam: Institute of Network Cultures. https://monoskop.org/images/7/7b/Lovink_Geert_Rasch_Miriam_eds_Unlike_Us_Reader_Social_Media_Monopolies_and_Their_Alternatives.pdf
- Komalova, L. (2018). Social network sites as digital heterotopias: textual content and speech behavior perception. In: Alexandrov, D., Boukhanovsky, A., Chugunov, A., Kabanov, Y., Koltsova, O. (eds.) *Digital Transformation and Global Society. DTGS 2018* (pp. 67–79). CCIS, vol 859. Springer, Cham. DOI:

- 10.1007/978-3-030-02846-6_4. https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-030-02846-6_4
- Kress, G., van Leeuwen, T.V. (2001). *Multimodal discourse: The modes and media of contemporary communication*. London: SAGE.
- Kumar, K.K., Geethakumari, G. (2014). Detecting misinformation in online social networks using cognitive psychology. *Human-centric Computing and Information Sciences*, 4(14). DOI: <https://doi.org/10.1186/s13673-014-0014-x>. Retrieved from <https://hcis-journal.springeropen.com/articles/10.1186/s13673-014-0014-x>
- Lemke, J.L. (2002). Multimedia genres for science education and scientific literacy. In: Schleppegrell, M.J., Colombi, M.C. (eds.) *Developing Advanced Literacy in First and Second Languages*. Retrieved from <http://www.jaylemke.com/storage/MultimediaGenres-Science-2002.pdf>
- Miconi, A. (2013). Under the skin of the networks: How concentration affects social practices in web 2.0 environments. In: Lovink, G., Rasch, M. (eds.) *Unlike Us Reader: Social media monopolies and their alternatives* (pp. 89–102). Amsterdam: Institute of Network Cultures. https://monoskop.org/images/7/7b/Lovink_Geert_Rasch_Miriam_edts_Ulike_Us_Reader_Social_Media_Monopolies_and_Their_Alternatives.pdf
- Noda, K., Arie, H., Suga, Yu., Ogata, T. (2014). Multimodal integration learning of robot behavior using deep neural networks. *Robotics and Autonomous Systems*, 62(6), 721–736. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.robot.2014.03.003>. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0921889014000396?via%3Dihub>
- O'Halloran, K.L. (ed.) (2004). *Multimodal discourse analysis. Systemic-functional perspectives*. New York, London: Continuum Publ.
- Park, A., Conway, M., Chen, A. (2018). Examining thematic similarity, difference, and membership in three online mental health communities from reddit: A text mining and visualization approach. *Computers in Human Behavior*, 78, 98–112. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.09.001>. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563217305186?via%3Dihub>
- Potapova, R. (2015). From deprivation to aggression: Verbal and non-verbal social network communication. In: *Global Science and Innovation: materials of the VI International Scientific Conference* (pp. 129–137), Chicago, November 18–19th. Vol. 1.
- Potapova, R., Komalova, L. (2013). Lingua-cognitive survey of the semantic field «aggression» in multicultural communication: Typed text. In: Železný, M., Habernal, I., Ronzhin, A. (eds.) *SPECOM 2013*, LNAI, Vol. 8113 (pp. 227–232). DOI: 10.1007/978-3-319-01931-4_30. http://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-319-01931-4_30#
- Potapova, R., Komalova, L. (2014). On principles of annotated databases of the semantic field «aggression». In: Ronzhin, A., Potapova, R., Delic, V. (eds.) *SPECOM 2014*, LNCS, Vol. 8773 (pp. 322–328). DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-11581-8_40. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-11581-8_40

Глава 3. Интернет-опосредованная коммуникация как мультимодальная поликодовая среда

- Potapova, R.K., Komalova, L.R. (2018). Russian SND full-text annotated polylogues database: «political transformations» sub-corpus. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6(797), 84–98. http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/6_797.pdf
- Page, R., Barton, D., Unger, J. W., Zappavigna, M. (2014). *Researching language and social media: A student guide*. New York: Routledge.
- Ridder de, S., Bauwel van, S. (2013). Commenting on pictures: Teens negotiating gender and sexualities on social networking sites. *Sexualities*, 16(5/6), 565–586. DOI: 10.1177/1363460713487369.
- Robards, B. (2012). Leaving MySpace, joining Facebook: ‘Growing up’ on social network sites. *Continuum. Journal of Media & Cultural Studies*, 26(3): Mediated Youth Cultures, 385–398. DOI: <https://doi.org/10.1080/10304312.2012.665836>.
- Roig-Marín, A. (2017). Keeping up with the digital age: New data sources in research on languages for specific purposes. *Ibérica*, 34, 283–292. <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=287053467014>
- Runions, K.C. (2013). Toward a conceptual model of motive and self-control in cyber-aggression: Rage, revenge, reward, and recreation. *Journal of Youth and Adolescence*, 42, 751–771. DOI: 10.1007/s10964-013-9936-2.
- Social Science Statistics. Retrieved from <http://www.socscistatistics.com/tests/Default.aspx>
- Tanski, T.S. (1968). *The personal feeling scales as related to the DRAW-A-group projective techniques* (Master degree thesis). Denton: North Texas State University. Retrieved from https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metadc130967/m2/1/high_res_d/n_03702.pdf
- Jewitt, C. (ed.) (2009). *The Routledge handbook of multimodal analysis*. 1st ed. London: Routledge.
- Pertierra, R., Ugarte, E., Pingol, A., Hernandez, J., Dacanay, N. (2002). *Txt-ing selves: Cellphones and Philippine modernity*. De La Salle University Press, Manila.
- Wang, C., Winstead, L. (2016). *Handbook of research on foreign language education in the digital age*. Hershey; New York: IGI Global.
- Wessman, A.E., Ricks, D.F. (1966). *Mood and personality*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Zamparini, A., Lurati, F. (2017). Being different and being the same: Multimodal image projection strategies for a legitimate distinctive identity. *Strategic Organization*, 15(1), 6–39. DOI: 10.1177/1476127016638811. <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1476127016638811>
- Zappavigna, M. (2012). *Discourse of Twitter and social media*. London: Bloomsbury. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-17948-3_13. https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-319-17948-3_13

Заключение

Результаты исследования особенностей восприятия мульти-модальной моно- и полизннической коммуникации позволяют утверждать, что многокомпонентная палитра признаков и параметров, функционирующих в рамках коммуникативного пространства, дает возможность обнаруживать, распознавать, идентифицировать и оценивать определенные вариформы вербального, паравербального, невербального и экстравербального плана, что позволяет решать собственно коммуникативную задачу, реализуемую в процессе дискретизации аудио-, видео- и текстовых нарративов, которые основаны на использовании коммуникантами определенных гендерных, возрастных, социальных, культурных и исторических паттернов.

Исследование показало, что решение доминантной задачи не только возможно, но и необходимо в связи с усложнением цифровых способов передачи информации в процессе коммуникации.

Особое значение приобретают проблемы адекватной интерпретации поступающей мультимодальной моно- и полизннической информации, от чего зависит адекватная реакция на стимул и последующие действия коммуникантов.

Результаты исследования показали, что феномен конвенциональности в коммуникативном пространстве оказывает влияние на относительно адекватную оценку (при минимуме значения энтропии) поступающей информации, а, следовательно, и на результаты коммуникативного процесса.

Conclusion

The results of present research on perceptual features of multimodal mono- and poly-ethnic communication argue that a multicomponent palette of signs and parameters, functioning within the communicative space, makes it possible to detect, recognize, identify and evaluate certain varieties of verbal, para-verbal, non-verbal, and extra-verbal modalities. It allows solving actual communicative tasks realized in the process of discretization of audio-, video- and textual narratives, which are produced by interlocutors using certain gender, age, social, cultural, and historical patterns.

The findings show that the solution of the dominant issue is not only possible, but also necessary due to the complicity of digital methods of transmitting information within communication process. Appropriate multimodal mono- and poly-ethnic information interpretation is of great importance though it allows interlocutors producing an adequate response to a stimulus and realizing subsequent actions. They also show that the phenomenon of conventionality within communicative space affects the relatively adequate evaluation (with a minimum of entropy) of the incoming information, and, consequently, the results of the communicative process.

ОБ АВТОРАХ

Потапова Родмонга Кондратьевна – российский лингвист, доктор филологических наук (1983), профессор (1987), действительный член Международной академии информатизации (1994), заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (2010), почетный вице-президент Международного общества по фонетическим наукам (ISPhS); заведующий кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики, директор Института прикладной и математической лингвистики Московского государственного лингвистического университета. Победитель конкурса преподавателей вузов «Золотые имена высшей школы в науке и образовании» (2018), лауреат государственной научной стипендии Российской академии наук «Выдающиеся ученые России» (1995–2000), обладатель золотой медали Американского биографического общества «За выдающиеся достижения и вклад в науку» (1992).

Потапов Всеволод Викторович – российский лингвист, доктор филологических наук (1998), старший научный сотрудник филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; лауреат конкурса молодых ученых МГУ (1997), стипендиат Германского научного фонда Александра фон Гумбольдта (1994–1996, 1998, 2000), лауреат конкурса работ, способствующих решению задач Программы развития Московского университета (2017, 2019).

Комалова Лилия Ряшитовна – доктор филологических наук (2017), заведующий отделом развития ресурсного потенциала ИНИОН РАН, ведущий научный сотрудник отдела языкоznания ИНИОН РАН, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Московского государственного лингвистического университета; лауреат Премии Правительства Москвы молодым ученым (2019); член Европейского общества лингвистов (*Societas Linguistica Europaea*).

ABOUT AUTHORS

Rodmonga Potapova – Russian linguist, Doctor of Science (1983), Doctor Habilitatus (1987), full member of the International Academy of Informatization (1994), honored worker of higher education of the Russian Federation (2010), honorary vice president of the International Society of Phonetic Science (ISPhS); head of the Department of applied and experimental linguistics and director of the Institute for applied and mathematical linguistics (Moscow State Linguistic University); winner of the Higher school golden names prize for university academicians in science and education (2018), laureate of the State scientific scholarship of the Russian Academy of Sciences «Outstanding scientists of Russia» (1995–2000), holder of gold medal of the American Biographical Society «For outstanding achievements and contribution to science» (1992).

Vsevolod Potapov – Russian linguist, Doctor of Science (1998), senior researcher at Lomonosov Moscow State University (Faculty of Philology); laureate of the competition of works contributing to solution of Lomonosov Moscow State University development (2017, 2019), laureate of the Young scientists competition of Lomonosov Moscow State University (1997), scholarship holder of Alexander von Humboldt German Science Foundation (1994–1996, 1998, 2000).

Liliya Komalova – Doctor of Science (2017), head of the Resource capability development department and leading research fellow at the Department of linguistics (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences), professor at the Department of applied and experimental linguistics (Moscow State Linguistic University); laureate of the Moscow Government young scientist prize (2019); member of the European Society of Linguists (Societas Linguistica Europaea).

Потапова Р.К., Потапов В.В., Комалова Л.Р.

**ВОСПРИЯТИЕ МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ МОНО-
И ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ:**

Монография

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 23.09.2020

Формат 60×84/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Цена свободная

Усл. печ. л. 13,75

Уч.-изд. л. 11,4

Тираж 300 экз.

Заказ № 101

(1–100 экз. – 1-й завод)

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел. : (925) 517-36-91
E-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литер У